

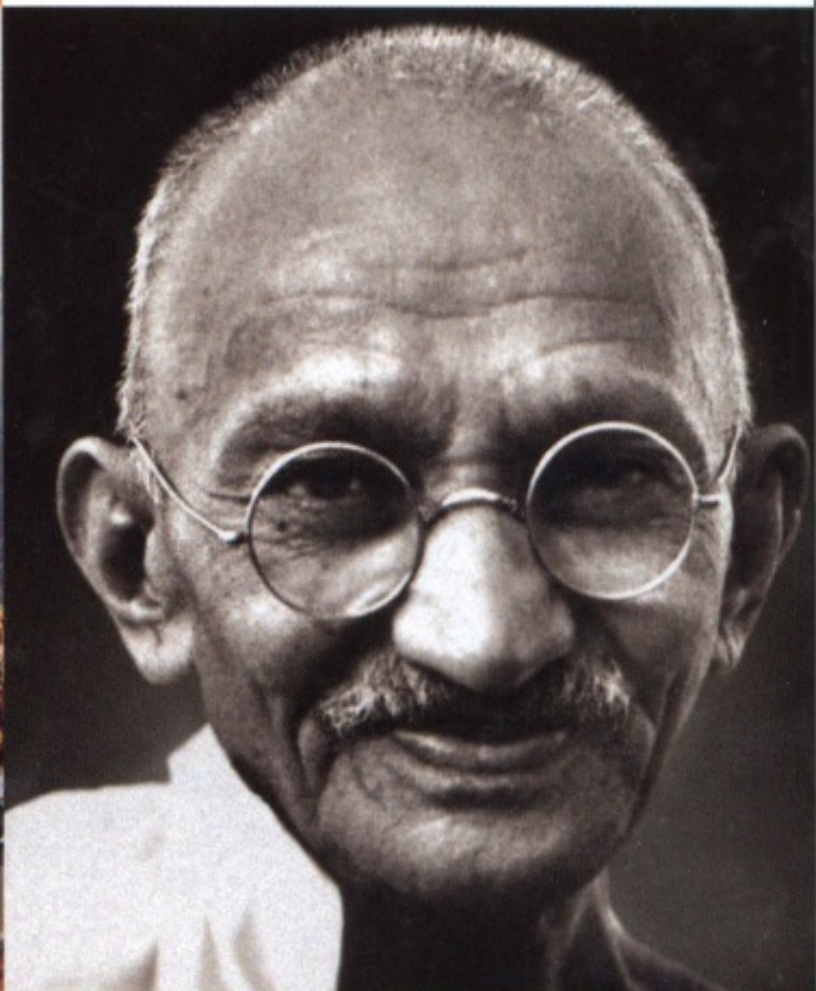
К. Жоржиев

МАХАТМА ГАНДИ

ЖЗЛ

МАХАТМА ГАНДИ

Кристина
Жоржиев

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Мохандас Карамчанд Ганди — одна из наиболее харизматичных фигур XX столетия. Рабиндранат Тагор дал ему имя Махатма — «Великая душа», под которым он стал известен всему миру. Выходец из богатой касты купцов и блестяще образованный юрист, он стал на путь сурового аскетизма и заложил основы нового философского учения. Он возглавил освободительную борьбу против британского господства, призывая своих сограждан проявлять мужество и ненасилие. Чтобы приостановить столкновения внутри страны, он обошел пешком Восточную Бенгалию и Бихар, призывая индусов, мусульман и сикхов к прекращению беспорядков. Его идейное и политическое наследие оказало заметное влияние на многих деятелей антиколониального и демократического движения и снискало ему всенародную любовь и почитание.

-
- [Кристина Жордис](#)
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
  - [НАЧАЛО](#)
  - [В АНГЛИИ](#)
  - [ЮЖНАЯ АФРИКА \(1893–1914\)](#)
  - [ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДИЮ. УСИЛЕНИЕ МОЩИ \(1915–1920\)](#)
  - [ГОДЫ БОРЬБЫ \(1920–1928\)](#)
  - [АПОГЕЙ \(1928–1934\)](#)
  - [СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ \(1934–1939\)](#)
  - [ВОЙНА](#)
  - [МУЧЕНИК](#)
  - [МЫСЛИТЕЛЬ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ?](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. К. ГАНДИ](#)
  - [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)

- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)

- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)

- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)

- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)

- [280](#)
  - [281](#)
  - [282](#)
  - [283](#)
  - [284](#)
  - [285](#)
  - [286](#)
  - [287](#)
  - [288](#)
  - [289](#)
  - [290](#)
  - [291](#)
  - [292](#)
  - [293](#)
  - [294](#)
  - [295](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

Кристина Жордис МАХАТМА ГАНДИ

Судьба рода человеческого сегодня, как никогда, зависит от его нравственной силы. Путь к радости и счастью лежит через самоотверженность и самоограничение, где бы то ни было.

Альберт Эйнштейн

Франц Кафка сказал мне: «Совершенно очевидно, что теперь движение Ганди победит. Посадив Ганди в тюрьму, они лишь придадут его партии гораздо больший импульс. Ибо без мучеников любое движение вырождается в клуб по интересам, объединяющий людей, бессовестно спекулирующих на своем успехе. Река превращается в лужу, где загнивают все идеи о будущем. Ибо идеи, как, впрочем, и всё в этом мире, что имеет надличностную ценность, живут лишь за счет личных жертв».

Густав Яноух

ПРЕДИСЛОВИЕ

На заре XX века позиции британского империализма были по-прежнему прочны. Индия же, по словам Джавахарлала Неру^[1], погрязла в «болоте нищеты и пораженческих настроений, тянувших ее на дно», на протяжении многих поколений она отдавала «свою кровь, свой труд, свои слезы, свой пот», и это подточило ее тело и душу, отравило общественную жизнь во всех ее проявлениях, подобно смертельной болезни, разъедающей плоть и убивающей медленно.

Явился Ганди.

«Он был точно мощный приток свежего воздуха, побудившего нас расправить члены... луч света, пронзивший мрак; точно вихрь, перевернувший всё вверх дном, в том числе наше мышление. Он не сошел с неба; он словно возник из индийских масс, говорил на их языке и постоянно обращал внимание на них, на их ужасающее положение»^[2].

Человек, которому предстояло изменить судьбу страны, был совершенно невзрачным. «Маленький человек жалкой наружности», но вместе с тем твердый, как сталь, или как скала. «Несмотря на невыразительные черты, набедренную повязку и наготу, в нем было что-то царственное, требовавшее повиновения... Его спокойные и серьезные глаза с цепким взглядом проникали в самую вашу душу; его голос, четкий и ясный, пробирал, доходил до самого сердца и переворачивал внутренности... Начали действовать чары, магнетизм...»^[3] В его присутствии у каждого возникало «ощущение причащения». Откуда брались эти колдовские «чары»? Конечно, не от разума, хотя призывы к рассудку тоже были; не из ораторского искусства и не из гипнотизма фраз — они были простыми и краткими, ни одного лишнего слова. «Вас захватывала абсолютная искренность этого человека и его личности; складывалось такое впечатление, будто он обладал неисчерпаемыми запасами внутренней силы»^[4].

Однако уже при жизни Ганди его считали возможным критиковать. Вероятно, кое-кому претила сама мысль о вожде, святом или герое. В нем предпочитали видеть заурядного человека, действующего в силу обычных побуждений (личная выгода, борьба за власть, банальное тщеславие: «осознание самого себя как смиренного и нагого старика, сидящего на молитвенном коврике и сотрясающего империю силой своей духовной власти»), — короче, видеть за выдающейся личностью расчетливого

человека, ловкача, влюбленного в свою славу и в конечном счете побежденного (как тогда казалось многим британцам — его врагам). Возможно, кого-то раздражал его эмоциональный подход к экономическим и социальным проблемам и то, что он напирает на религию (на самом деле, этику): тогда не допускалось смешивать религиозные принципы с политикой — областью, которую именовали *разумом*, тогда как Ганди действовал «магнетизмом» и пытался завладеть воображением народа, чтобы лучше направлять его. Возникал вопрос о связи между духовностью и политикой. Отношение, вызывавшее боль, непонимание, потрясения. «Зачем пытаться изменить существующий порядок?» — писал Неру, бывший его учеником и другом. «Нет, достаточно было изменить сердце людей! Вот что называют религиозностью во всей ее чистоте в противовес жизни с ее проблемами. Она не имеет ничего общего с политикой, экономикой или социологией. И все же Бог знает, как далеко мог зайти Ганди в области политики!»^[5] Если у него действительно столь возвышенные цели, говорили его критики, зачем же тогда опешлять их, вступая в политическую жизнь, которая, как известно, по природе своей лежит далеко от поисков истины? Короче, никто не мог понять этой парадоксальной смеси «святого средневекового католика» и «политического лидера с практическим складом ума».

По меньшей мере, этот человек был подозрителен: не возникало сомнений, что под видом аскета скрывался хитрый человек себе на уме, ловко лавирующий, умеющий находить компромиссы между крайностями, между классами и партиями, способный проявить твердость в теории и гибкость в ее применении, радикально поменять свои взгляды, не заботясь о связи с прежними своими утверждениями, — короче, человек «необычайно сложный, смесь величия и низости, крупная политическая фигура, слишком политическая, что бросало пятно на его нравственные и религиозные концепции»^[6], каким его увидел «Поэт», то есть Рабиндранат Тагор^[7], в 1926 году, прежде чем безоговорочно примкнул к Ганди. Причем Тагор подчеркивал склонность к компромиссам, «эту тайную недобросовестность, заставлявшую его доказывать себе путем мудреных рассуждений, что путь, на который он согласился, есть путь добродетели и божественного закона, даже если на самом деле было наоборот, и он не мог этого не знать»^[8]. Значит, он в большей степени был политиком, чем святым, и тем более хитрым, непостижимым, что он беспрестанно публично исповедовался в своих сомнениях, колебаниях, ошибках и крутых поворотах, работая в условиях полнейшей «гласности», как мы сегодня бы

сказали. Нравственность, любовь, религиозная лексика — было ли это позой, злоупотреблением громкими словами и чувствами, чтобы увлечь за собой толпы и произвести впечатление на противника?

Эти вопросы не подрывали веры индийцев в его искренность. Несмотря на его лексикон, «почти совершенно непонятный для современного нам среднего человека», по словам Неру, несмотря на неожиданные перемены взглядов, друзья считали его «великим человеком, единственным в своем роде, которого нельзя было судить по общей мерке или по канонам обычной логики»^[9]. Поверив в него, они последовали за ним. Никогда ни один из них, в противоположность тем, кто говорил «на ином языке», — враждебные его мысли или попросту неспособные его понять, — не заподозрил его во лжи или обмане: «Для миллионов индийцев он воплощение истины, и все, кто его знают, чувствуют страстную серьезность, с какой он неустанно стремится поступать справедливо»^[10]. Применять к этой необыкновенной личности банальные рассуждения, избитые фразы, расхожие теории, с какими подходят к среднему политику, было бы поверхностно, подчеркивает Неру. Он сам неоднократно пытался дать определение Ганди, переходя от любви к гневу, от удивления к восхищению, постоянно подправляя портрет, рамки которого были слишком узки для самой модели.

Возможно, более убедительным выглядит суждение противника, лорда Рединга^[11], вице-короля Индии, который, вступив в должность 2 апреля 1921 года, имел с Ганди шесть долгих бесед: «Его религиозные взгляды, я полагаю, искренни, и он убежден почти до фанатизма, что ненасилие и любовь обеспечат Индии независимость и позволят ей сопротивляться британскому правительству».

С тех пор время, благо прошедшее, позволяет взглянуть со стороны, исследователи и специалисты стараются, хотя и не всегда успешно, сохранять критическую дистанцию, даже научную строгость, принимая во внимание всё, что было написано прежде их. На смену Ганди-христианину, святому и мученику из первых научных трудов пришел «секуляризованный Ганди, чье лидерство и методы политической борьбы вызвали больший интерес, чем религиозные идеи»; в недавнем времени пытались дать «более реалистичную оценку итогов его деятельности, сосредоточившись на богатстве его личности». У каждой эпохи был свой Ганди. И у каждого биографа, у каждого историка. Толкование этой бесконечно сложной личности находится в тесной связи с личностью того, кто о нем пишет, — таков вывод, напрашивающийся после прочтения нескольких из тысяч

книг, написанных о нем на сотнях языков. «Конечно, мы переносим собственное мировоззрение на то, что мы пишем»^[12], — признается Роберт Пейн, известный писатель, историк, биограф. Тогда лучше сразу допустить, что объективности здесь быть не может.

«Прошло недостаточно времени, чтобы судить о нем объективно», — писал Неру, который был с ним так близок. «Его ужасно не хватает тем из нас, кто был с ним тесно связан, испытал влияние этого подминающего под себя и столь притягательного человека... Вот почему личное отношение играет среди нас слишком большую роль, влияя на наши суждения и даже искажая их». Допустим. Но «объективность», возникающая на расстоянии, рискует упустить главное — неугасимый «внутренний огонь», «необычайную способность делать невероятное возможным», в которую верили все. «Те, кто не знал его близко, должно быть, плохо себе представляют, каким внутренним огнем горел этот мирный и смиренный человек. В общем, — заключает Неру, — ни те ни другие не смогли бы оценить или понять, как все было на самом деле»^[13].

Не будучи специалистом по Индии или биографом Ганди, а только увлеченной писательницей, знакомой с Азией, я чувствую себя вправе, благодаря этим словам, взяться за вдоль и поперек изученную тему, зная, что не смогу привнести ничего нового, и все же желая подойти к ней по-своему, поскольку она вечно останется открытой, ведь точку поставить нельзя. «Всё в нем — необыкновенный парадокс» — так сказал Неру.

Наш нарождающийся век принял бы благосклонно мыслителя альтернативной современности, искателя истины, другими словами, «религиозного» человека, но не христианского святого, каким его начали почитать на Западе, и близкого к пророкам новой эры, как предполагает писатель Мартин Грин, ставящий его вровень с Толстым. Близкого к людям, чье мировоззрение повлияло на конец века, для которого, как и для нашего, были свойственны некоторые особенности, как то: забота о сохранении природы, бунт против материализма, уклон в область духовного. Многие считают Ганди пророком грядущего века, того, что пострелигиозная культура назвала «духом». Дух, сила духа, воплощенные в нем в максимальной степени, — вот что придает смысл слову «человечность».

НАЧАЛО

«Порбандар» — слово, пробуждающее фантазию. Мир рыбаков, судовладельцев, кораблей, курсирующих между Индостаном, Аравийским полуостровом, восточным побережьем Африки, вплоть до Южной Африки, где Ганди однажды откроет свое призвание... Однако к моменту рождения Ганди, 2 октября 1869 года, это был лишь небольшой сонный рыболовецкий порт в Гуджарате^[14].

Город Порбандар «с узкими улочками, базарной толчеей, толстыми стенами, с тех пор по большей части разрушенными, находится в трех шагах от Аравийского моря. Дома, лишённые архитектурного величия, построены из белого камня, который с годами твердеет и мягко отсвечивает при заходе солнца; он принес Порбандару романтическое название “Белого города”. Важное место в нем занимают храмы; сам родовой дом Ганди был выстроен подле двух храмов. И тем не менее средоточием всей жизни было, да и сейчас является море»^[15].

Еще в конце XIX века многие семьи поддерживали деловые связи по ту сторону океана. Именно связи такого рода вызвали отъезд Ганди в Южную Африку.

В те времена Порбандар был лишь одним из трех сотен княжеств и краев, входивших в Гуджарат, которыми управляли князья, удерживавшие свой трон благодаря высокому рождению и поддержке какого-нибудь государя. Несмотря на эту раздробленность и феодальный строй, регион начал развиваться; он даже подарил Индии несколько предприимчивых дельцов, религиозных и общественных реформаторов. Упорство, осознание некой миссии — эти черты были не редки, некоторые индийские историки даже утверждали, что неслучайно два человека, которые, действуя с противоположных позиций, оказали наибольшее влияние на историю Индии в XX веке, — Ганди и Джинна^[16], — были родом именно из этого штата^[17].

У каждого региона Индии была своя специфика, закрепившаяся за тысячелетия. «Пять тысяч лет назад, — говорит один биограф Ганди, — Гуджарат уже был торговым перекрестком между Западом и Востоком. Известно даже название племен, занимавшихся торговлей и населявших эту область...» Если принимать близко к сердцу идею о далеком и глубинном влиянии, о призвании, заложенном в человеке на генетическом уровне и передающемся сквозь поколения и века, велик соблазн считать,

что Ганди происходил от этой древней торговой олигархии, унаследовав от нее хитрость и мудрость.

Он принадлежал к банианам^[18], то есть торговцам из Гуджарата, — «бакалейщикам», как он говорит в автобиографии, — которые издревле жили в этом регионе: мирные купцы, далекие от духа кшатриев, то есть воинов, — второй из четырех каст, весьма распространенной в других частях Индии. Баниа принадлежала к третьей крупной касте^[19] индусов — вайшья, в которую входили купцы, земледельцы и скотоводы.

Торговцы-баниане придерживались джайнистской^[20] доктрины ненасилия. Совершенно точно, что она наложила большой отпечаток на Ганди. Как подчеркивает Неру, он «частично следовал концепциям, которыми проникся в молодые годы, проведенные в Гуджарате... Ганди придерживался эклектического взгляда на развитие индийской мысли и истории. Он думал, что ненасилие — глубинный принцип этого развития... Не ставя под вопрос заслуги ненасилия на нынешнем этапе человеческого существования, можно сказать, что такие представления были со стороны Ганди историческим предрассудком»^[21]. Таким образом, согласно Неру, ненасилие не было доминирующей идеей в индийской философии на протяжении ее развития, а относилось к джайнизму, утвердившемуся в Гуджарате и повлиявшему на Ганди в юности (индусские националисты-фундаменталисты, на которых не действует харизма Ганди, ссылались на иное прошлое — воинственное, когда предки индусов отличались своей мужественностью в боях с применением силы).

«Монахи-джайны часто навещали моего отца и даже делали крюк, чтобы сесть за стол вместе с нами...» (Но его отец принимал и друзей-мусульман и парсов^[22], которые говорили ему о своей религии. Он выслушивал их с уважением, и юный Ганди также имел возможность присутствовать при этих разговорах, что привило ему, как он говорил, широкую религиозную терпимость.) Как бы то ни было, ненасилие было принципом, присущим Ганди с самого рождения. Наряду с этой ценностью величайшей важности в традиционных торговых кругах проповедовали честность, экономность, неподкупность. От торгового прошлого своей семьи у Ганди сохранилась привычка держать свои счета в порядке и откладывать деньги, стараясь «сокращать расходы, умело руководя комитетами, неустанно гоняясь за пожертвованиями»; короче, качества, которые, согласно Оруэллу, говорят о том, что «его предки были крепкими деловыми людьми среднего класса»^[23]. Здравомыслие, реализм, практический склад ума. Борясь с империей, он естественным образом

обнаружил нерв войны: вопрос о торговле, и в 1920 году начал бойкот английской продукции, который должен был выбить из седла британскую администрацию.

Но, как пишет Ганди в автобиографии, «на протяжении трех поколений, начиная с моего деда, наша семья поставляла нескольким штатам премьер-министров...», государственных советников, принципиальных людей, которые умели идти на риск и «гусарствовать». Ганди восхищался также честностью и дерзостью своего отца Карамчанда: неподкупный, беспристрастный, верный государству (он даже бросил вызов одному британскому агенту, который оскорбил его начальника). Кроме того, он был храбрым и щедрым, человеком клана, преданным своей семье. Малограмотный и необразованный, он полагался на свой обширный опыт в знании людей и дел. «Он не получил никакого образования, а лишь приобрел большой практический опыт; в лучшем случае он доучился до пятого класса гуджаратской школы. Об истории и географии отец не имел никакого понятия»^[24]. Слабое место: он был импульсивным, вспыльчивым и, что хуже всего с точки зрения Ганди, «возможно, склонен к плотским утехам», о чем как будто говорил тот факт, что он женился четыре раза, и в четвертый раз, «когда ему было уже за сорок», на молодой женщине на 20 лет моложе его.

От Путлибай у него были три сына (Мохандас — самый младший) и одна дочь. Ганди разделяли с отцом полстолетия — расстояние в годы, которое побуждало в большей степени к почтительности, чем к задушевному общению.

Ганди и его отец

Упрек по поводу сексуальной ненасытности отца, который содержится в автобиографии, несомненно, усугублялся еще более серьезным проступком (Ганди об этом никогда не забудет): по настоянию стареющего отца семья решила женить Мохандаса.

Ему тогда было всего тринадцать. Действовали из соображений экономии: его старший брат собирался жениться, как и двоюродный брат, постарше его, так лучше провести сразу три церемонии за одни и те же деньги. «В семье считали, что лучше одним разом покончить со всеми этими заботами. Меньше расходов, больше *блеска*», но очень может быть, что отец хотел отпраздновать свадьбу, пока смерть не призвала его к себе.

Однако праздник был испорчен, поскольку во время переезда из

Раджкота (куда переселились Ганди) в Порбандар (там должна была состояться свадьба) отец упал и расшибся. Это почти роковое несчастье имело важные последствия для жизни его сына: «Мой отец держался молодцом, несмотря на свои раны, и высидел всю свадебную церемонию... Тогда я был далек от мысли, что однажды буду сурово корить его за то, что он женил меня так рано»^[25].

Вернувшись домой, Мохандас разрывался между своей женой-ребенком, школой, куда продолжал ходить, и заботами об отце. Он с усердием и любовью принял на себя материнские обязанности сиделки, которые исполнял все последние годы жизни Карамчанда (впоследствии эта роль станет страстью его жизни: он будет ухаживать за всей Индией, за неприкасаемыми, прокаженными, голодными). Он уже постоянно служил другому, разрываясь, терзаясь, думая о жене, когда находился при отце, и об отце, когда был с женой. В результате он забросил учебу и остался на второй год.

О школе он говорит мало, уточняя, что был «посредственным учеником», удивляясь призам и стипендиям, которые ему выдавали, довольно пассивным, пока речь не заходила о его моральных качествах. Тогда он доводил дело до крайности. «Я ревниво следил за своим поведением. От малейшей неприятности у меня слезы наворачивались на глаза. Если я заслуживал — или учителю казалось, что заслуживал, — нагоняй, мне это было нестерпимо»^[26].

Поэтому в тот день, когда его заподозрили во лжи, он испытал невыносимое чувство стыда. Была суббота, он опоздал в школу. Стояла пасмурная погода: «Я ухаживал за отцом, часов у меня не было, облачное небо ввело меня в заблуждение. Когда я пришел, все остальные уже ушли». Мохандас, которому нравилось ухаживать за больным отцом и лечить его, к тому же он к этому привык, не стал придумывать оправданий и сказал правду. Учитель не поверил ему и наказал. Тогда юный Ганди заплакал от горя. Из этого он извлек ясный урок: «Правду надо говорить с осторожностью». (Впоследствии он добился, чтобы его освободили от посещения уроков этого учителя, чтобы ухаживать за отцом.)

Оставаться безупречным — такова была его самая большая эмоциональная потребность. Из-за такой нравственной установки он даже однажды не последовал совету учителя, который, желая помочь ему во время контрольной, поощрял его к совершению бесчестного поступка, то есть к списыванию у соседа. Ганди упоминает об ошеломлении учителя. В этом конкретном случае его совесть, хотя еще нетвердая, все же

возобладала над высшим авторитетом.

В письме своему сыну Манилалу, когда тому было 17 лет, Ганди воссоздает суровую картину своего детства: «Забавы, развлечения позволительны только в невинном возрасте, то есть до двенадцати лет. Как только ребенок достигает разумного возраста, он должен научиться поступать, полностью осознавая свою ответственность, и постоянно и осознанно работать над своим характером... Помню, когда я был моложе тебя, самой большой радостью для меня было ухаживать за отцом. Начиная с двенадцати лет я больше не знал забав и развлечений».

Даже делая скидку на традицию (каким тогда был в Индии обычный тон писем отца к сыну?), сегодня нельзя не подивиться столь суровому, «мстительному» морализму, как говорит Эрик Эриксон в психоаналитическом исследовании, посвященном Ганди. Как будто его сыновья «должны были быть вдвое добрее, потому что стали плодом раннего брака». Как будто, можно добавить, они были обязаны перенять ценности его, Ганди, а не Карамчанда (отношение Ганди к сыновьям, один из которых умер в больнице от алкоголизма, и к жене Кастурбай — одна из тем, рассматривая которые, Эриксон необычайно строг к Махатме).

Несомненно, юный Мохандас следовал самым высоким устремлениям и образцам. Однажды ему подвернулась книга, которая «всего его перепахала». Она в точности выражала его детский идеал или придавала ему форму. Книгу купил отец. Там говорилось о мальчике, глубоко почитавшем своих отца и мать: Шравана нес своих слепых родителей на спине, прикрутив ремнями, и таким образом позволил им совершить паломничество. Этот рассказ наложил неизгладимый отпечаток на душу Мохандаса. Кроме того, его герой умер, избежав греха тщеславия, какому мог бы поддасться, совершив свой подвиг. Шравана стал его идеалом, а послушание — его сильной чертой. Религиозность, любовь к родителям и самопожертвование смешивались между собой, пробуждая глубокие чувства.

Примерно в то же время он увидел пьесу «Харишчандра», которая выводила на сцену легендарного царя, мученика истины; эта пьеса настолько его воодушевила, что он смотрел ее несколько раз: «Добиваться истины и перенести все испытания, которые выпали на долю Харишчандры, — таков был великий идеал, внушенный мне этой пьесой». Он верил в нее «буквально», что, вероятно, означает, что для него она была реальнее и значимее многих повседневных проблем.

Юный Ганди был бесконечно серьезен, он с большей радостью

исполнял свой долг (в данном случае, ухаживал за отцом — эту задачу он ставил превыше всех прочих), чем занимался со своей девочкой-женой, несмотря на то, что она и ее тело ему нравились, или, скорее, именно из-за силы этого влечения. Он без памяти влюбился и, не переставая, мучил ее, тогда как она принимала его домогательства как роковую неизбежность, наверное, жалея об утраченной свободе. «Сексуальность Ганди оказалась окончательно испорчена юношеской безудержностью, исчерпав его силу духовного сосредоточения»^[27].

Кастурбай была его ровесницей. Она была простой, неграмотной девочкой, не испытывавшей интереса к учебе, послушной, как и положено, но вместе с тем независимой и решительной, со своей собственной волей, которую она отстаивала даже при внешней покорности (впоследствии Ганди скажет, что она стала его первым учителем по применению ненасилия). Она превосходила его физической смелостью и бесстрашно противостояла ему, сопротивляясь его лихорадочным усилиям превратить ее в образованную женщину, умеющую хотя бы читать и писать. Позднее она станет всеми обожаемой «матерью», спутницей Махатмы, но так и останется неграмотной. Как сказал Пьярелал (биограф и секретарь Ганди на протяжении почти тридцати лет) по поводу одной из их многочисленных ссор, одним-единственным замечанием, полным уничижительного здравого смысла, она доказала ему нелепость его доводов. Но понемногу, волея-неволей, она пошла вслед за своим мужем-святым (который относился к ней «жестоко любезно») и согласилась оказать ему активную поддержку в его «миссии служения». В молодости она любила украшения и красивую одежду. Когда в конце жизни ее спросили, прошла ли эта любовь, она ответила: «Самое важное в жизни — выбрать одно направление и позабыть обо всех остальных».

Итак, Мохандас воспылал страстью к своей девочке-жене, весь день, в школе и в других местах, дожидаясь момента, когда можно будет продолжить ночные утехи. «Плотское желание явилось позже, — писал он, говоря об их отношениях. — Я предлагаю задернуть здесь занавесу над моим стыдом». Очень скоро он принялся ее тиранить, мучимый ревнивыми подозрениями, которые умело разжигал один коварный друг. Он был одержимым, несправедливым, грубым: «Никогда я не забуду, никогда не прощу себе, что довел свою жену до такого отчаянного положения».

Чересчур сильная, бьющая через край, слишком рано испытанная (по вине отца) сексуальность сопровождалась чувством вины. Она выражалась в потере энергии, а также в беспорядочной трате эмоций в ущерб более возвышенной жизненной силе и более высоким обязательствам (кстати, эта

идея присуща индийской традиции, где высшие умственные усилия, необходимые, например, для медитации, подкрепляются сексуальной составляющей, которая исходит на эякуляцию). В момент смерти Карамчанда это чувство усилилось вследствие драматического эпизода, который оказал самое сильное воздействие на Ганди и опять-таки был связан с его отношением к отцу.

В этот момент Мохандас столкнулся с демонами стыда, искушения, излишества и виновности. Но в другой сцене, все также с участием отца, он — победитель, хозяин положения.

Кража и «двойной стыд»

Однажды он совершил кражу. Ему было 15 лет. Его брат взял денег в долг. Чтобы вернуть долг, Мохандас похитил кусочек золота с браслета, принадлежавшего брату. Эта кража камнем лежала у него на душе. Он почувствовал потребность сознаться в ней отцу. Исповедался в своем грехе в письме, которое показал ему, прося прощения. Эта сцена признания сына отцу, насыщенная высокими чувствами, изображена в Индии повсюду. На картинках или скульптурных композициях маленькие выразительные человечки; отец на смертном одре разрывает на мелкие кусочки роковое письмо, а по его щекам текут слезы; сын тоже плачет — он раскаивается.

«Он прочел все письмо до последней строчки, и слезы выступили у него на глазах, потекли по щекам, стекая на бумагу. На мгновение он закрыл глаза, чтобы подумать; потом разорвал листок. Чтобы прочесть его, он сел. Теперь он снова лег. Я тоже плакал. Я видел, что он ужасно страдает... Для меня это был живой урок ахимсы^[28]. В тот миг я видел в этом лишь отеческую любовь, но сегодня я знаю, что это была ахимса во всей ее чистоте... она преображает всё, к чему прикасается. Власть ее безгранична»^[29].

В тот день Мохандас соизмерил силу любви и ее способность преобразить человека. «Высшее прощение», дарованное отцом, не было ему свойственно. «Я ожидал гнева, суровых слов; думал, что он будет бить себя по лбу. А увидел его необычайно миролюбивым — я уверен, что это благодаря моему полнейшему признанию...» Своей безграничной искренностью он вызвал такое же чистосердечие.

Другое, еще более важное событие, на сей раз трагического плана, не затмило, но на какое-то время заслонило собой эту волнительную сцену

(один из кульминационных моментов в отношениях между отцом и сыном), когда пятнадцатилетний сын честностью своего признания привел отца в необычное состояние духа.

Речь идет об эпизоде, в котором в очередной раз слились чувство вины и желание. О нем столько раз рассказывали, подвергая анализу, что можно передать его очень кратко. Мы видели, что сыновняя преданность была для Мохандаса одним из самых высоких идеалов. Заботы об отце наполняли его гордостью: «Каждый вечер я массировал ноги моего отца... Я выполнял эту задачу с любовью». Но пока его руки служили отцу, его мысли уносились вдаль, предвкушая грядущие наслаждения. Кастурбай была беременна, но это ничуть не умеряло его пыл.

«Настала страшная ночь», роковая ночь, когда умер отец Ганди. Торопясь к жене, Мохандас оставил присматривать за умирающим своего дядю. Однако вскоре за ним пришли. Он бросился в комнату больного и обнаружил, что отец скончался на руках у дяди, и тот, таким образом, исполнил долг, который Мохандас хотел исполнить сам: «Я понял, что если бы меня не ослепила животная страсть, я избежал бы муки оказаться вдали от отца в его последние минуты». Двойное чувство стыда — от того, что пренебрег своей самой святой обязанностью, причем чтобы утолить свои «скотские» потребности, — преследовало его всю жизнь. В довершение всего, дитя, которое носила Кастурбай, умерло вскоре после появления на свет.

Он наглядно увидел, что его преданность, которой он так гордился, имела свои границы, что он оказался не на высоте своего идеала, очерченного героем его детства, что желание греховно (о последнем он не забудет во всю свою жизнь).

Эриксон видит в этом жизненном опыте Ганди то, что он «вслед за Кьеркегором» называет «проклятием», которое отметило собой жизнь духовных новаторов, так же, как и он, «обладающих рано созревшей и неумолимой совестью», и которое происходит от эдипова комплекса. Конфликта, который юноша разрешил оригинальным образом: «В случае Ганди, “женские” услуги, оказываемые отцу, помогли мальчику подавить в себе желание заменить (стареющего) отца в обладании (молодой) матерью и его юношеское намерение устранить его как лидера в будущей жизни. Таким образом, выстроилась схема лидерства, по которой вышестоящий соперник может быть побежден только ненасильственным путем, с заявленной целью спасти его, так же, как и тех, кого он подавлял»^[30]. Что касается проклятия, оно заключалось в том, что Ганди, «очень рано осознавший безграничность своих устремлений», не смог присутствовать

при кончине отца и, таким образом, его высшие дарования не получили высшего освящения.

Мохандасу тогда было шестнадцать. «Мне потребовалось много времени, чтобы стряхнуть с себя цепи желаний, и прежде чем победить его, мне пришлось пройти через много испытаний», — заключает он.

Разумеется, этот эпизод широко использовался некоторыми биографами, старавшимися дать психологическое объяснение обету целомудрия — брахмачарья, — который он принес уже в 1906 году.

«Святая»

Ганди был сильно привязан к своей матери Путлибай. «Его голос смягчался, когда он говорил о ней», «его глаза загорались любовью» — это наблюдение относится к 1908 году, когда Ганди было 39 лет. «Святая», — говорил он о ней.

Она была глубоко религиозна, не пропускала никаких обрядов, постилась по любому поводу («два-три поста друг за другом были для нее пустяк», — напишет человек, который превратит голодовку в грозный и действенный способ борьбы). На самом деле, ее жизнь была бесконечной цепью постов, молитв и обетов, которые интриговали ее детей. Похоже, она поднимала планку все выше: есть через раз, потом через день, и все это в течение длительного периода покаяния, потом, на протяжении такого же периода, поститься, не видя солнечного света, — вот такая мысль пришла ей в голову. Дети целыми днями смотрели на небо, подкарауливая солнце. Когда оно, наконец, показывалось, они бежали сообщить об этом матери, та устремлялась на улицу, чтобы проверить, правду ли они говорят, но к тому времени капризное светило исчезало. И Путлибай радостно продолжала поститься.

Любовь к аскетизму, епитимьи, наложенные самой на себя, железная воля — стремясь к самообладанию, Ганди перенял ее приемы. А главное, мать сформировала его идеальный образ женщины: равная мужчине, но превосходящая его своей способностью к любви и самопожертвованию, готовая пострадать за других ради общего блага, а значит, более способная к ненасилию в том смысле, в каком он его понимал.

«Женщина — олицетворение ненасилия, того ненасилия (ахимсы), которое означает безграничную любовь, то есть безграничную способность страдать. Ибо кто еще, кроме матери человеческой, может проявить столь великую силу? Она способна позабыть о муках беременности и родов, видя

в них радость творения; она способна страдать каждый день, чтобы вырастить свое дитя»^[31].

Закон любви и страдания, который усвоил Ганди и даже хотел внедрить в форме ненасилия в политическую жизнь и социальные институты.

Антропологи, биографы и писатели всякого рода, индийские и западные, изучали отождествление Ганди с женщиной, точнее, его особые отношения со своей матерью (он сам говорил, что был ее любимым ребенком), и вообще его отношения с женщинами. Эрик Эриксон, автор широко цитируемого исследования, задумался о том, существовал ли когда-нибудь другой политический лидер, который бы так же, как он, гордился тем, что он «наполовину мужчина, наполовину женщина», и который хотел бы быть «более материнским, чем женщины, произведенные на свет для этого». «Бапу^[32], мать моя» — под таким заголовком были опубликованы мемуары, написанные Ману, юной сиротой, которую Кастурбай приняла в свою семью и о которой Ганди заботился после смерти своей супруги. Желанием Ганди было очистить человечество и сделать людей более цивилизованными, преобразить их и возвысить (в своем ненасилии он принял женскую позицию, основанную на ценностях смирения и страдания). Это желание, по Эриксону, частично проистекало из глубин его взаимоотношений с матерью, идеализации женщины, чистой от сексуальных контактов, близкой к божественному состоянию, объекта культа и поклонения — образца для мужчины. Поскольку бесконечная, безусловная материнская любовь была в его представлении высочайшей формой любви, которую он противопоставлял плотской любви, сексуальному желанию, эгоистичному и корыстному, которое он дал себе слово победить в себе еще на заре своей жизни. «И в этом тоже проявилось сочетание глубоко личной потребности и общенациональной тенденции, — добавляет Эриксон, — ибо самый глубокий, проникновенный и консолидирующий слой индийской религиозности, вероятно, заключается в примитивном культе матери»^[33]. Материнская доминанта у Ганди наряду с его огромной, безграничной потребностью в том, чтобы помогать бедным и неприкасаемым, лечить и спасать их, любить их как мать, поддерживалась влиянием на него индуистской религии, матери-прародительницы — «первородной силы материнского начала, символизируемой коровой, древнего элемента, которым проникнута вся индийская традиция»^[34]. Связь с матерью стала основой глубочайшего «индийства» Ганди: «Сила

его матери, которую он усвоил, в сочетании с общей культурой, в конечном итоге укрепила в нем собственно индийскую интуицию, но также требовательную способность симпатизировать индийским массам...»^[35]

Может быть, именно благодаря своей древней принадлежности к глубинному слою индийской культуры, благодаря общности с этой основой религии Ганди обладал способностью влиться в массы и понять их? Он примыкал к ним в основном, по крайней мере, так считает Неру: «Он в самом деле представлял крестьянские массы Индии; он был квинтэссенцией сознательной или бессознательной воли миллионов этих людей. Но, наверное, он не только их представлял, он был символической идеализацией этих огромных скопищ народа»^[36].

«Превозносимый толпой, ненавидимый загнивающей элитой». Концепция цивилизаторской роли женственности, в самом деле, принесла Ганди множество яростных врагов, по мере того как она, по мнению политолога Ашиса Нанди, анализирующего политическое значение убийства Ганди, выростала в серьезную угрозу для воинственных культур Индии и их традиционного представления о мире (именно из этой среды происходил его убийца, брахман из Махараштры). Гандиевские нововведения, в том числе насаждение женских ценностей, могли поколебать как основы ортодоксальности брахманов и кшатриев (зиждившиеся на боязни индийских мужчин быть оскверненными женщиной и зараженными ее женственностью), так и британскую колониальную систему (которая эксплуатировала опасения индийских мужчин по поводу их мужественности, чтобы поддерживать в них образ покорного и побежденного существа). Таким образом, Ганди, восхваляя роль женщины, бросил вызов одновременно консервативной индусской элите и британским властям, которые поддерживали противоположные ценности. «Ганди напал на культуру сексуального господства, отражавшую одновременно колониальное положение и традиционное сословное деление общества».

Его мать умерла, когда он заканчивал учебу в Англии. Чтобы не нанести ему этот удар, пока он был на чужбине, его брат ничего ему не сказал, так что он узнал эту новость, только вернувшись в Индию. «Весть о ее кончине стала для меня страшным ударом... Почти все самые дорогие мои надежды были уничтожены...» Однако он не предался горю, «даже сумел сдержать слезы и влился в течение жизни, как будто ничего не случилось». Самообладание или неспособность поделить слишком острой болью? Замкнуть глубоко в сердце присутствие матери, чтобы тем

самым смягчить восприятие ее утраты?

Дурной друг

В отрочестве он был не большим бунтарем, чем другие, хотя и переживал каждый свой проступок как страшное преступление. Все-таки приятно узнать из его биографии, что он не был таким уж пай-мальчиком.

В той среде, где он жил, табу были сильны. Есть мясо, курить — все это смертный грех. Не говоря уже о борделе, куда его однажды затащили. Рядом с ним находился товарищ-искуситель, олицетворение Сатаны или, по Эриксону, воплощение его собственных дурных наклонностей. Точно так же, как он пытался избавиться от плотского искушения, невольно воплощаемого его женой, ему пришлось однажды избавиться от влияния этого друга, который, наверное, представлял других демонов, живших и в нем самом. В автобиографии Ганди главы, посвященные этому злосчастному другу, озаглавлены «Трагедия». Обвести вокруг пальца хилого, трусоватого Мохандаса было нетрудно; например, убедить его попробовать мясо оказалось легче легкого: достаточно было воззвать к его чувству долга. Не потому ли англичане такие сильные и мужественные, что едят мясо, и разве обязанность любого доброго индийца не в том, чтобы стать таким же сильным, как они, чтобы вышвырнуть их из Индии и вернуть стране независимость? Для начала он предложил Мохандасу попробовать мясо козы. Тот смог проглотить только один кусочек и провел ужасную ночь: ему казалось, что «живая коза принималась стонать» у него в животе. Понемногу он привык. Но «чистейшее желание» не лгать родителям, в конце концов, взяло верх. Его мучили угрызения совести. Никогда больше он не прикоснется к мясу — он сдержал это слово.

Тщательно подготовленный другом поход в бордель обернулся еще более сокрушительным провалом: в этом вертепе разврата он оказался «практически поражен слепотой и немотой». Кончилось тем, что потерявшая терпение женщина выгнала его, да еще и осыпала оскорблениями. Стыд — обжигающий, подавляющий, а потом чувство величайшего облегчения от того, что он «спасен». «Строго с точки зрения этики, такие случаи нельзя рассматривать просто как проявление малодушия: здесь присутствовало и плотское желание, требовавшее насыщения...» И Ганди долго рассуждает о счастливом случае, который его спас, и о проступке, который он все-таки совершил.

Затем коварный друг внушил ему недоверие к жене, растравляя в нем

ревнивые подозрения. Червь сомнения начал грызть его сердце. «Каждый раз, вспоминая о тех мрачных днях сомнений и подозрений, мое безумие, жестокость моего желания наполняют меня отвращением...»^[37] Читая Ганди, понимаешь, что в тот момент, когда он решил посвятить себя телом и душой служению другим людям, он хотел превозмочь тенденции, доставлявшие ему столько страданий. «Брахмачарья предстала предо мной во всем своем блеске, и я понял, что жена не раба мужа, а подруга и опора, спутница, делящая с ним наравне радости и горести, и что она так же, как муж, вольна выбрать свою дорогу»^[38]. Чтобы пережить это равенство, ему пришлось отделаться от страсти, от одержимости желанием, от связанных с ним сомнений и ревности, от чувства собственности, от всех этих мук, которые отягощали собой чувственную привязанность.

Что же касается порочного друга, он еще долго довлел над Мохандасом, словно его злой двойник.

Настало время, когда он принялся курить, перехватывая окурки то здесь, то там, потом воруя монетку-другую у слуг, чтобы купить сигарет, — жалкие кражи, которые не могли обеспечить его независимость. Настал и тот день, когда, чтобы утвердить эту независимость, он хотел покончить с собой, но ему не хватило духу... За этими историями, рассказами о незначительных проступках неизменно следуют рассуждения, обобщения и выводы, так что можно заключить, что автор автобиографии, несмотря на свою очевидную искренность, предназначал ее и для наставления читателей. Его чистота ни разу не оказалась запятнана.

Неудачи, ошибки, провалы становятся предлогом для урока — предназначенного прежде всего самому себе. Они ставят вопрос, из которого вытекает ответ.

В АНГЛИИ

Мохандасу только-только исполнилось восемнадцать. Отец умер, денег у семьи было мало, но всем хотелось, чтобы он заступил на место отца. Прежде всего, нужно было продолжить учебу в недорогом колледже в Бхавнагаре. Преподавание там велось на английском (положение, навязанное колонизаторами, против которого будет бороться Ганди); поскольку он еще плохо знал этот язык, он не мог следить за ходом занятий и утратил к ним интерес. По окончании первой четверти он вернулся домой. Тут один брахман, друг и советчик семьи, подал идею поехать в Лондон: «На вашем месте я бы послал его в Англию. Сын мой Кевалрам говорит, что стать адвокатом совсем нетрудно. Через три года он вернется. Расходы не превысят четырех-пяти тысяч рупий. Представьте себе адвоката, вернувшегося из Лондона. Он будет жить шикарно! По первой же просьбе он получит пост дивана. Я очень советую послать туда Мохандаса в этом году. У Ке вал рама в Лондоне много друзей. Он даст рекомендательные письма к ним, и Мохандас легко там устроится»^[39]. Мохандаса привлекала медицина (она будет манить его всю жизнь), но он станет диваном (советником), как отец, и будет учиться на адвоката — решение принято.

Оставалось изыскать необходимые средства, а главное — уговорить мать. Нужную сумму раздобыл его брат. Наконец было получено материнское благословение: достаточно было принести три торжественные клятвы. За все время пребывания в Англии Мохандас не прикаснется ни к вину, ни к женщинам, ни к мясу. Посоветовались также с дядей по отцовской линии, у которого были полезные связи и который жил в пяти днях пути. Возбужденный перспективой отъезда и стараясь преодолеть свою робость, Мохандас отправился в Порбандар — сначала на телеге, запряженной быками, потом верхом на верблюде, — чтобы рассказать свою историю родственнику и судье. Тот с недоверием относился к адвокатам: «Я не вижу разницы между их образом жизни и жизнью европейцев. Они неразборчивы в еде. У них всегда сигара во рту. В одежде они так же бесстыдны, как англичане... Все это противоречит семейным традициям»^[40]. В лучшем случае, дядя сохранит нейтралитет. Надеяться на большее было бы кощунством.

Кощунство — таков был приговор общего собрания касты модх баниан, созданного по такому случаю. За такую дерзость его следовало

проучить. Никогда еще «ни один из модх баниан не ездил в Англию». Но Мохандас непоколебимо стоял на своем, несмотря на громы и молнии могущественного собрания: речь шла о сохранении его личности. Возможно, внутренний голос ему подсказывал, что власть не всегда права, что существует высший закон — высшее повиновение.

Последовало яростное отлучение: «С нынешнего дня это дитя становится парией». 4 сентября 1888 года Мохандас все-таки уехал в Англию.

Немного неуклюжий молодой человек, полный внутренней решимости, вооруженный своими обетами и принципами, полная противоположность миру, который ему предстояло открыть, — таким показывает самого себя Ганди в тот момент, когда он сошел на английскую землю. «Когда пришло время сойти на берег, я сказал себе, что белые одежды подойдут лучше всего. Поэтому я ступил на английскую землю в костюме из белой фланели. Был конец сентября, и я заметил, что лишь я один так одет»^[41]. Образ мальчика в белом с ног до головы, хилого и одинокого в толпе, единственного в своем роде. И внимание, уделяемое одежде, которое со временем не ослабевало, подчеркивая различные стадии его развития — поскольку одежда становится наружным выражением некоторых сторон нашей личности и нашего желания (или его отсутствия) принадлежать окружающей среде, — вплоть до того дня, когда, научившись быть вполне самим собой, он будет ходить почти голым.

На корабле он оделся в черное и заперся в своей каюте, выходя лишь тогда, когда на палубе никого не было, избегая общения и разговоров, парализованный робостью, питаюсь исключительно фруктами и сладостями, которые захватил с собой, из страха не распознать блюд, в которых будет скрываться мясо.

Обет

Навязчивая мысль о мясе — вернее, о том, чтобы соблюсти свой обет, причем в полной мере, встречается почти на каждой странице в главах, посвященных пребыванию в Лондоне. Как физически выжить в Лондоне среди поедателей мяса и спасти свою духовную жизнь — такова была дилемма. Похоже, что и тут друг-искуситель всеми силами старался заставить его уступить, прибегая к самым разнообразным аргументам, даже донимая его книгами, в которых он не понимал ни слова, например, отрывками из книги Иеремии Бентама «Деонтология, или Наука о морали»,

в которой изложена теория развития общества, основанная на двух принципах — полезности (*utility*) и удовольствии (*pleasure*), а также твердя, что он останется маленьким человеком, ограниченным узостью местечковых обычаев, которому будет не по себе среди английского общества. И верно: из множества страниц, посвященных поездке в Англию (они не лишены юмора), лишь малая часть повествует о внешнем мире или о пробужденной им любознательности; автор чаще сосредоточен на самоанализе, на запретах, которым повинуетя Мохандас, и на открытии самого себя.

«Но я остался непоколебим, — обычный вывод. — Я постоянно говорил ему “нет”. Чем больше он спорил, тем крепче становилось мое упорство». Он молился Богу, в которого не верил, и умирал от голода. Английская пища казалась ему безвкусной. Напрасно он искал вегетарианские рестораны, ежедневно проделывая по 15–20 километров по улицам Лондона от одной харчевни до другой — английская кухня не улучшалась. Вареную капусту или твердокаменный зеленый горошек было не сравнить с пряной индийской кухней. Оставался хлеб, который он пихал в себя, никогда им не насыщаясь. Но было удовлетворение от соблюдения обета, хотя и тягостного, трудно исполнимого, влекущего тысячи осложнений в повседневной жизни. Для него этот обет (принесенный, по рассказу, на коленях у матери) был высочайшей истиной, жизненным путем, а следовательно, сутью самого себя. Попав в чужеродную среду, его внутренние принципы становились еще более ценными и хрупкими, наряду с преданностью далекой и горячо любимой матери, по которой он очень скучал. Обет связывал его с родной страной, с родной религией. «Я беспрестанно думал о доме, о родине. Меня не покидало нежное воспоминание о матери... Все мне было чуждо — люди, манеры, сами дома»^[42].

Этот героический обет превратился в линию поведения. Он стал все больше заботиться об истине, ставил над собой разные диетические опыты: ел только хлеб и фрукты, не употреблял в пищу картофель, сыр, молоко и яйца... Диета варьировала в зависимости от смысла, которым наделялось слово «вегетарианский». Проблема возникала от неопределенности, от возможности разного истолкования с риском «солгать и изменить». Нужно было с этим покончить. И вывод: он не имеет права отклоняться от аскетичного образа жизни своей матери. «Но я был убежден, что поведение моей матери и есть то определение, которого я должен придерживаться. Поэтому, чтобы соблюсти обет, я отказался и от яиц». Как всегда, в результате опытов был установлен общий закон, ставший непререкаемым:

«Существует золотое правило: придерживаться честного объяснения обета, данного человеком, который принял его на себя». А в случае сомнения следует «принимать сторону самого слабого». Благородно. Он поступал так всегда.

Сомнений больше нет, пришла полная уверенность, наступил внутренний покой: «Смысл, который вкладывала в слово “мясо” моя мать, был, согласно золотому правилу, единственно верным для меня...» Сложности с питанием увеличились, но «строгое соблюдение моего обета приносило мне гораздо более здоровые, утонченные и длительные внутренние наслаждения».

Эти «внутренние наслаждения» были сложными и в самом деле «утонченными», поскольку происходили от нравственного торжества, и им ничто не угрожало. В сопоставлении с ними, простое удовлетворение чувственной потребности, в данном случае вкуса, явно выглядело поверхностным, заурядным. Ганди нашел радость в лишениях и аскетизме, а не в утолении своих желаний — это становится понятно уже из рассказа о его отроческих годах.

Меры экономии, когда Мохандас, достойный отпрыск предков-торговцев, решил безжалостно сократить свои и так небольшие расходы наполовину, говорят о многом. «Я записывал свои расходы до последней копейки и тщательно их рассчитывал. Любая мелочь, траты на омнибус или почтовую парку, пара монеток на покупку газет, заносилась в расход, и каждый вечер, перед тем как лечь спать, я подводил итог. С тех пор эта привычка меня не покидала»^[43]. Впоследствии Ганди пришлось ворочать государственными средствами и огромными суммами: он говорит, что применял их с теми же правилами строгой экономии. И вместо результатов по приводившим в трепет огромным расходам мог свести положительный баланс.

Итак, сокращение его бюджета прошло в три этапа: первые два касались транспорта и жилья (двухкомнатная квартира неподалеку от места работы, вместо того чтобы жить в семье, где он был обязан из вежливости порой угощать того или другого). «Я сэкономил на расходах на транспорт и каждый день ходил пешком 12–15 километров». Благодаря этому ему удалось, как он уверяет, не заболеть в течение всех трех лет пребывания в Англии, а заодно и укрепить свое тело. Если подойти к принципу экономии грамотно, то он будет хорош со всех сторон. Простая жизнь, дисциплина, самообладание, сокращение потребностей, экономия, здоровье... Сведение различных соображений в общее целое, которое содержало в зародыше множество элементов доктрины Ганди, а главное, раскрывало его манеру

продвигаться вперед, постоянно ставя опыты над самим собой.

Настал третий этап. Он попытался еще больше упростить свою жизнь: так она будет соответствовать жизни его семьи, которая была весьма скромной (позже он захочет жить, питаться, спать, как бедняки, уничтожив разрыв между собой и ними). «Я отказался от своей квартиры, поселился в одной комнате, приобрел плиту и сам принялся готовить себе завтрак». Утром — овсяные хлопья и какао, на ужин — то же самое и немного хлеба. Вернувшись на родину, он посадит на эту диету всю семью. И он напряженно трудился. Успешная сдача экзаменов стала логическим результатом всей внутренней работы над собой. Чтобы читатель не пришел в ужас от такой дисциплинированности и самоотречения, а захотел всему этому подражать, под конец идут уверения в радости: «В моей жизни явно появилось больше истинности, и душа моя наполнилась от этого безграничной радостью».

Ганди шел по пути к самому себе. Добавим, что, как он говорил, бог или случай пришел ему на помощь в виде вегетарианского ресторана на Фаррингдон-стрит. Вдобавок к этому чудесному открытию, он вскоре узнал о существовании вегетарианского общества и стал его членом (по его словам, именно там он получил первые уроки политической организации), а также прочел книгу Генри Солта о вегетарианстве — «Семьдесят лет среди дикарей», которая произвела на него сильное впечатление. Он попал в «новую эпоху», по словам Мартина Грина, разом открыл для себя и чтение, и общественную жизнь (вегетарианство находилось тогда в центре революционной идеологической системы), нашел способ удерживать дистанцию с английскими ритуалами власти и случай обмениваться мыслями с дружественными умами.

Отныне его выбор был сделан свободно, запрет больше не был навязан ему страхом греха и чувством вины: он выбрал вегетарианство, как взрослый, и решил посвятить себя служению этому делу.

Контроль над вкусовыми ощущениями стал первым шагом к самообладанию. Вегетарианство, как и опыты с режимами питания, вписывалось в его духовное развитие. Его обет превратился в миссию.

Денди

Одна глава автобиографии озаглавлена «Я становлюсь английским джентльменом», но для Ганди это была игра. Чтобы компенсировать свое вегетарианство и понравиться другу-искусителю, Мохандас пошел на

эксперимент и сделал кое-какие уступки в плане одежды. Именно в этот период экстравагантности (но контролируемой) в Лондоне его повстречал соотечественник: «На нем был шелковый цилиндр, жесткий накрахмаленный воротничок, а поверх шелковой сорочки в полоску — ослепительный галстук всех цветов радуги. Костюм-тройка: пиджак, жилет, темные брюки в тонкую полоску, кожаные лаковые туфли с гетрами. Вдобавок ко всему этому — пара кожаных перчаток и трость с серебряным набалдашником»^[44].

Как будто такого наряда было мало, Мохандас стал брать уроки танцев и красноречия. В Англии акцент имеет значение. Кроме того, он играл на скрипке, чтобы его ухо привыкло к европейской музыке. Но уроки были дороги, а у него не было ни чувства ритма, ни природной склонности к произнесению политических речей, в частности, речей Питта, которые использовали для упражнений по красноречию. Он станет джентльменом, но не по одежке.

Здесь можно отметить, что хотя он и не приобрел внешности джентльмена, зато смог постичь и усвоить его дух: в плане учтивости, «честной игры», рыцарского поведения он сам мог дать фору англичанам. Очень может быть, что этот английский идеал поведения как раз помог ему разбить завоевателей на их собственном поле, оказаться выше тех, кто его унижал: он применял в жизни добродетели, которые те лишь провозглашали, но не соблюдали на деле, во всяком случае, не в отношении колонизованных. Да, он будет парией в Южной Африке, но он сможет, обратив ситуацию в свою пользу, превратить себя и свой народ в образец не только для Англии, но и для всего мира.

К моменту отъезда из этой страны он одержал множество побед — внешних и внутренних. Он хорошо говорил по-английски (впоследствии даже его враги отмечали, что он умеет найти точные слова), при необходимости мог одеться как джентльмен. Он приобрел некие отличительные британские черты, узнал достаточно много, чтобы впоследствии приспособиться к лучшему, что было у англичан. При этом он не утратил ни грамма своей «индийскости», которая, наоборот, упрочилась.

Благодаря движению вегетарианцев он познакомился с западными писателями, например Томасом Карлейлем («Герои, почитание героев и героическое в истории») и Львом Толстым, которого он прочел в Южной Африке и который оказал на него колоссальное воздействие. В этот же период он также познакомился с крупнейшими религиями мира, что позволит ему расширить свое представление об индуизме. Он тогда

впервые прочитал в английском переводе и на санскрите «Бхагавадгиту»^[45], которая станет для него «непогрешимым руководством по поведению», словарем, с которым он сверялся каждый день. Он выучит текст поэмы наизусть, переведет на гуджаратский диалект, именно в нем следует искать источник как прославления действия — но без ожидания результата («заботься лишь о действии, а не о его плодах»), так и отстраненности, необходимой для поисков истины («истина скрыта извечным врагом мудреца, который есть ненасытный огонь, облеченный в форму желания»). Что же касается ненасилия, которое Ганди обнаружил также и в «Бхагавадгите» (хотя Кришна побуждает Арджуну воевать со своими), оно проистекает не из буквы, а из духа этого текста — утверждение этого принципа вызвало удивление во многих комментариях. Поэма «Свет Азии» сэра Эдвина Арнольда^[46] — сплав классических индийских текстов и западной литературы — тоже глубоко его впечатлила: он прочел эту книгу «не отрываясь». Неистовый и мстительный Ветхий Завет он до конца недочитал, зато Нагорная проповедь тронула его «до глубины души». «Я сравнивал ее с “Бхагавадгитой”. В неописуемый восторг привели меня следующие строки:

“А я вам говорю: не противься обижающему; но если кто ударит тебя в правую щеку твою, подставь ему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и кафтан”...»

Отныне «Бхагавадгита», Толстой, Нагорная проповедь и «Свет Азии» слились для него воедино. Вот так, основываясь на сходствах, отзвуках, сближениях, он введет западные идеи в древнюю индийскую традицию. Но книги, которые нам нравятся больше всего, лишь пробуждают или выражают мысли, которые и так уже заключены в нас; вероятно, из этих сочинений Ганди почерпнул лишь то, что уже существовало в нем, не оформившись в слова, выстроив при помощи религиозных заветов свою «грамматику действия».

Застенчивость

По рассказам самого Ганди, он был болезненно застенчив, неспособен выступать перед аудиторией, что было серьезным недостатком для адвоката. Однажды, когда ему предстояло высказаться в пользу вегетарианства, он, не полагаясь на вдохновение, составил речь: небольшого листка бумаги оказалось достаточно. Однако у него пропал

голос.

«О выступлении без подготовки мне нечего было и думать. Поэтому я написал свою речь, вышел на трибуну, но прочесть ее не смог. В глазах помутилось, я задрожал, хотя вся речь уместилась на одной странице. Пришлось Мазмудару прочесть ее вместо меня. Его собственное выступление было, разумеется, блестящим и встречено аплодисментами. Мне было стыдно за себя, а на душе тяжело от сознания своей бездарности»^[47].

И это был не единичный случай, поскольку после возвращения в Индию, начав карьеру адвоката, силы снова изменили ему, когда настал его черед выступать: «Мой дебют состоялся в суде по мелким гражданским делам. Я выступал со стороны ответчика и должен был подвергнуть перекрестному допросу свидетелей истца. Я встал, но тут душа моя ушла в пятки, голова закружилась, и мне показалось, будто помещение суда завертелось передо мной. Я не мог задать ни одного вопроса. Судья, наверное, смеялся, а адвокаты, конечно, наслаждались зрелищем... Я стыдился самого себя и решил не брать никаких дел до тех пор, пока у меня не будет достаточно мужества, чтобы вести их»^[48].

Но, как всегда после понесенного удара или провала, сопровождаемого унижением, Ганди объясняет, что работал над собой и извлек преимущество из своего положения. Впоследствии этот механизм действий стал еще более наглядным. Из этой истории следует такая мораль: застенчивость, прежде доставлявшая ему множество проблем, в конце концов научила его быть немногословным: «Я взял в привычку сжимать свою мысль».

Мы всё же вправе полагать, что три года юридического образования в Англии также способствовали упорядочению мысли и «сжатию» ее формы. Своим умением изъясняться лапидарными фразами, готовыми формулами, афоризмами, бьющими точно в цель и западающими в память, равно как и своей способностью разбираться в хитросплетениях правосудия, Ганди частично обязан своей учебе, хотя в автобиографии, точно в учебнике, акценты расставлены иначе, делая из недостатка — робости — предмет для рассуждения о важности размышлений и даже молчания.

Нужно подумать, прежде чем заговорить (а как иначе, если слова не приходят сами?), но еще важнее промолчать. Уметь молчать — способность, прежде проистекавшая из неспособности, — в конечном итоге гораздо важнее, чем уметь говорить: «Опыт подсказал мне, что молчание — один из признаков духовной дисциплины приверженца

истины. Иначе говоря, истина неотделима от молчания». И последняя фраза в этой главе: «Моя застенчивость, в действительности, — мой щит и прикрытие. Она дает мне возможность расти. Она помогает мне распознавать истину»^[49].

Значит, он одержал еще одну победу.

Непродолжительное возвращение в Индию

Вероятно, именно в этот момент своей жизни, вернувшись в Индию, будучи адвокатом без клиентов (который к тому же был неспособен заниматься своим делом), несчастным мужем (он продолжал донимать Кастурбай ревнивыми преследованиями) и строптивым отцом, именно в этот момент сомнений и неудач Ганди опустился на самое дно. Он пытался преподавать английский, что позволило бы ему свести концы с концами, но ему отказали, поскольку у него не было соответствующего образования: «Я ломал руки в отчаянии».

Еще одно происшествие подтолкнуло его к мысли, чтобы снова уехать. Его брата обвинили в том, что он давал дурные советы, исполняя свою должность. По его просьбе Ганди, хотя и против воли, отправился защищать его перед представителем городских властей Порбандара, британским чиновником, с которым познакомился в Лондоне. Он представил свое прошение, настойчиво просил его принять — важное лицо велело его выставить. Когда он захотел дать делу ход, один родственник, менее наивный, чем свежеиспеченный адвокат, сказал: «Он не знает британских чиновников. Если хочет зарабатывать на жизнь и не иметь здесь много проблем, пусть порвет прошение и проглотит обиду...»

Это было первое столкновение Ганди с расовой предвзятостью британцев. Обиду он действительно проглотил, как и совет — горький, точно отравы: «Испытанное мною потрясение изменило направление моей жизни». В это легко поверить, зная, что впоследствии достоинство всегда казалось ему самым ценным — важнее жизни, тем, от чего не должен отречься ни один человек, и что он изо всех сил старался вернуть его растоптанным толпам в Индии.

ЮЖНАЯ АФРИКА (1893–1914)

Когда ему поступило предложение из Южной Африки, Ганди, вероятно, увидел в этом способ бежать из своей страны от бесконечных дразг и унижений и шанс выстроить свое будущее. Задача была скромной: помочь местным законникам составить иск от лица фирмы «Дада Абдулла и К°», принадлежавшей уроженцу Гуджарата, мусульманскому купцу из Наталя.

«Меня приглашали скорее в качестве служащего фирмы, чем адвоката. Но мне почему-то хотелось уехать из Индии. Кроме того, меня привлекала возможность повидать новую страну и приобрести опыт»^[50].

И он уехал — самое большее на год, как ему сказали, первым классом, что казалось ему само собой разумеющимся, за вознаграждение в 105 фунтов — скромный гонорар, но был ли у него выбор?

Он недолго пробыл в Дурбане, однако достаточно, чтобы почувствовать атмосферу расовой дискриминации. Дада Абдулла отвел его на заседание суда. Судья-европеец попросил его снять тюрбан (он носил редингот и тюрбан, походивший на бенгальский пагри^[51] — такой наряд отличал его от других индийцев), Ганди отказался. Судья настаивал, и он ушел из зала, а потом, как полагается, составил протест, намереваясь опубликовать его в местной прессе, возмущаясь тем, что с ним обошлись как с «незванным гостем». Это было для него что-то новое. Спесь нескольких британских чиновников, которых он повстречал в Индии, еще можно было отнести на счет личностных особенностей, но как только он сел на корабль, то увидел, как бесцеремонно обращаются с индийцами, а это уже «наглость парвеню», которую проявляли европейские знакомые Абдуллы, между прочим, богатого человека и уважаемого в своей профессии.

Из истории с тюрбаном он извлек другие уроки, в частности, касающиеся различий между индийцами: купцами-мусульманами, называвшими себя арабами, фарси, называвшими себя персами, и простыми служащими-индусами, которые смешивались с «арабами», чтобы их воспринимали всерьез. Но в большинстве иммигранты были бедными индийцами, которых не касались эти тонкости. Они работали по найму, их посылали в Южную Африку по договору, загоняя в шахты или на плантации на пять лет, после чего они могли вернуться в Индию (переезд оплачивался) или остаться в Южной Африке в качестве «освобожденных»

индийцев (хотя, по сути, они оставались на полурабском положении). Людей физического труда, этот самый низший и многочисленный класс, называли «кули», и поскольку они составляли большинство, для простоты всех индийцев относили к той же категории и называли «кули». Так, Ганди был «адвокатом-кули», мусульманские купцы — «купцами-кули». Ганди это шокировало, а его соотечественники к этому давно привыкли. Когда впоследствии он рассказал им о своих злоключениях, то получил ответ: «Только мы способны, чтобы заработать денег, сносить оскорбления, не возмущаясь... Эта страна не создана для таких людей, как вы».

Эта фраза, по предположению Эриксона, станет «негативом девиза нарождающейся личности Ганди — человека, который нужен». Он докажет, что эта страна изменится именно благодаря таким людям, как он. Адвокат-кули: нанесенное ему оскорбление затрагивало весь его класс, индийских тружеников, уехавших в Южную Африку, Индию, униженную колонизацией, да и вообще все эксплуатируемые народы на земле.

Эта история слегка взбудоражила прессу: одни поддерживали Ганди, другие нападали на него. «Этот случай принес мне неожиданную известность в Южной Африке, через несколько дней после приезда». Известность через печать — это было еще одно новшество, из которого он сумеет извлечь выгоду. А свой головной убор он носил еще очень долго.

Инцидент в Дурбане был сущим пустяком по сравнению с тем, что последовало дальше. Во время переезда из Дурбана в Преторию (где ему предстояло выступать в суде) он подвергся оскорблению, которое изменило направление его жизни. Разумеется, он путешествовал первым классом. На вокзале в Питермарицбурге, столице Наталя, около девяти часов вечера в купе, где находился Ганди, вошел белый пассажир. Он был возмущен, обнаружив там «цветного». Несколько минут спустя Ганди попросили покинуть купе («Следуйте за мной, ваше место в общем вагоне!»). Он отказался наотрез, хотя обычно такая твердость была ему не свойственна.

Тогда полиция без всяких церемоний выставила его на перрон. Питермарицбург находился на возвышенности, была зима, в зале ожидания было ужасно холодно и темно. Свое пальто Ганди вместе с чемоданами оставил у начальника вокзала. Всю ночь он дрожал от холода.

В эту ночь ожидания, холода, унижения, поставленный на узкую черту, разделяющую смирение и активную деятельность, он принял решение: «Лишения, которым я подвергался, были проявлением серьезной болезни — расовых предрассудков. Я должен попытаться искоренить этот недуг, насколько возможно, и вынести ради этого все предстоящие лишения. Удовлетворения за обиду я должен требовать лишь постольку, поскольку

это необходимо для устранения расовых предрассудков»^[52].

Он не стал заикливаться наличной обиде, анализируя корень болезни, которая затрагивала не его одного. За обидой и обидчиком он видел доктрину, которой тот следовал. И превращал свою непосредственную реакцию в волю к действию: отныне он станет бороться с этим недугом, причем не только с симптомами (как это оскорбление), но и с причинами. Вероятно, именно в ту ночь в Питермарицбурге Ганди почувствовал в себе призвание реформатора.

Как пишет его биограф Б. Р. Нанда, если до сих пор он выделялся больше своей застенчивостью и сдержанностью, «в этом убогом зале ожидания на вокзале в Питермарицбурге, еще горя от обиды, его душа наполнилась стальной силой. Позже этот инцидент показался ему одним из самых креативных происшествий в его жизни. С этого момента он отказывался мириться с несправедливостью, как будто это в порядке вещей... Никогда он не станет покорной жертвой расовых предрассудков. С этого момента чувство неполноценности, преследовавшее его, когда он был студентом в Англии, а потом молодым адвокатом в Индии, исчезло»^[53].

На следующий день дела пошли еще хуже и решимость Ганди была подвергнута суровому испытанию. Впервые с тех пор, как он стал взрослым, его побили. Из Чарлзтауна в Йоханнесбург поезда не ходили, надо было ехать дилижансом. «Пассажиров надо было разместить внутри дилижанса, но так как я был для них “кули”, да еще не здешний, то “проводник”, как называли белого, распорядившегося дилижансом, решил, что меня не следует сажать вместе с белыми пассажирами. В дилижансе было еще два сиденья по обе стороны от козел. Обычно проводник занимал одно из наружных мест. На этот раз он сел внутри дилижанса, а меня посадил на свое место. Я понимал, что это полнейший произвол и издевательство, но счел за лучшее промолчать. Я бы все равно не добился, чтобы меня пустили в дилижанс, а если бы я стал спорить, дилижанс ушел бы без меня. Я потерял бы еще день, и только небу известно, не повторилась ли бы эта история и на следующий день. Поэтому, как ни кипело у меня все внутри, я благоразумно уселся рядом с кучером». Следующая стадия: еще большее унижение. «Проводнику захотелось сесть на мое место, чтобы покурить, а может быть, просто подышать свежим воздухом. Взяв у кучера кусок грязной мешковины, он разостлал его на подножке и, обращая ко мне, сказал: “Сами, ты сядешь здесь, а я хочу сидеть рядом с кучером”». Разумеется, Ганди, верный своим представлениям о достоинстве, отказался. И даже произнес речь о своих

правах, то есть о том, чтобы ехать внутри. «В то время как я с трудом выговаривал эти слова, проводник набросился на меня и надавал мне хороших затрещин, затем схватил за руку и попытался стащить вниз. Я вцепился в медные поручни козел и решил не выпускать их, даже с риском переломать руки. Пассажиры были свидетелями этой сцены — они видели, как этот человек бранил и бил меня, в то время как я не проронил ни слова»^[54]. Уточним, что проводник был сильным, а Ганди тщедушным, и пассажиры, сжалившись, в конце концов стали заступаться за него: эта сцена предвещает множество других, еще более тяжелых и болезненных, поскольку в конце часто маячила смерть, — во время сатьяграхи^[55], устраиваемой Ганди. «Это была классическая сцена; спокойное мужество и человеческое достоинство против расистской наглости и грубой силы»^[56].

Прибыв в Преторию, 23-летний Ганди организовал с помощью одного влиятельного лица собрание всех индийцев в городе, чтобы обрисовать им их положение в Трансваале.

«Шет Тайиб Ходжи Хан Мухаммад занимал в Претории такое же положение, как Дада Абдулла в Натале. Ни одно общественное начинание не обходилось без него. Я познакомился с ним в первую же неделю и сказал, что намерен сблизиться со всеми индийцами в Претории»^[57].

Несколько лет спустя решение такого рода погрузило бы всех заинтересованных лиц в неустанную деятельность и ознаменовалось бы в конечном счете важной реформой.

Ганди произнес речь на тему, которая стала ему близка, — «О честности в делах». Нужно было восстановить подмоченную репутацию беспринципных индийских купцов, которые утверждали, что «истина и бизнес несовместимы», а тем самым причиняли вред тысячам своих соотечественников, о которых судили по ним. И потом, Ганди не мог допустить рассуждений о том, что практические дела — это одно, а религия — совсем другое. Итак, прочитав индийцам нотацию с целью «пробудить в купцах сознание долга, которое им вдвойне необходимо», призвав их соблюдать гигиену (что было очень важно для англичан) и доказав, что различиями между индусами, мусульманами, фарси, христианами можно пренебречь, он предложил им создать ассоциацию, которой он посвятит все свое свободное время: ее целью будет делать представления властям относительно притеснений, которым подвергалась индийская община. Чтобы доказать серьезность своих намерений, он предложил обучать английскому языку всех, кто пожелает. О степени ответственности судят по готовности взять на себя практические заботы;

жизнь Ганди, реформатора-прагматика, входившего в организацию всех дел до мельчайших подробностей, с лихвой это подтвердила.

Это выступление имело большой успех.

Примерно год спустя, когда Ганди уезжал из Претории, там не было ни одного индийца, которого бы он не знал и чьи условия жизни не были бы ему знакомы: он досконально изучил социальное, экономическое и политическое положение индийцев в Трансваале и Оранжевой Республике, дополнив это исследование собственным опытом, столь же горьким, как предыдущий. Кроме того, он вполне преуспел как адвокат. Он вел процесс, где на кону были крупная сумма в 40 тысяч фунтов и интересы двух крупнейших индийских купцов в Южной Африке. Ганди надо было изучать счета Абдуллы и служить связующим звеном между адвокатами — скромная роль, но благодаря ей он понаторел в бухгалтерском учете и искусстве перевода (ему приходилось переводить документы с гуджаратского диалекта). Работа настолько захватила его, что он окунулся в нее с головой, отодвинув на второй план интересы духовного и религиозного порядка, пробудившиеся благодаря новым знакомствам. В конце концов, его профессия состоит не из блеска красноречия и не умения приводить цитаты, а из изучения фактов: факты ведут к истине. Дело Абдуллы представлялось выигрышным, но процесс оказался разорительным для обеих сторон, он бесконечно затягивался в условиях всеобщей недобросовестности... Раздосадованный тем, что столько времени было потеряно зря и столько труда пошло насмарку, Ганди старался свести дело к компромиссу, который в результате и приняли. И поскольку его клиент выиграл, он заручился его согласием, чтобы побежденный соперник мог уплатить полагающуюся сумму в рассрочку в течение достаточно продолжительного времени, тогда он не разорится. Ганди понял, что «истинная миссия служителя закона заключается в том, чтобы заполнить пропасть между противоборствующими сторонами», и в те 20 лет, что он занимался своей профессией в Южной Африке, он всегда старался привести дело к полюбовному соглашению. «Я ничего не потерял в этом деле, — заключает он, — даже денег, и уж конечно не потерял свою душу».

В первый год он, конечно, продолжал заботиться о своей душе; изучал христианство с друзьями-христианами и индуизм, недостатки которого стали ему совершенно ясны: это множество сект и каст и в особенности существование неприкасаемых, подобное гангрене, злокачественной опухоли. В смятении он написал в Индию купцу Райчандбхаи — тонкому знатоку жемчуга и алмазов, к тому же эрудиту, который хорошо знал

Священное Писание, а главной страстью его было «свершение существа», одному из трех современных мыслителей (наряду с Львом Толстым и Джоном Рёскиным^[58]), как пишет Ганди, которые оставили глубокий отпечаток в его жизни и обворожили его. Райчандбхаи посоветовал ему проявить терпение: он найдет в индуизме тонкость, глубину мысли, видение души и ясность. Ганди также приобрел Коран в переводе, комментарии к Библии, которые ему понравились, а главное — «Царство Божие внутри вас» Толстого, которое его воодушевило. Он найдет Бога в самом себе и в других, попытается освободиться, работая над собой. Возможно, эта мысль принесла с собой ответ на его возражения против христианства:

«Я не ищущу искупления за греховные проступки. Я стараюсь освободиться от самого греха или, скорее, от самой мысли о грехе. Пока я не достигну этой цели, я согласен не знать покоя»^[59].

«Я молод и еще неопытен»

После процесса Ганди отправился в Дурбан, намереваясь вернуться в Индию. Но человек предполагает, а Бог располагает. По странному совпадению — одному из тех, что перевернули его жизнь, — во время ужина, устроенного в его честь, он случайно наткнулся на небольшую заметку в самом низу газетной страницы. Там намекалось на законопроект, уже внесенный в Натальское законодательное собрание, по которому индийские торговцы (вроде его нынешних хозяев) лишались права голоса в Натале.

«Азиаты — чужеземцы, которые навязались обществу, не желавшему их принимать», — писал лорд Милнер. На самом деле индийская иммиграция в Южную Африку началась около 1860 года с подачи европейских поселенцев, которым требовалась рабочая сила для плантаций сахарного тростника, чая и кофе, тогда как освобожденных от рабства негров больше нельзя было принуждать к работе. Первый корабль, набитый индийскими «законтрактрованными» рабочими, прибыл в порт Дурбана в ноябре 1860 года. В 1890-м их было порядка сорока тысяч. Иногда, утратив связь со своими индийскими корнями, они предпочитали остаться в Натале по истечении контракта. Покупали небольшие участки земли, растили овощи, кое-как зарабатывали на жизнь, воспитывали детей. Это процветание при всей своей скромности вскоре возбудило зависть

колонистов, которые начали требовать высылки индийцев, желавших жить в Южной Африке, не продлевая контракта. Иммигрант должен либо быть рабом, либо уехать.

Со своей стороны, индийский купец процветал, обладая такой клиентурой. Торговая конкуренция, недопустимая с точки зрения белых негоциантов. На этой закваске поднялась ненависть.

«Наш особый образ жизни, простота, умение довольствоваться небольшой прибылью, равнодушие к правилам гигиены и санитарии и скаредность, если речь шла о необходимости поддерживать свои дома в хорошем состоянии, — все это в сочетании с религиозными различиями раздувало пламя вражды»^[60].

Вскоре правительство Наталя (изначально это была колония буров, с 1893 года оккупированная Британией), заявив о своей «ответственности», перестало сдерживать политику расовой дискриминации. Проект, поразивший Ганди, имел целью лишить всех индийцев гражданских прав и свобод. В конечном итоге планировалось помешать им интегрироваться в южноафриканскую нацию, находившуюся в процессе становления, доступ в которую был открыт только для белых. Для начала купцов, уже находящихся в списках избирателей, лишили права голоса и для индийцев, работающих по контракту, выдумали новый налог. Они должны были вернуться в Индию по истечении контракта, или продлить его, или выплачивать 25 фунтов в год, что было для них неподъемной суммой. Вицекороль Индии, заботясь о выгодах для европейцев, дал свое согласие, снизив налог до трех фунтов. Таким образом, семья из четырех человек, например, должна была платить 12 фунтов налога, тогда как средний доход мужчины не превышал 14 шиллингов в месяц. Бедные, неграмотные, дезорганизованные индийцы были неспособны бороться за свои права. «Это было ужасно, — заключает Ганди, — это было неслыханное варварство». И он ринулся в ожесточенную борьбу против налога (которая еще не скоро увенчается успехом).

Кроме этого, приходилось постоянно терпеть унижения. Запрещается ходить по тротуарам (Ганди однажды спихнули оттуда пинком), запрещается ездить по ночам без разрешения. Запрещается путешествовать первым и вторым классом. Если белый пассажир возражает, запрещается оставаться с ним в одном купе. Запрещается жить в отелях для европейцев...

«Сброд», «азиатские варвары», «нецивилизованные азиатские народы»... А в это время газета «Кейп тайме» писала: «Куда бы он ни направился, индиец везде полезен, дисциплинирован, законопослушен,

ограничен в своих потребностях, трудолюбив. Но именно эти качества превращают его и в грозного конкурента на рынке труда»^[61]. В конечном счете «именно достоинства, а не недостатки индийцев вызывали к ним ревность со стороны европейцев и подвергали политическому преследованию».

Индийцы, окружавшие его в тот вечер, понятия не имели о проблеме с правом голоса. «Этот законопроект коренным образом задевает наше личное достоинство», — сказал им Ганди. Таким образом, он уже входил в это «мы», что позволяло его друзьям просить его остаться и возглавить борьбу. Ганди согласился отложить свой отъезд на месяц.

Не теряя времени, он принялся за работу. Его внезапно обуяла страсть к политике, и чуткий инстинкт подсказал правильную стратегию. В 25 лет Ганди вел свою первую кампанию и оказался выдающимся организатором и «пиарщиком».

Во-первых, собрать индийцев — богатых купцов и бедных законтрактованных рабочих; объяснить им и сохранившей объективность части европейского общества последствия закона; придать индийскому движению как можно более широкую известность в Индии и Англии.

В ту ночь Ганди в общих чертах составил план действий, и его слова донеслись даже до Англии (за три года «Таймс» посвятила восемь больших статей положению в Южной Африке) и до Индии, где о протестах было упомянуто на сессии Индийского национального конгресса^[62], общественное мнение тоже пришло в движение в декабре 1894 года.

Законопроект должен был рассматриваться во втором чтении. Спешно составили петицию, бросились собирать подписи, за один день под текстом подписались 500 человек. Эта первая петиция в истории Наталя была представлена в Законодательное собрание и провалилась, но отныне индийцы пробудились от спячки, их община представляла собой единой целое и была готова бороться за свои права.

В письме к Дадабхаи Наороджи^[63], выдающемуся деятелю индийского националистического движения, главе Индийского национального конгресса и члену британского парламента, Ганди просил о поддержке: «Я молод и еще неопытен, могу совершить много ошибок. Ответственность, которую я возложил на себя, мне еще не по плечу»^[64]. И тем не менее «я единственный человек, который может заняться здесь решением этой проблемы». Лишенная тщеславия, очевидная, как констатация факта, уверенность человека, оказавшегося в нужное время в нужном месте: она станет неотъемлемой чертой его личности.

Чтобы стать законом, законопроект должен был быть утвержден королевой. Ганди решил представить грандиозную петицию. Две недели он с друзьями колесил по дорогам, пешком и на колесах, и сумел собрать десять тысяч подписей, которые переслали в Лондон в министерство по делам колоний. Более того, он использовал эту политическую кампанию для образования масс: прежде чем подписать, каждый должен был прочесть текст петиции и одобрить его. Потом, с присущим ему врожденным навыком рекламщика, он разослал тысячу экземпляров в прессу и видным политическим деятелям.

Дождаясь результатов этой инициативы, Ганди основал Индийский конгресс Наталя — орган националистического движения в Индии, что-то вроде филиала Индийского национального конгресса. Заниматься политическими проблемами — да, но еще и социальными и нравственными вопросами, повышать культурный уровень общины, учить молодежь мыслить самостоятельно. И вербовать новых членов, организовывать сбор средств — это особенно удавалось Ганди, обладающему «мягкой, но неотразимой манерой оказывать моральное давление на неуступчивых сторонников» (рассказывают, что он просидел всю ночь, отказываясь есть свой ужин, пока хозяин, индийский купец, не согласился повысить свой взнос с трех до шести фунтов). А еще пропаганда: о ней Ганди никогда не забывал. Держа в голове эту мысль, он написал две брошюры: «Воззвание ко всем англичанам Южной Африки», в котором обличал условия жизни индийцев, и «Воззвание к общественности» — краткий исторический очерк положения в Натале. Оба воззвания хорошо расходились.

Прошел месяц, Ганди пора было уезжать. Индийские друзья умоляли его остаться. Возникла проблема с финансами. О том, чтобы взять деньги из фондов общины, не могло быть и речи, как бы ни была велика работа, проделанная ради нее. Общественная деятельность не должна оплачиваться, поскольку, с одной стороны, это долг, а с другой — для нее необходима полнейшая независимость, чтобы иметь возможность критиковать и идти своим путем (а не по пути какой-либо партии).

Однако (и это вовсе не вписывается в традиционный образ Ганди) он хотел иметь «красивый дом в хорошем месте» и вести «жизнь, достойную адвоката», то есть получать по меньшей мере 300 фунтов в год. Два десятка купцов обязались пользоваться его услугами как адвоката и выплатили ему гонорар за год работы.

Он подал заявку в коллегии адвокатов при верховном суде Наталя и, несмотря на попытку адвокатов не пустить его, был принят. На сей раз он снял свой тюрбан, предпочитая поберечь силы для более серьезных боев,

уже намечавшихся на горизонте. Тратить свой пыл на такую мелочь? «Мои умения заслуживали большего». Здесь проявилась способность Ганди идти на компромисс, приспособливать общие правила к требованию момента. Он говорит о «принципе, согласно которому один и тот же факт можно рассматривать по-разному в зависимости от обстоятельств». Разумеется, его друзья были ошарашены и недовольны, и им еще придется испытать это чувство по другим, гораздо более серьезным поводам, чем отказ от тюрбана, когда пришлось объявить демобилизацию целой страны: прекратить кампанию, в которой участвовали миллионы людей. Свою позицию он объясняет таким великолепным парадоксом: «На протяжении всей жизни именно верность истине научила меня высоко ценить прелесть компромисса»^[65]. Различие между истиной и компромиссом, способность уступить, а потом наверстать, вернуться к первоначальному курсу, от которого пришлось отклониться под давлением политической необходимости, — для Ганди это будет следствием умонастроения, необходимого для применения ненасилия, каковы бы ни были его последствия. Ну и пусть его клеймят оппортунистом за его релятивизм и расплывчатость в оправданиях, которые, кстати, он не всегда и приводил.

Противодействие со стороны юридического сообщества лишь увеличило его славу в Южной Африке (большинство газет осудило его оппонентов), и эта известность, как он сам признавал, упростила его задачу. В его бумагах и речах мысль была безупречно ясной, слова — безукоризненно точны, честность — непоколебима. Поэтому, представляя поправку к новому законопроекту о праве голоса (первый законопроект королева все-таки отклонила), министр Наталя подчеркнул новое значение Индийского конгресса Наталя — органа, обладающего выдающимися руководителями, с которыми приходится считаться в политической жизни. Ганди посоветовал своим согражданам принять этот новый закон: благодаря петиции королева не ратифицировала откровенно расистский нормативный акт, и хотя второй вариант тоже оставлял желать лучшего, в представлении Ганди это была значительная победа.

Обладая внушительной суммой денег и красивым домом, выходящим на бухту Дурбана: «Я поселился в прекрасном маленьком домике, в хорошем районе. Домик был также соответственным образом обставлен», — в 1896 году Ганди отправился за своей семьей.

Согласно индусскому представлению о цикле жизни можно находиться на одной его стадии, потом покинуть ее и перейти к другой. На том этапе своей жизни (когда ему не исполнилось еще и тридцати) Ганди был хозяином дома, имел семью, умудрялся сочетать адвокатскую деятельность с призванием реформатора и поисками истины. И скоро должен был разбогатеть или, по меньшей мере, стать очень зажиточным человеком. Позднее он станет «религиозным революционером нового типа», новатором-фантазером, который, бросив все свое имущество, полностью посвятит себя служению обществу, то есть поискам Бога, аскетом, который, беспрестанно работая над собой, предаст себя в руки высших сил. Но в представлении индусов между двумя этими состояниями нет никаких противоречий, наоборот, это естественное развитие, постепенное расширение поля деятельности, желание заходить все дальше в познании себя и служении другим — пока не отдашься ему совершенно. Мы видели, как он с мелочной точностью вел свои счета и скупой расходовал средства, скрупулезно заботился о своем здоровье и терпеливо упражнял свое тело; он научился управлять бюджетом и пользоваться своими физическими ресурсами, чтобы извлекать из них наибольшую пользу. Вскоре он сделает эти опыты над собой доступными для других, расширив изначальную область исследований и применения и занимаясь уже не только домом, но уже общиной, после — целой страной, потом — обширным миром эксплуатируемых. Лечить, учить, реформировать, управлять и в первую очередь управлять собой — собой и своими желаниями, — как учит «Бхагавадгита»: вот дело для божьего работника. Он захотел всю свою жизнь оставаться божьим работником, принимая официальную власть лишь для того, чтобы отказаться от нее (и прекрасно зная, что от этого его влияние лишь усилится). Все бедняки Индии стали его семьей, а вся Индия — его полем деятельности.

Каким образом совершился переход от одной стадии к другой на фоне политической борьбы в Южной Африке — вот вопрос, поставленный началом его зрелости.

Во время краткого пребывания в Индии он познакомился с Гокхале^[66], который полностью посвятил себя общественной жизни^[67]. Мудрый и уважаемый лидер стремился окружить себя талантливой молодежью и вместе с великим Тилаком^[68], «политиком до мозга костей», вечно несогласным со своим более умеренным старшим братом, заложил основы идеологии, полностью противоречившей гандиевскому ненасилию (при этом, как и Ганди, опираясь на религию). Однако они договорились о том,

чтобы устроить Ганди встречу и большое собрание. Ганди всколыхнул общественность речами и памфлетами (один из них он за месяц написал в Раджкоте и разослал во все уголки страны — влиятельным людям и в газеты, по отработанной схеме, — его быстро пришлось переиздать), он получил восторженную поддержку прессы и главных лидеров, работал не покладая рук... В результате молва о его подвигах достигла (в искаженном варианте) Южной Африки, где он в одночасье стал самым известным и ненавистным в стране вожаком.

Его высказывания по-прежнему были умеренны. Однако его обвинили в том, что он «облил помоями» землю, которая его приютила, «вывалял в грязи европейцев из Наталья, чтобы они стали так же черны, как его собственная кожа». Корабль, на котором он привез свою семью, был забит «иммигрантами-кули»; к несчастью, практически одновременно в порт зашел другой корабль с таким же грузом: Ганди обвинили в организации нашествия, волны иммиграции в Наталь. Две тысячи европейцев собрались, чтобы помешать индийцам высадиться на берег, а потом чтобы убедить их вернуться в Индию, пригрозив сбросить их в море, если будут сопротивляться. Ни живы ни мертвы индийцы все-таки остались. Портовые власти отправили их в карантин под предлогом случая чумы, зафиксированного в Индии. Все это время ненавидимый европейцами Ганди, виновник всей этой беды, старался подбодрить соотечественников. Тщетные угрозы раздавались почти месяц, после чего индийцам разрешили сойти на берег. За исключением Ганди, который должен был дожидаться ночи. Ему пришлют подмогу, чтобы защищать его в случае нападения. Наконец он ступил на твердую землю. Толпа тотчас узнала его и жестоко поколотила.

«Я почувствовал себя дурно и попытался опереться на ограду дома, чтобы перевести дух. Но это было невозможно. Меня продолжали избивать. Случайно мимо проходила жена старшего полицейского офицера, знавшая меня. Эта смелая женщина пробралась сквозь толпу ко мне, раскрыла свой зонтик, хотя никакого солнца уже не было, и стала между мной и толпой. Это остановило разъяренную толпу, меня невозможно было достать, не задев миссис Александер»^[69].

Тут прибыло подкрепление, и Ганди проводили в дом друга. «Надвигалась ночь, а из толпы неслись крики: “Давайте сюда Ганди!”» Ситуация складывалась угрожающая, так что господин Александер, опасаясь за жизнь Ганди, его друга и его семьи, посоветовал ему бежать, переодевшись в чужое платье. «По предложению м-ра Александра я надел форму индийского полицейского, а голову обернул мадрасским шарфом

так, чтобы он меня закрывал, как шлем. Один из двух сопровождавших меня агентов сыскной полиции переоделся индийским купцом и загримировался, чтобы быть похожим на индийца». Пока они бежали через черный ход, храбрый мистер Александер, отвлекая внимание толпы, распевал вместе с ней:

«Повесьте старого Ганди
На дикой яблоне!»

Когда хитроумный шеф полиции сообщил толпе, что птичка упорхнула, многие рассмеялись, а меньшинство продолжало кипеть от бешенства.

Несколько дней Ганди провел под охраной. Пресса сняла с него обвинения, бывшие напраслиной. Госсекретарь по делам колоний Джозеф Чемберлен потребовал у властей Натале наказать нападавших, но Ганди отказался их назвать. «Я считаю, что осуждать следует не тех, кто нападал на меня. Им сказали, будто я распространял в Индии неверные сведения относительно белых в Натале и оклеветал их. Они поверили этим сообщениям и неудивительно, что они пришли в бешенство. Осуждать надо их руководителей и, прошу прощения, вас. Вам следовало бы должным образом направлять народ, а не верить агентству “Рейтер”, сообщившему, будто я позволил себе какие-то нападки. Я не собираюсь никого привлекать к суду и уверен, что когда эти люди узнают правду, то пожалеют о своем поведении». Разумеется, его престиж неизмеримо возрос. Теперь его любили индийцы и уважали европейцы — во всяком случае, наименее ограниченные из них. Он олицетворял собой благородные намерения, слыл врагом насилия. «В печати признавалась моя невиновность и осуждалось нападение толпы. Таким образом, попытка линчевать меня в конечном счете пошла на пользу мне, то есть моему делу»^[70].

В 1899 году разразилась Англо-бурская война. Ганди предстояло принять важное решение: какую позицию должны занять индийцы в конфликте, который изменит историю Южной Африки?

Англо-бурская война

Военный конфликт на юге Африки стал финальной стадией соперничества между британцами и бурами в этом регионе. А что думали

индийцы об этой войне? Наверняка многие из них не возражали против того, что два народа, столько издевавшихся над ними, теперь начнут убивать друг друга.

Разумеется, Ганди смотрел на дело иначе. Даже если его личные симпатии были на стороне буров, как он сказал, в тот период он еще твердо поддерживал Британскую империю (битву в своей душе он описал в книге «Сатьяграха в Южной Африке», опубликованной гораздо позже, в 1928 году). В конечном счете он встал на сторону Англии: «Я считал, что если требую прав как британский гражданин, то обязан, как таковой, участвовать в защите Британской империи». Была и еще одна причина, возможно, столь же весомая, как и лояльность: «Я полагал тогда, что Индия может стать независимой только в рамках Британской империи, и при ее содействии»^[71].

Противостоять злоупотреблениям империи, тому, что в ней было самого худшего, как делал Ганди, начавший по порядку бороться с самыми бесчеловечными бесчинствами, предполагало, что в один прекрасный день можно будет воспользоваться тем, что в ней есть самого хорошего, то есть что она гарантировала высшие преимущества по сравнению с другими существующими системами.

Так что Ганди собрал, сколько мог, своих сторонников и образовал с ними корпус санитаров. Его предложение вовсе не было восторженно встречено англичанами (они ему отказали), но в конечном счете, как с гордостью говорил Ганди, «отряд из тысячи ста человек, из которых сорок были командирами», однажды пригодился. Их даже послали под вражеский огонь, искать раненых на поле боя. Каждый день они пробегали с носилками по 30–40 километров. И все это время надеялись, что правительство будет им за это признательно. Правда, на какое-то время престиж индийцев повысился. Они обрели новую гордость, более передовое сознание, ощущение того, что «индусы, мусульмане, христиане, тамилы, гуджараты и синдхи — все сыны одной родины». И общий вывод: «Наверняка вину перед индийцами постараются загладить»^[72].

Когда война закончилась, Ганди почувствовал, что настал момент вернуться в Индию. Едва приехав, он отправился колесить по стране. Он снова встретился с Гокхале, с которым подружился и который ценил его искренность, усердие и практический склад ума, желая наделить его политической ролью. Вскоре он начал практиковать в Раджкоте, потом поселился в Бомбее, в бунгало, с семьей, обзавелся клиентурой... Вплоть до того дня, когда получил телеграмму, которая в очередной раз изменила

течение его жизни: его срочно вызывали, Чемберлен^[73] едет в Южную Африку, Ганди, и никто другой, должен представить ему новые жалобы индийцев. Мало того что старые жалобы так и остались неудовлетворенными, несмотря на безупречное поведение индийцев во время войны, так к ним еще добавились и новые, в частности в Трансваале. Даже те интересы, которые индийцы отстаивали упорным трудом на протяжении четверти века, теперь снова оказывались под вопросом. И борьба грозила быть долгой.

Ганди встретился с Чемберленом и выполнил свою миссию. После этого велико было искушение уехать. Однако, по просьбе индийской общины, он принял противоположное решение. В 1893 году он приехал на год и пробыл восемь лет; в 1902-м планы были такие же — максимум год, и на сей раз он остался на 12 лет. «Бог не давал сбыться ни одному из моих планов. Он всегда располагал по-своему». Центр борьбы переместился в Трансвааль, он открыл свой кабинет в Йоханнесбурге и попросил принять его в адвокатскую коллегия при верховном суде.

1902 год: решающий момент. Он полностью посвятил себя делу, перед которым его личные интересы и интересы его семьи были не в счет. Его жизнь преобразится внешне и внутренне, и постепенно он выработает свою доктрину.

Миссия служения

Бог или человек?

Вскоре после смерти Ганди, когда вышла в свет его биография, Джордж Оруэлл опубликовал в журнале статью «Размышления о Ганди» с интересным анализом его доктрины, обозначив ее проблематику и дойдя до истоков. (Другой анализ, пристрастный, яростный, полный нападок, принадлежит романисту В. С. Найполу в книге «Индия: сломленная цивилизация».) Разумеется, к этой критике следует добавить обычные, прицельные нападки: на его позицию в отношении каст, деятельность в пользу неприкасаемых, пуританство и презрение к сексуальной жизни, авторитаризм по отношению к своей жене, детям и ученикам, на его «архаизм» (то есть критику в адрес современной цивилизации и машинного производства) и конечно же ненасилие... Большевик и революционер или реакционер и фанатик, эксцентрик и ненормальный, святой или притворщик, апостол, новый Христос, «святой Франциск индийский»... Реакция была самой острой и противоречивой. Можно подумывать, что

направление его мысли — в основном религиозной — ускользало от комментаторов, они следили лишь за поворотами и переменами в его деятельности (а они сбивали с толку, это правда), выхватывая какое-нибудь высказывание Ганди в зависимости от собственных установок, позабыв, что он менялся по воле обстоятельств, переходя от одного «опыта истины» к другому: «Жизнь есть лишь бесконечная череда опытов».

Анализ Оруэлла хорош тем, что позволяет понять, из-за чего некоторые умы с самого начала отвернулись от Ганди или, наоборот, обратились к нему. Все зависит от того, каким представляют себе человека. Если принимать или отвергать потребность в Боге или, в более широком смысле, духовную ипостась, подразумевающую потребность во внутреннем развитии, хочется поверить в искренность Ганди, человека религиозного, и рассматривать его деятельность в связи с его доктриной; альтернативой является сделать акцент на его деятельности, не заботясь о ее причинах, судить о Ганди по фактам и результатам, а не по провозглашаемым намерениям.

Оруэлл так сформулировал проблему: «Бог против человека». То есть «надо сделать выбор между Богом и человеком»^[74].

А точнее, «нет необходимости спорить о том, какой идеал стоит выше: гуманизм или отрешенность от мира. Истина в том, что они несовместимы». Эти слова он написал в 1949 году, когда вышел его роман «1984», в эпоху торжества коммунистических режимов, и понимать их надо именно в таком контексте.

По Оруэллу, существуют два враждебных лагеря: один проповедует культ человека, живущего здесь и сейчас, другой обращен к Богу или к духовному поиску и идее совершенства. Первые считают, что вторые живут в мире иллюзий, вредном для улучшения их положения, поэтому надо бороться.

«Мне кажется, надо понимать, что учение Ганди не может согласоваться с мыслью о том, что человек есть мера всех вещей и что наша задача — сделать так, чтобы можно было достойно жить на этой земле, ведь у нас ничего другого нет. Они не могут взять в толк, что если мы верим в существование Бога...»

И он развивает свою мысль, противопоставляя слова: человеческий — нечеловеческий, человеческий — совершенство, человеческий — святость. Совершенство, как и святость, как и попытки до них дотянуться — «нечеловеческие».

Суть человеческая в том, говорит он, что мы не стремимся к совершенству, порой соглашаемся согрешить, лишь бы сохранить

любяльность, не доводим аскетизм до такой степени, чтобы дружба и общение сделались невозможны, а в конце концов мы готовы к поражению, мы побеждены, сломлены жизнью, потому что это неизбежная плата того, кто связал себя любовью с другими человеческими существами.

Оруэлл идет дальше: конечно, спиртное, табак и все такое — есть вещи, которых святому следует избегать, но святость — то, чего человеческие существа должны избегать.

Предполагается, продолжает он, что люди не стремятся к отстраненности, которую, однако, считают предпочтительной полному приятию жизни на этой земле, лишь потому, что ее слишком трудно достичь: обычный человек в таком случае почувствовал бы себя святым-неудачником. Но, возможно, нужно повернуть эту мысль иначе: стремящиеся к святости, вероятно, никогда не испытывали соблазна стать человеческими существами. Истинной побудительной причиной отстраненности является желание избежать болезненности жизни и любви: каждый знает, что любовь — и плотская, и нет — опасное состояние.

Короче, если отказаться от «святости как идеала», мы вправе сказать себе, заключает он, что основополагающие цели Ганди были антигуманными и реакционными...

Если следовать такому рассуждению и сразу, как Оруэлл, противопоставить два понятия — Бог и человек, — тогда придется поставить под вопрос (и осудить) неустанную работу Ганди над самим собой, его крайнюю потребность в духовном возвышении и связанном с ним аскетизме, обете отказаться ото всех эгоистических наслаждений, в том числе семейной жизни и плотских утех (на эту тему споры продолжаются). Разумеется, такой подход упрощает условие задачи, но при этом полностью искажает ее смысл.

Ибо в случае Ганди не существует идеала святости (он вовсе не стремился быть святым, хотя и жаждал избавления), как нет и противопоставления между Богом и человеком. Человек находится в центре его мировоззрения, человек и его счастье. (Разумеется, слово «счастье» вызывает споры. Концепция Ганди, выкованная в весьма жестком контексте, глубоко чужда Западу, который уже два века наслаждается достатком и пестует иные ценности. Однако мы вправе спросить себя: не означают ли для народов, ставящих превыше всего экономические интересы, народов, чей ум оскудевает, возвышенность духа становится невозможной, а героизм скоро угаснет совершенно, как писал Адам Смит, не означают ли для них поиски счастья попросту стремление к богатству и власти?)

«Единственная допустимая точка зрения — это служение человеку». Именно в человеке Ганди обрел Бога, свою конечную цель, и пришел к ней через любовь. Ибо поиск Бога неизбежно приводит к человеку, поскольку начинается с него: «Я частица великого целого и не могу найти Бога вне человечества».

Так что в отличие от отшельников, которые ищут Бога в одиночестве, он искал его среди толп индийских бедняков:

«Если бы я был уверен, что найду Бога в пещере в Гималаях, я немедленно отправился бы туда. Но я знаю, что его нет нигде, кроме сердца человеческого»^[75].

Бог в сердце человека, это глубоко личное, ничуть не чуждое присутствие, которое можно обнаружить, работая над собой:

«Доказательство, что мы ощущаем в себе реальное присутствие Бога, происходит не от очевидности, которая была бы нам чужда, но от преобразования нашего поведения и нашего характера»^[76].

Бог есть «в каждом человеке и каждой вещи — одушевленной и неодушевленной». Молиться — значит обращаться к божественному в себе, чтобы превзойти самого себя, то есть достичь высот духа. Полное отождествление с «истинным собой» — искомая цель, которая означает, выходя за рамки особенностей, слияние с великим космическим Всем. «Молитву можно описать как постоянную потребность раствориться в Божестве, объемлющем всё»^[77].

В этом всё: в этом преобразении самого себя, которого Ганди будет требовать от своих последователей, учить их этому. Преобразование себя, благодаря которому можно будет преобразить других.

Вместо того чтобы стремиться к святости, которой не доверял Оруэлл (Ганди говорил, что его часто глубоко огорчал титул «Махатма» — «великая душа»), он хотел попросту воплотить в своей жизни, начав работать над собой, ценности, в которые верил и которые, в его представлении, должны были изменить Индию, а за ней, возможно, и мир. В этом — работе над собой — вся его доктрина и основание, на котором зиждется сатьяграха, которая была моралью, техникой воли да и смыслом его жизни. Действовать, убеждать силой примера. Цель — не святость, а деятельность.

Деятельность: истина и/или политика?

«Чувствуется, — говорил о нем Оруэлл, — что хотя он не понял множество вещей, не было ничего, о чем он боялся бы говорить или думать». Он обладал замечательно смелым и оригинальным умом. То

примиряющий («Я настолько же одобряю компромисс, как и осуждаю его»), то совершенно непримиримый («Похвалы или брань — для нас все едино», — писал он Неру), для каждого главного слова (например, Бог или религия) он находил соответствующий ему смысл вне всяких правил, законов и устоявшихся представлений^[78].

Бог — что означало это слово для него?

«Таинственная и неопределимая сила, пронизывающая все сущее... Сила жизни, остающаяся неизменной и поддерживающая все живое...»

Любовь (или ахимса)? Истина? Ненасилие? Долгое время Ганди колебался в выборе между этими словами в своем отношении к Богу. Наименования различные, но не отчетливо различающиеся, их недостаточно, чтобы описать нечто неуловимое, что он себе представлял, «в его окончательной реальности». Жизнь. Истина. Свет. Любовь. Высшее божество^[79].

В конечном итоге истина есть Бог. «В реальности нет ничего, не существует ничего, кроме истины. Вот почему сат, или истина, возможно, самое важное имя Бога... Ахимса и истина настолько тесно переплелись, что практически невозможно отделить их друг от друга. Они словно две стороны одной медали, вернее, гладкого металлического диска без отпечатка. Кто скажет, где у него реверс, а где аверс? Однако ахимса — это средство, а истина — цель»^[80].

При этом требовалось еще установить порядок слов, найти формулировку, которая, пренебрегая тонкостями метафизики, поможет дисциплинировать действие, на которое решительно настроился Ганди. Итак, провести различие между «Бог есть истина» и «истина — Бог», даже если «Бог», «любовь» и «истина» равны по силе и значимости.

После пятидесяти лет непрерывных поисков Ганди все же отдал предпочтение второй формуле «истина — Бог». Он сделал это, чтобы привлечь к себе даже тех, кто отвергал идею Бога, ибо, как он говорил, даже если находятся люди, которых страсть к истине побуждает отрицать Бога, и это их право, нет таких, кто бы заявил: «Истины не существует», сразу лишив тем самым истинности их собственные слова. Что до любви, в этом слове заключено слишком много двусмысленностей, истина предпочтительнее. Тем не менее любовь по-прежнему оставалась прямым путем к Богу; цели и средства были «обратимыми понятиями».

Конечно, говорил Неру, «это индус до глубины души, и все же его концепция религии не имеет ничего общего с какой бы то ни было догмой,

обычаем или ритуалом». Эта «религия», скорее, соответствовала его «твердой вере в некий нравственный закон, который он называл законом истины или законом любви». Отталкиваясь от этого постулата, Ганди выстроил собственную религию: «Ганди утверждает, что понимает дух индуизма и отвергает любое писание, любую практику, не согласующуюся с его идеалистической интерпретацией, называя их вставками или позднейшими добавлениями... Поэтому на практике он свободно говорит на тот лад, какой ему вздумается, меняется и приспосабливается, развивает свою философию жизни и действия, подчиняясь лишь собственной концепции высшего нравственного закона»^[81].

Ганди, не колеблясь, отвергал ту или иную часть индуизма (по его мнению, неприкасаемость, явление социального порядка, не могла относиться к этой религии и была ее извращением) и давал «Бхагавадгите» подходящую ей интерпретацию^[82]. Точно так же он навел порядок среди ритуалов, решив сохранить молитву — главное действие, которое казалось ему настолько же естественным, как дыхание, бывшее медитацией, источником обретения сил, своего пути и возможности ему следовать, но ни в коем случае не просьбой: «Молиться — значит не просить, а каждый день признаваться в нашей слабости».

Короче, слово «религия» обрело для Ганди новый смысл. Когда он утверждал: «Моя преданность истине привела меня в сферу политики; без малейшего колебания и вместе с тем со всей смиренностью я могу сказать, что тот, кто утверждает, будто религия не имеет ничего общего с политикой, не знает, что такое религия»^[83], — он использовал это слово, как говорит Неру, придавая ему некий моральный и этический смысл, весьма далекий от того, какой вкладывают в него критики религии^[84].

Как и в своем определении Бога, размытом и обобщающем, Ганди, гордясь своим индусским культурным наследием и зная, что это наследие связывает его с народом, не стал ничего конкретизировать, решив придать всему божественному универсальный смысл, объединить все религии под знаменем истины («все религии истинны»). Он сохранил верность джайнизму своего детства, одновременно впитав суть других религий (точно так же он широко использовал современную ему технику, понимая, что традиционные орудия труда, например, чарх — прялка, способны экономически оживить сотни тысяч селений, не готовых к индустриализации). Наверное, он был индуистом, но при этом сознавал, что огромное большинство населения его страны образует единое целое, преодолевая религиозные различия, лишь благодаря своей древней

культуре — единственной силе, на которую можно опереться, чтобы восстановить духовное единство народа, сплотить оевропеившуюся элиту и неграмотные массы: «Индийская культура не является в целом ни индусской, ни исламской, ни какой другой. Это сплав из них всех». Заняв такую позицию, он надеялся, в частности, сгладить противоречия между индусами и мусульманами. Объединять, а не разделять; указывать на сходства, а не на различия; включать, а не исключать. В этом религиозные взгляды, проникнутые объединением, соответствовали политическим решениям, которые будут ими продиктованы^[85].

Непростое сочетание

«Его религиозные и моральные взгляды стоят на замечательной высоте, хотя, признаюсь, я не вполне понимаю, как он может применять их к политике», — писал в 1921 году лорд Рединг в письме сыну Объединение религии и политики — или «истины и политики», поскольку религия для Ганди означала истину, — вызвало много толков. Не заботясь исключительно о цели, Ганди уделял первостепенное внимание используемым средствам («одухотворение политической жизни»), и для Неру это было одним из его главных вкладов в коллективную деятельность. Обращение к этике, ее применение в политической жизни — «трудное предприятие, — продолжает Неру. — В мире, который почти исключительно думает о цели, не задумываясь о средствах, настаивать на средствах казалось странным и удивительным». И все же на это можно было надеяться, и гений Ганди заключался в том, что он в это верил и добился: «Нельзя отрицать, что его позиция наложила глубокий отпечаток на многочисленные умы»^[86].

Вначале были стремления к истине или к любви: «Страстное желание поднять с колен растоптанный народ», который мог выбирать лишь между «постоянным бдением и постоянным оцепенением». Слово «истина», перекрывающее слово «любовь», будет главенствовать над всеми решениями Ганди: определять его деятельность во всех областях, как политической, так и экономической. Не бывает так, чтобы религия (и усилия, предпринимаемые для своего спасения) была с одной стороны, а практическая жизнь, со своими собственными законами, — с другой, но есть религиозное видение человека, непременно включающее в себя всю его деятельность. Если нужно любить все созданное Творцом, как он говорил, нельзя уклоняться ни от одного проявления жизни. Политика — одно из ее проявлений, особенно необходимая форма действия, поскольку она помогает помочь самым обездоленным. «Я всего лишь бедняк, упорно

стараясь постичь Истину... Зная, что Бога чаще встретишь в самом смиренном из Его созданий, чем среди самых могущественных, я стараюсь разделять жизнь первых, а это возможно, лишь посвятив себя служению им. А как можно прийти на помощь самым обездоленным классам иначе, чем занявшись политикой?..»^[87]

Политика, как и экономика и социальная деятельность, по сути — области применения его морали любви. «Моя жизнь образует неразделимое целое: все мои действия связаны воедино. Все они проистекают из неугасимой любви к человечеству».

Для него эта связь была очевидна, однако не находила понимания, и порой ему стоило большого труда ее сохранить. Святой или политик? Этот вопрос задают постоянно; ответа нет. «Говорят, что я святой, губящий себя политикой. На самом деле я политик, который изо всех сил старается быть святым». Часто он шел по лезвию ножа, рискуя свалиться то в одну, то в другую сторону, разрываясь между противоречивыми задачами, когда необходимость действия одерживала верх над чистотой его учения, политические доводы — над религиозными. Тогда, удаляясь от мира, постясь и очищаясь покаянием, он пытался вернуться к истине.

Что же есть истина?

«Обычно этот вопрос (об истине. — К. Ж.) людей не занимает. Они загоняют истину в уголок своего сознания... и выбирают средства, подходящие действию. В политике это общее правило, не только потому, что политики, увы, — особая порода оппортунистов, но потому, что они не могут действовать по строго личному плану». Правилom является компромисс, истина подстраивается под него. «Тенденция к забвению и пренебрежению истиной распространяется, а выход из положения становится единственным критерием действия»^[88].

«Никто никогда не сомневался, что истина и политика не ладят между собой, и никто, насколько я знаю, никогда не включал искренность в число политических добродетелей, — пишет Ханна Арендт в эссе «Истина и политика». — Ложь всегда считалась необходимым и законным орудием, причем не только политикана и демагога, но и государственного деятеля».

Но «что есть истина»? — задавался вопросом Неру. «Возможно, что наши истины относительны, что абсолютная истина выходит за рамки нашего понимания... Истина — по крайней мере, для отдельного человека, — это то, что он сам чувствует и полагает истинным. Если следовать этому определению, я не знаю никого, кто был привержен истине больше, чем Ганди»^[89].

То, что люди чувствуют, то и полагают истинным. Значит, здесь присутствует субъективный фактор, и Ганди это признавал.

Рассказывая в автобиографии об «опытах истины», Ганди обязательно подчеркивал, что его выводы имели значение лишь для него самого и не были окончательными и непогрешимыми. И уточнял, что в настоящий момент не может добиться большей точности: в своем анализе он дошел до конца процесса приятия или отторжения. Значит, это *относительные* истины (и он подчеркивает эту относительность) мысли и слова, изменяемые в зависимости от обстоятельств и опыта, а потому порождающие крупные изменения, которые он признает и иногда поясняет, но тем не менее приводящие в замешательство, вызывающие неодобрение. «Когда я пишу, то никогда не думаю о том, что говорил раньше. Моя цель не в том, чтобы хранить верность своим первым утверждениям, а в том, чтобы быть верным истине — такой, какой она представляется мне в определенный момент. Такое отношение позволило мне развиваться от истины к истине и не перегружать напрасно свою память»^[90].

Чаще всего Ганди упрекали в непоследовательности: был ли он социалистом новых времен или консерватором, цепляющимся за архаичное прошлое, пацифистом или милитаристом, анархистом или традиционалистом, западным активистом или восточным святым, непримиримым ревнителем своей религии или либералом, который находил Бога даже в атеизме? Была ли некая точка отсчета у этого человека со множеством истин, называвшего себя «странным сочетанием доктора Джекиля и мистера Хайда»?

Поиск, постоянное вопрошание, имеющее предметом и целью идею Бога или истины. «Трудно дать определение Богу, но определение истины вписано в сердце каждого. Истина — то, что вы считаете истинным в конкретный момент. Вот ваш Бог. Если человек поклоняется этой относительной истине, то со временем он достигнет абсолютной Истины, то есть Бога». Относительная истина тем не менее подразумевает неустанный поиск, безжалостную требовательность к себе, а для Ганди — строгое следование трудным обетам, как вегетарианству в Лондоне или, позднее, целомудрию. Этих клятв он не нарушал и упорно следовал им до конца, не ловча и не придумывая себе оправданий, принимая самые тяжелые последствия. (Однажды он пошел на компромисс, согласившись принять из рук своей жены козье молоко, когда был при смерти: «Поскольку мне очень хотелось жить, я решил все-таки пить молоко, но козье, оправдывая свой поступок тем, что я придерживаюсь буквы обета. Начав пить козье молоко, я прекрасно сознавал, что нарушаю дух своего

обета». Однако идеал истины не терпел ни малейших отклонений или промежуточных решений, иначе высшая, неуловимая реальность отступала все дальше, рискуя стать недоступной.)

Ставя эти опыты, Ганди искал *sat* — абсолютную истину, бытие, которого нельзя достичь в смертной оболочке, но можно только мельком увидеть подготовленным к этому. Во вступлении к автобиографии он пишет: «Я поклоняюсь Богу только как Истине. Я еще не нашел его, но ищу. Я готов в своих исканиях пожертвовать всем самым дорогим для меня. Если понадобится жертва, я отдам даже жизнь, думаю, что я готов к этому. Все же до тех пор, пока я не познал эту абсолютную истину, я должен придерживаться относительной истины в своем понимании ее. Эта относительная истина должна быть моим маяком и щитом».

К нему внезапно приходило убеждение, что момент истины наступил, он слышал внутренний голос и следовал ему. Часто этот внутренний голос раздавался неожиданно, среди ночи, иногда — после долгой подготовки, медитации или поста и требовал немедленного повиновения, неудержимого, окончательного. Тогда возникала уверенность. Его соратники жаловались, что никогда не знали его долгосрочных планов. «В нем было что-то неведомое, что, несмотря на близкие отношения теперь уже на протяжении четырнадцати лет, я не мог понять и что внушало мне тревогу, — пишет Неру. — Он признавал присутствие в себе этого неведомого элемента и говорил, что сам не может этого объяснить или заранее сказать, к чему это его приведет». Неру, который думал, что «действие не может быть результативным без четкого видения цели», видел в этом «мнимом смятении и намеренной неясности» тактику, которая должна была замаскировать разрыв между реальной целью Ганди и условиями современной жизни: «Ему не удавалось соединить одно с другим или разграничить промежуточные этапы на пути к его цели»^[91].

По этим словам можно судить о двух противоположных подходах к политике. Согласно Неру, Ганди больше доверял своей чудесной интуиции, чем загодя выстроенным теориям. А потом было действие. Это предполагало, что массы тоже к нему готовы. Совпадение внутреннего голоса и того, что хочет услышать народ, — конечно, секрет харизматического лидера, наряду с ответственностью за то, чтобы определить истину для всех. Но где гарантия, что Ганди не ошибся? Каждый раз он был готов пострадать и неизменно следовал принципу, согласно которому, лишь идя на смерть, испытав истину в действии, можно быть истинным самому — для себя и для других. И указывать путь.

Обучение примером

Этот путь столь противоположен инстинктивной реакции, что возникает вопрос, каким образом Ганди удалось подчинить своему влиянию миллионы индийцев. (Вспоминается мысль из «Левиафана» Томаса Гоббса, что истина, не противоречащая ничьим интересам, принимается всеми людьми.) Некоторые полностью меняли свой образ жизни, многие отказывались от своей профессии, положения в обществе, всего имущества, безопасности и, в конце концов, самой жизни. В 1912 году, обращаясь к собранию в Бомбее, Гокхале сказал: «В Ганди заключена чудесная духовная сила, которая преображает обычных людей в героев и мучеников».

Разумеется, истина Ганди никогда не обладала бы такой силой убеждения, если бы не подкреплялась личным примером. Никогда он не смог бы побудить столько людей к самопожертвованию, передать им свой внутренний огонь, если бы им самим не двигала такая вера в отстаиваемый им метод, готовность умереть в любой момент. Необходим ли такой накал для доказательства истины? Чтобы она оказалась достаточно сильна, чтобы увлечь за собой массы? В своем исследовании Ханна Арендт, приводя в пример Сократа, чьи доводы оставались малоубедительны как для его друзей, так и для недругов, спрашивает себя, каким образом эти доводы смогли достичь высокой степени истинности. «Этим они явно обязаны необычному способу убеждения: Сократ решил рискнуть жизнью ради истины, чтобы подать пример, — не когда предстал перед афинским судом, а когда отказался избежать смертного приговора». Ганди, неоднократно рисковавший жизнью, действует точно так же, чтобы истина восторжествовала. В подтверждение своих выводов Арендт цитирует Канта: «Нельзя общими предписаниями, полученными от священников или философов или почерпнутыми из самого себя, добиться того же, что примером добродетели или святости».

Собственным примером Ганди, человек религиозный, преобразовал свои утверждения в неоспоримые истины и убедил людей им следовать.

Неру ясно говорит об эффекте убеждения, который распространялся даже на оппонентов Ганди: «Его влияние не ограничивалось теми, кто был с ним согласен или видел в нем вождя нации. Оно распространялось и на тех, кто не соглашался с ним и критиковал его»^[92].

Вкупе с харизмой, его оригинальный подход к этике, применяемый и к политическим вопросам, затрагивал широкие круги общества. Набор нравственных понятий, охотно используемых политиками и в наши дни, простые формулировки, которые вызывают смех, поскольку каждый знает, что они прикрывают собой ложь, если только эти самые лидеры или вожди,

к какому бы лагерю они ни принадлежали, не произносят всуе имя Бога или поднимают на щит идею о добре, чтобы оправдать невозможное. Оскорбление истины вошло в привычку, так что даже сама идея истины как будто принадлежит к области недостижимого.

Но в том, что касается Ганди, сама его жизнь подтверждала истинность его слов: за каждое из них он отвечал жизнью. «Его слова и его поступки образуют единое целое. Что бы ни случилось, он никогда не утратит своей цельности, и его жизнь и деятельность всегда находятся в ладу друг с другом». Значит, ему верили. И поступали соответственно, так что даже окружающая обстановка изменилась: его нравственные рассуждения «возымели определенное действие на деятельность и поведение: политика перестала быть искусством изворачиваться и ловчить, как везде, а в умах постоянная нравственная борьба предшествовала рассуждению и действию». И даже если не все его теории прониклись силой истины, общая истина задавала направление, и он сам двигался в сторону добра: «Сутью его учения были смелость и истина, сопряженные с действием и постоянно нацеленные на благосостояние масс»^[93].

Все прочее — мелкие разногласия — становилось вторичным.

Самопреображение

«Служение есть религия». Даже в тот период, когда еще шел его мучительный внутренний поиск, Ганди жил не только ради себя и своей семьи (в отличие от Толстого, экзистенциальная философия которого до обращения в «новую веру» состояла в том, чтобы желать самого лучшего для самого себя и круга самых близких).

Он признается, что уехал в Южную Африку, спасаясь от мелких интриг и чтобы заработать на жизнь. Но это не затмило главной цели: «Я предавался поискам Бога и стремился исполнить свое предназначение». Но достичь Бога было возможно, лишь начав служить людям. В главе автобиографии под названием «Желание служить» он пишет: «Я стремился к гуманитарной миссии постоянного характера». Общественной работы было мало, он поступил в небольшую больницу и заботился о законтрактованных рабочих, то есть о самых бедных индийцах. Работал каждое утро по два часа, и этот труд приносил ему «немного покоя».

Лечить — вот что было важно. Еще два его сына родились в Южной Африке, в 1897 и 1900 годах (важная дата, поскольку именно в этот момент Ганди стал подумывать об обете целомудрия). В первые годы он сам

ухаживал за ними. Почерпнув из небольшой брошюрки сведения о том, как принимать роды, младшего сына он принял сам, поскольку нанятая акушерка опоздала.

Было важно и отказываться от всего, стремясь к минимуму. Он заметил, что не прикипел душой к своему новому жилищу — хорошенькому, тщательно обставленному домику в Дурбане. На самом деле ему нужно гораздо меньше. Ему не по себе среди достатка, соответствующего его профессиональному рангу. Он снова начинает экономить, экспериментировать, как в Лондоне. Эти опыты забавляют его самого и веселят его друзей: он решил стирать сам, и во время судебного заседания с воротника его рубашки отваливался крахмал. Когда надменный английский парикмахер отказался его стричь, Ганди сам начал орудовать машинкой, и теперь его волосы лежали странными ступеньками: «Мои друзья-адвокаты смеялись до колик». Но это была не эксцентричность или прихоть, порой смущавшая его друзей, а глубокая потребность в самодостаточности и простоте, которая, как признает он сам, в конце концов дошла до крайности. Он был цирюльником, прачкой, санитаром, аптекарем, воспитателем, учителем. Несмотря на возражения жены, он отказал своим детям в том, что было под запретом для других, то есть в поступлении в школу для белых, и учил их сам, по дороге в свою контору в Йоханнесбурге, пока малыши семенили за ним, — 16 километров туда и обратно. Волей-неволей его семья принимала участие в его опытах и применяла извлекаемые им выводы (за что его сурово упрекали некоторые критики).

Когда он в 1901 году второй раз уезжал из Наталя, его осыпали выражениями любви и дорогими подарками. Среди них было золотое ожерелье для его жены за 50 гиней. Все эти презенты, даже тот, что не был предназначен ему самому, он заслужил благодаря общественной деятельности. В ту ночь он не сомкнул глаз. Золотые перстни с бриллиантами, золотые цепи, золотые часы, россыпь драгоценностей — в противоположность Али-Бабе в пещере сорока разбойников, Ганди был удручен этим зрелищем. И решил, следуя принципу, который он распространит и на другие сферы, что эти блага ему не принадлежат, что он отдаст их на сохранение общине. Что же касается его жены и детей, он учил их ставить свою жизнь на службу другим, проникнуться мыслью, что награда заключена именно в этом служении — разве они не последуют его примеру? Однако он предчувствовал, что Кастурбай рассудит иначе. Дети согласились с радостью, как он и ожидал. Но Кастурбай яро воспротивилась, обрушив на мужа потоки упреков и слез: «Твое служение

в равной степени и мое. Я работаю на тебя день и ночь.

Разве это не служение? Ты взвалил на меня всё, ты заставил меня плакать горькими слезами, превратил в рабыню!» Упреки были справедливы, Ганди чувствовал это сам. В Дурбане он держал открытый стол, конторские служащие — христиане, индусы и прочие — часто жили у него как родные, не считая гостей, индийцев и европейцев, которые сменяли друг друга. Такая жизнь часто была в тягость Кастурбай. Серьезный конфликт произошел в тот день, когда Ганди, пригласив к себе христианина, сына родителей-неприкасаемых, собирался убрать у него в комнате и опорожнить ночной горшок — они с Кастурбай всегда делали это для своих гостей. «Она не хотела допустить, чтобы этот горшок выносил я, но и сама не желала это делать». Кастурбай плакала и ругалась, а ее супруг хотел, чтобы она «с радостью» выполнила эту работу. Разгорелась ссора, и Ганди, ослепленный гневом, вытащил «бедную беззащитную женщину» к воротам, словно собираясь вышвырнуть ее на улицу. Ганди сильно упрекали за этот жестокий поступок, хотя он корил себя первый. Этот случай произошел в 1899 году, уточняет Ганди в автобиографии, то есть до того, как он принес обет целомудрия; тогда он считал, что «жена — лишь объект похоти мужа, что она предназначена исполнять его повеления, а не быть его помощником, товарищем и делить с ним радости и горести». Но сегодня, добавляет он, «я больше не слепец, не влюбленный до безумия муж и уже не наставник своей жены. Кастурбай могла бы при желании быть со мной теперь столь же нелюбезной, каким я прежде бывал с нею. Мы — испытанные друзья, и ни один из нас не рассматривает другого как объект похоти». Дальше он превозносит благодетельность целомудрия. Благодаря ему семейная жизнь сделалась «мирной, приятной и счастливой»^[94].

Читая эти строки (в них трудно не поверить), понимаешь, почему Кастурбай совершенно не возражала, когда Ганди в 1906 году попросил ее согласия на то, чтобы вести целомудренную жизнь.

Итак, Ганди в очередной раз показал себя неумолимым: драгоценности не были приняты. В конечном счете ему каким-то образом удалось вырвать согласие на это у Кастурбай. Все подарки положили в банк, чтобы использовать к пользе общины. И Ганди нисколько не пожалел о таком решении. С годами и жена признала, что он поступил мудро, добавляет он.

В тот день, когда Ганди, благодаря своему новому знакомцу из европейцев, Генри Полаку, открыл для себя «Последнему, что и первому» Джона Рёскина — вопль против несправедливости и бесчеловечности индустриализации, его жизнь снова изменилась. «Я не мог от нее оторваться. Она буквально захватила меня», — пишет он в главе автобиографии «Магические чары одной книги». Он читал в поезде, по пути из Йоханнесбурга в Дурбан. К вечеру он принял решение и был готов претворить его в действие. Он собирался подчинить свою жизнь идеям, содержащимся в этой книге.

Рёскин считал, что области экономики и морали разделить нельзя, что индустриализация свела людей к уровню машин и что деньги, все больше денег, накапливающиеся в руках немногих, не компенсируют утраты человеческого достоинства. «Происходит разделение не труда, а людей, — читал Ганди, — разделение на простейшие органы, разбитые на кусочки, на крошки жизни». Любовь к труду подменена любовью к наживе, которая превратилась в единственную цель существования (Ганди вспомнит эти слова, когда будет писать «“Хинд сварадж”, или Индийское самоуправление», яростно клеймя современную цивилизацию). «Постоянным результатом нашей современной погони за богатством становится ежегодная гибель от наших рук определенного числа людей». Тысячи людей каждый день отправляют в могилу ради пущего процветания экономики и тех, кто ею управляет. В этих пророческих фразах Ганди увидел, «как в зеркале, некоторые из своих глубоких убеждений». И заодно открыл для себя величие физического труда («труд законника не стоит ни больше, ни меньше, чем труд цирюльника») — непривычная мысль для индийца, но он поверил в нее, и его экономические теории (в том числе настойчивый совет вернуться к прялке) станут тому доказательством.

Вдохновленный Рёскином, Ганди основал в 1904 году первую из своих колоний, которые позже станут называть индийским словом «ашрам» (хотя оно обозначает нечто другое^[95]). Она стала его местом работы. В 1903 году он учредил в Дурбане газету «Индиан опинион» («Indian Opinion») и каждую неделю изливал в ней свою душу, что на самом деле было «упражнением в самообладании». В газете он излагал теорию и практику сатьяграхи: «Без “Индиан опинион” сатьяграхи, вероятно, вообще бы не было» — и отвечал на потоки «дружеских, острых или горьких» писем. Вместе с другом Альбертом Уэстом, который руководил типографией, он перенес газету в свой ашрам — подсобное хозяйство, жители которого добывали свой хлеб в буквальном смысле в поте лица своего. Типографских рабочих удалось уговорить за два дня. Еще неделя, даже

меньше, — и они с Уэстом оказались владельцами десяти гектаров земли, а вскоре и больше, с живописным источником и фруктовыми деревьями, плюс несколько гнезд ядовитых змей, и всё это за тысячу фунтов. Ближайшая железнодорожная станция, Феникс, находилась в четырех километрах. Он хотел воплотить на практике свои идеи о простой жизни с помощью своей новой семьи: молодых людей, покинувших ради него Индию, и новых близких друзей, по большей части европейцев, сочувствовавших его идеям.

Полак был в восторге, какой эффект произвела на Ганди книга Рёскина, предложил осуществить этот опыт вместе с ним и, вовсе не тяготясь жизнью в Фениксе, окунулся в нее, как «утка в воду». Он последовал за ним и в Йоханнесбург, куда Ганди, заваленному работой, пришлось вернуться. Оба жили как «кровные братья», и когда Полак женился, его жена-англичанка тоже стала членом обширной «семьи» из «людей всякого рода и всякого темперамента», поскольку, как говорил Ганди, мы все — одна семья.

Он побуждал своих индийских друзей выписывать с родины родителей. Таким образом, в Фениксе поселилось еще с полдюжины семей, чтобы плодиться и размножаться. Колония стала первой из лабораторий, в которых Ганди формировал своих учеников, приучая их к жизни, созданной из борьбы, и практике сатьяграхи.

Открытие сатьяграхи

Тем временем произошли два события, подтолкнувшие его к принятию радикальных мер, чтобы окончательно порвать со своим «я» британского хорошо воспитанного, хорошо одетого, укоренившегося в светском обществе и его обычаях гражданина. Он собирался распутать последние узлы, которые его стесняли, и еще глубже окунуться в поиски истины через действие. Раздарить всё свое имущество, всё, что ему удалось скопить до сих пор.

Эти события заставили его занять позицию, которая станет для него средством борьбы и смыслом жизни. Речь о восстании зулусов^[96] и новом дискриминационном законе против индийцев — законе о регистрации азиатов, или «черном законе»^[97].

Конечно, у Ганди не было никаких причин злиться на зулусов, кроме того, у него были сомнения по поводу этого «восстания». Но он все еще

верил, что «Британская империя существует для блага всего мира». И считал себя лояльным гражданином Натала. Его участие свелось к образованию небольшого отряда индийских санитаров.

И тогда он обнаружил, что ничего — абсолютно ничего из того, что он увидел, — не соответствовало слову «мятеж». Зулусы не были ни организованы, ни непокорны, они просто отказывались платить чересчур высокий налог. Когда Ганди со своими помощниками занялся ранеными зулусами, которых белые лечить отказывались, оказалось, что их раны оставались необработанными несколько дней и источали ужасное зловоние (об этом Ганди расскажет в «Сатьяграхе в Южной Африке»). Несчастные зулусы даже не могли говорить, они были так счастливы, что кто-то о них позаботился, что как будто верили: сам Бог прислал им на помощь Ганди и его помощников. Однако эти раны были нанесены бичом. «Верные» зулусы, которых не сумели отличить от остальных, тоже пострадали. И Ганди пришел к выводу: «Это, собственно, была не война, а охота за людьми».

Тогда-то он и утвердился в мысли о том, чтобы посвятить себя душой и телом служению другим людям. После стольких увиденных ужасов мысль о служении, которая теплилась в нем всегда, обрела новую силу: уже не могло быть и речи о том, чтобы предаваться радостям семейной жизни, воспитания или рождения детей.

На самом деле, обет целомудрия Ганди принес после рождения своего четвертого сына: он открыто говорит, что больше не хочет детей. И жена с ним согласилась. Но тогда, как и впоследствии, он убедился, что целомудрие — трудное завоевание, нужно сладить не только с телом, но и с желанием, с мыслью. «Всякая чувственность уходит корнями в дух». Значит, дух должен поддержать воздержание тела. «Воздержание в физическом плане не поможет, если не сопровождается настоящей отстраненностью духа». Усмирить дух и плоть: по сути, укрощение сексуальности было высшей и самой сложной стадией отстраненности — защиты тела, духа и души, — которая, согласно «Бхагавадгите», ведет к истине, то есть к Богу.

Ганди признается, что до сих пор еще не мог вполне измерить глубинное значение брахмачарьи как необходимого этапа в поиске Бога и не сознавал необходимости этого обета для человека, «стремящегося всей душой служить человечеству» (или продвигаться к Богу). Что такое брахмачарья? Это жизненное правило, ведущее нас к Брахме — к Богу.

Оно предполагает полный контроль над сексуальностью: в мыслях, на словах и на деле. Не совладаешь с мыслью — всё пойдет прахом. Но если

управлять своей мыслью, всё становится легко и просто.

Оставалось разработать правила этого «простого» дела: подчинить себе свое тело — еще куда ни шло, свой дух — это уже совсем другое дело, и все же одно не получится без другого. Во время вегетарианских трапез в Лондоне контроль над вкусом обучил Ганди способам, которые могли бы помочь ему в его поиске; новые эксперименты над едой обогатили его познания: пища брахмачарьи должна была быть «скудной, простой, не пряной и по возможности сырой», состоящей из свежих фруктов и орехов. Зато молоко (которое, решительно, доставило ему массу проблем) оказывало на него противоположное — стимулирующее действие (всю жизнь он пытался найти ему замену). Пост, подбор продуктов, режим питания — всё это способы, помогающие духу в трудной борьбе за самообладание, апогеем которой становился обет брахмачарьи. Продвижение к внутренней силе, необходимой для служения человечеству и, как он, вероятно, предчувствовал, для применения сатьяграхи.

«События в Йоханнесбурге приняли такой оборот, что из предпринятого мною самоочищения они превратились в прелюдию к сатьяграхе».

И вот в жизни Ганди настал период, когда все методы ненасильственной борьбы и лояльного неповиновения были испробованы один за другим. Наконец-то он обрел себя как слуга народа, что стало его подлинной сутью, превосходящей разные роли — профессиональную, политическую, экономическую.

«Черный закон»: все индийцы Трансвааля, мужчины, женщины и дети старше восьми лет, должны зарегистрироваться и оставить отпечатки пальцев. Эту меру породила фантазия о нашествии индийских мигрантов, индийцы разглядели в ней стремление вытеснить их из Трансвааля, унижить, в особенности самых зажиточных из них (купцы-мусульмане не могли смириться с мыслью, что к ним в дом нагрянет полиция, нарушив уединение их жен). Ганди же считал, что лучше умереть, чем покориться такому закону. Но как умереть?

В сентябре 1906 года индийцы собрались в Имперском театре Йоханнесбурга. Театр был набит до отказа шумной, бурлящей толпой, готовой к мести. «Собирались всё разнести на куски». По привычке сидя в глубине, Ганди ждал, когда примут его резолюцию — принять любое наказание, но не склониться перед «черным законом». По его собственному признанию, он хорошенько не знал, что надо делать, но все же чувствовал (и это типично для Ганди), что произойдет что-то необычное. В этот момент некий Хаджи Хабиб поклялся именем Бога, что он никогда-никогда

не подчинится этому закону. Клятва именем Бога. А обеты и клятвы были Ганди хорошо знакомы: он приносил их всю жизнь. В мгновение ока его замешательство сменилось воодушевлением. Он взял слово: клятву приносят не перед соседом, а перед Богом, клятва — обязательство на всю жизнь. «Для меня есть только один возможный путь: лучше умереть, чем покориться закону Это маловероятно, но даже если все отступятся, оставив меня одного, я знаю, что не преступлю своей клятвы». Он попросил их заглянуть в свое сердце: конфискация имущества, оскорбления, тюрьма, каторжные работы, наказание кнутом, лишение пищи вплоть до самой смерти — готовы ли они это вытерпеть? Собрание закончилось торжественным обещанием с поднятой рукой и перед Богом: никто не подчинится новому закону.

В этот момент Ганди понял, что родились новые принципы. Из глубин расового притеснения возник метод, который, постепенно совершенствуясь, поможет его победить. За неимением лучшего, Ганди сначала обозначил его английским термином «пассивное сопротивление», но это движение суфражисток не исключало ни насилия, ни ненависти. Один его ученик придумал слово «сатаграха» (из двух слов на санскрите: сат — «истина» и аграха — «твердость»), которое для большей ясности превратилось в сатьяграху. (Мартин Лютер Кинг^[98] предпочитал «ненасильственную борьбу», однако здесь не упоминается о духовном происхождении ненасильственного мужества.)

Принципы сатьяграхи определились яснее только постепенно, методом проб и ошибок, вне всякой заданной теории, вернее, после череды заявлений и уточнений, когда были растолкованы опыты (ключевое слово) в этой области и Ганди углубил открытие, сделанное на заре времен, еще загадочное и подлежащее шлифовке, за счет риши (ведических мудрецов).

Что есть ненасилие

«Этимологически это слово означает “придерживаться истины”, отсюда “сила истины”. Я называю это также “силой души” или “силой любви”»^[99]. «Истина», «любовь», «душа» — слова, насыщенные смыслом, но их всегда не хватает. Как же перевести это несоизмеримое понятие, настолько же неуловимое, как Бог?

«В сатьяграхе — вся надежда Индии. Но что такое сатьяграха? О ней много писали, но точно так же, как нельзя полностью описать солнце даже

для тысячеязыкого змея Шешага, солнце сатьяграхи нельзя описать удовлетворительным образом. Мы постоянно видим солнце, и все же мало что о нем знаем...»^[100]

Сила души, идея которой возникла как единственная допустимая реакция на опыт унижения, навязанный ему в Питермарицбурге южноафриканским расизмом. Ганди мог бы, как все индийцы, безропотно и смиренно сносившие оскорбления, склониться перед законом сильного, уйти в тень, покориться. Он не захотел. Унижение было столь велико, что его можно было стереть лишь противоположным ему утверждением человеческого достоинства, основанным на незримой, всемогущей силе, непобедимой, если ею обладать в полной мере, с которой не сладит никакая форма принуждения, — силе, которая в некотором роде делала его неуязвимым, как и всех тех, кто страдал вместе с ним и во всем мире, сталкиваясь с несправедливостью и дискриминацией. «Достоинство человека требует покориться высшему закону — силе духа». Единственно своим страданием и нравственным превосходством жертвы обретали власть в корне изменить положение и преобразить противника: осуществить в нем то, что Ганди называл «переменой сердца». Для этого надо было противопоставить тирану не физическое сопротивление, к которому он был готов, а, обманув его ожидания, «сопротивление души, которая ему неподвластна. Это сопротивление сначала ослепит его, а затем заставит покориться. И эта покорность не унижит агрессора, а возвысит его...»^[101]. Затронуть сердце, убедить противника, взволновать его, потому что это во власти страдания, заставить его взглянуть на всё по-другому: «Это единственный способ сделать так, чтобы человек открыл в себе другое восприятие, идущее изнутри. На гербе человека должно быть страдание, а не меч»^[102]. Отказ или презрительное нежелание опуститься до уровня скота, где правит грубая сила — физическая или сила оружия, — желание возвысить человека, подтолкнуть его к тому, чтобы он превзошел сам себя, раскрыл свои самые высшие способности, не попавшись в ловушки ненависти и мести, вырвался из замкнутого круга насилия.

«Человек не превращается в божество, когда олицетворяет собою невинность; только тогда он и становится по-настоящему человеком»^[103].

Начать с самого себя

Возможно, чтобы отринуть навязанные идеи, сначала надо задуматься о том, что такое насилие. Не то массовое насилие, которое бросается в глаза во время войн, а скрытое и невидимое, которое притаилось в каждом из нас, тем более опасное, что стало привычным и не обращает на себя

внимания, которое получает наслаждение от унижения и господства над более слабым или вершит месть хлестким словом. Если думать только о великих делах и войнах, совесть засыпает и мы забываем о «тысяче других, гораздо более коварных формах насилия, таких как злобные слова, суровые суждения, недоброжелательность, гнев, презрение и жажда жестокости. Изводить страданием людей и животных... унижать и угнетать без причины слабых и убивать их достоинство, как это происходит вокруг нас каждый день, — все эти поступки гораздо более проникнуты насилием, чем уничтожение чьей-то жизни из благих побуждений»^[104].

Отнять жизнь из благих побуждений или по любви не противоречит законам ненасилия, ибо в некоторых случаях это в интересах человека (таким образом, Ганди допускал эвтаназию). Небольшой разряд ежедневной ненависти противоречит любви, а следовательно, духу сатьяграхи. Мы приближаемся к толкованию ненасилия по Ганди: не столько воздержание от насилия, сколько обращение к силе любви. Начиная с открытия в себе (а не в «сатанинском» правительстве) скрытых источников насилия. Осознание, ведущее к работе над собой, к господству над инстинктами, и приводящее к более широкому движению с целью оказать влияние на других.

Таким образом, можно опровергнуть еще одно избитое суждение: нет ничего менее пассивного, чем гандиевское ненасилие, напротив, это активная борьба. «Условием ненасилия является возможность нанести удар. Это сознательное и намеренное сдерживание желания мести». Никакого трусливого бараньего пацифизма: «...месть всегда стоит выше пассивного, женоподобного, бессильного подчинения, но месть — это еще и слабость». Или, еще яснее: «Я бы предпочел тысячу раз подвергнуться риску насилия, чем подвергнуться риску кастрации целой породы». На самом деле ненасилие предполагает силу, которую можно обрести лишь после долгого и сурового ученичества. Точно так же, как инвалиду надо вернуть утраченную руку, чтобы он мог осознать свою заслугу при воздержании от убийства, говорит Ганди, «народ, не способный бороться, не может доказать на собственном опыте добродетель воздержания от борьбы». (То же рассуждение верно для брахмачарьи: соблюдать обет целомудрия — значит обуздать физическую потребность, когда *обладаешь величайшей мужской силой.*) Так что ненасилие, основанное на страхе и желании уберечь себя, противоположно «ненасилию», проповедуемому Ганди, которое требует власти над инстинктивными реакциями. Значит, никогда не смиряться (лучше умереть). Но, поскольку месть — все-таки слабость (уступка дурному побуждению), — пустить в ход силу помощнее

ее, превышающую силу ненависти.

«Ненасилие в активной форме состоит... в доброжелательности по отношению ко всему существу. Это Любовь в чистом виде. Я прочел об этом в индуистском Священном Писании, в Библии и в Коране. Ненасилие — совершенное состояние. Это цель, к которой, само того не зная, стремится все человечество... Власть над собой — единственная необходимая власть. Мечь — это удовлетворение, требующее сложных правил. Самообладание — это закон нашего существа. Высочайшее совершенство требует и высочайшего самообладания. Таким образом, страдание становится символом человеческого рода...»^[105]

При таком видении совершенного состояния вопрос о провале даже не стоит, поскольку важен не результат, а само действие (как учит «Бхагавадгита»), усилие, сделанное над собой, стремление к Богу.

«Цель бесконечно отдаляется от нас... Удовлетворение заключено в совершенном усилии, а не в достигнутой цели. Абсолютная победа — в абсолютном усилии. Для меня закон Любви — закон моего существа. Каждый раз, когда я терплю поражение, и именно из-за поражения, мои усилия становятся лишь более решительными»^[106].

Наблюдение за общим законом порождает уверенность: по ту сторону смерти и уничтожения, по ту сторону ненависти утверждается жизнь, которая возобновляет свое течение и всегда побеждает. «Закон любви правит миром. Жизнь продолжается, несмотря на смерть. Мир по-прежнему существует, несмотря на непрекращающееся разрушение. Истина торжествует над заблуждением. Любовь преодолевает ненависть»^[107]. Или, проще говоря: «Любовь никогда не умирает».

И еще одна удивительная фраза: «История заключается в том, чтобы принимать к сведению вмешательства в беспрестанную деятельность силы любви».

Ганди собирался предложить альтернативу все более милитаризованному миру, представив себе ненасильственное человечество. Он видел и почувствовал всем своим телом, исследовал до самой глубины неизбежность смерти, ненависти и унижения; из этой неизбежности родилась не горечь, а «закоренелый оптимизм» — и обязательства перед жизнью. Принеся обет не убивать и не рождать, служить жизни, чего бы это ни стоило, он уплатил свою цену, завоевал право придерживаться своей позиции, и по этой причине многие последовали за ним.

Требуемые качества

«Бесстрашие» (не столько отсутствие страха, сколько мужество

человека, преодолевшего страх) было для него самым важным качеством, необходимым для сатьяграхи. Отсутствие всех страхов необходимо для отстраненности, начиная с первородного страха, от которого мы дрожим каждый день, лишаясь даже чувства собственного достоинства — страха, связанного с бессилием, когда тот, кто сильнее, держит нас в своей власти. Этот страх раздавил Индию под британской мощью.

«Находясь под британским господством, индийский народ испытывал прежде всего страх — всепоглощающий, угнетающий, удушающий, страх перед армией, полицией, щупальцами секретных служб, страх перед властями предержащими, страх перед законами, созданными для подавления, перед тюрьмой, страх перед риелторами, ростовщиками, страх перед безработицей, вечно подкарауливающим голодом... Именно против этого вездесущего страха поднял свой мирный и решительный голос Ганди: “Не бойтесь!”»^[108]. Вот что кто-то наконец им сказал и доказал: в них есть необходимая сила, чтобы поднять голову.

Сатьяграха — чувство обладания внутри себя силой, превосходящей любое оружие, — возможно, была первой формой освобождения страны, величайшей силой слабости — «...действенным способом привести массы в движение, в согласие с особым духом индийского народа. Он извлек лучшее из нас и указал врагу на его ошибку. Благодаря ему мы избавились от подавлявшего нас страха, начали смотреть людям в лицо, чего раньше никогда не делали, говорить с ними искренно и открыто. Тяжелый груз свалился с нашего духа, и обретенная свобода слова и действия наполнила нас доверием и силой»^[109].

Не то чтобы характер народа полностью переменялся, но «река потекла в другую сторону», и это становилось видно по мере того, как исчезала потребность во лжи и обмане. «Это было психологическое преобразование, как будто психоаналитик исследовал прошлое пациента, обнаружил причину его комплексов и, обнажив ее перед ним, избавил его от этого груза»^[110].

Вернуть униженному народу его гордость — разве это уже не победа? Более того, превратить «обычного человека в святого или героя», потребовать от него самого трудного и поверить в него, в его способность победить себя и в его стойкость, знать, что он сможет соответствовать этим запросам. Независимость была обретаена именно ценой такой решимости, хотя и другие факторы сыграли свою роль.

В 1908 году, когда его спросили о происхождении сатьяграхи, Ганди ответил, сославшись на Новый Завет: «Нагорная проповедь привела его к

мысли о пассивном сопротивлении, “Бхагавадгита” усилила это впечатление, а после прочтения книги Толстого “Царство Божие внутри нас” идея обрела свою окончательную форму».

Тюрьма

Правительство приказало индийцам из Трансвааля зарегистрироваться до августа 1907 года. У входа в конторы выставили пикеты из добровольцев (начиная с двенадцатилетнего возраста), чтобы отговорить индийцев, которые пришли бы регистрироваться, от этого шага, с четким указанием относиться к упрямым максимально учтиво. В конечном счете зарегистрировались только 500 человек. 28 декабря 1907 года Ганди вызвали в суд, где он еще совсем недавно выступал защитником — теперь он сидел на скамье подсудимых. Он не только признал свою вину, но и потребовал для себя, как главаря, сурового наказания. Его не послушали и приговорили всего к двум месяцам тюрьмы. Впервые он надел тюремную робу и был заперт в камере. Если правительство надеялось таким образом сломить дух его войск, оно просчиталось: очень скоро к нему примкнули другие узники-сатьяграхи, бодро выступавшие стройными рядами. Появилось даже соперничество за то, чтобы попасть в тюрьму, от страха перед «отелем короля Эдуарда» не осталось и следа — там скучилось 155 членов движения сопротивления, они спали прямо на земле и плохо питались, но их дух был крепок, как никогда. Эти веселость и оптимизм напитали собой и строки «Сатьяграхи в Южной Африке». Повевало чем-то новым. Едва Ганди освоился в новой жизни, которая потом станет для него привычной, как его вызвали в кабинет генерала Смэтса^[111] в Преторию. Там было составлено «джентльменское соглашение»: закон отзывают, если индийцы регистрируются добровольно. Было семь часов вечера, у Ганди не было ни гроша в кармане, секретарь генерала одолжил ему несколько монет, чтобы купить билет на поезд, и он помчался на вокзал. В Йоханнесбурге он рассказал товарищам о договоре, предлагаемом Смэтсом. Посыпались возражения: а почему бы для начала не отменить этот закон? А если Смэтс нарушит слово? Сатьяграх из принципа не должен никогда бояться своего противника, напротив, доверять ему, ответил Ганди, и индийцы решили идти за ним до конца. Только подозрительные и воинственные патанцы были уверены, что он их предал, причем за деньги. Один из них пригрозил убить первого индийца, который посмеет зарегистрироваться. Разумеется, им стал Ганди.

Утром 10 февраля 1908 года он отправился в бюро регистрации. На повороте его поджидала группа патанцев, в том числе Мир Алам, один из его клиентов. Ганди успел только вскрикнуть: «Э, Рама!»^[112] (те же самые слова он произнесет в день своей смерти, 30 января 1948 года), — как на него посыпались удары. Если бы не вмешались прохожие, его бы забили насмерть.

Итак, он рисковал жизнью, чтобы соблюсти свою часть договора, заключенного с генералом Смэтсом. Тот утвердил добровольную регистрацию... и не отменил «черный закон». Кто из двоих повел себя как джентльмен? Ганди изложил свою мысль в статье, напечатанной в «Индиан опинион»; написал он и Смэтсу, но, к несчастью, в его памяти события отложились по-другому.

Вторая попытка

Генералу послали «ультиматум»: либо закон отменяют, либо произойдет большое аутодафе: документы о регистрации будут сожжены. От такой дерзости депутаты Трансваальского законодательного собрания чуть не задохнулись от гнева. Закон не отменили. Через два часа по истечении срока приготовили самый большой котел, какой только смогли найти, и две тысячи удостоверений сгорели там ярким огнем. Один журналист из Йоханнесбурга сравнил происходящее с «Бостонским чаепитием»^[113]. Конечно, эта выходка не вылилась в войну за независимость, как в Америке, но была столь же дерзкой, задорной и даже зрелищной; Ганди доказал, что обладает даром постановщика и владеет языком символов.

Более того, Мир Алам, выпущенный из тюрьмы, публично просил у Ганди прощения, и тот уверял, что не держит на него зла.

Вопрос остается открытым: каким образом Ганди постепенно удалось вовлечь индийские массы в Южной Африке в свое движение — и контрактных рабочих, и элиту? Очевидно, он как великий стратег сумел использовать политические события (обещания, которые правительство нарушило сразу после того, как дало), чтобы привести в исполнение задуманные им планы, каждый раз придавая новый импульс движению (которое порой рисковало сойти на нет), приобретая все более широкую поддержку.

Так, когда Гокхале приехал в 1912 году в Южную Африку (ему устроили торжественную встречу, расстелили красную ковровую дорожку,

как англичане умели делать по случаю визитов важных особ, хотя сами и не больно-то их уважали), его заверили, что «черный закон» будет отменен, как и налог в три фунта для законтрагованных рабочих. Как только Гокхале убрался восвояси, тот же самый генерал Смэтс объявил, что налог будет сохранен (белое общество осталось при своем мнении). Еще одно предательство, еще один способ для Ганди придать борьбе конкретное направление, включив в список требований отмену налога и вызвав тем самым конкретную заинтересованность у беднейших трудящихся.

В качестве дополнительного примера можно привести то, как он вовлек в движение сатьяграхи женщин. В 1913 году верховный суд Капской провинции имел глупость объявить, что законными будут считаться лишь браки, заключенные по христианскому обряду, что значило, что все остальные признаны недействительными. Индуски, фарси, мусульманки становились простыми сожительницами — это была такая пощечина супругам и матерям, а также их родине, что Ганди безо всякого труда заручился их участием: отныне индийские женщины, обладая равными правами как сатьяграхи, смогут выйти на «линию огня». Благодаря таким последовательным вливаниям сатьяграха превращалась, как и хотел Ганди, в народное движение, шедшее от самых корней и готовое использовать новые, только что разработанные методы.

Трудность, с которой столкнулся Ганди, заключалась в том, чтобы, с одной стороны, удержать движение в его рамках, а с другой — сохранить четкую цель, в то время как другие хотели бы вербовать более широкие массы и решать с их помощью все свои проблемы. Он знал: чтобы увенчаться успехом, кампания должна быть четко ориентированной, ведь если рискуешь жизнью, надо делать это ради определенной цели, а если эту цель размазать и раздробить, она ослабнет и утратит шансы на осуществление. Не говоря уже о том, чем чревато поражение: тогда само средство — сатьяграха — будет поставлено под вопрос. Как вождь сатьяграхи, опирающийся на преданных помощников, которых он воспитал, Ганди во время каждой кампании предотвращал подобную опасность.

К использованным им методам впоследствии прибегали в разных частях света. Пока они заключались в основном в наполнении тюрем. А для этого нужно было не соблюдать закон и донимать правительство, которое часто реагировало запоздало.

Торговать без разрешения грозило тюрьмой. Значит, лицензии массово терялись. И богатые люди, купцы или адвокаты, в одночасье превращались в разносчиков. Сегодня они толкали перед собой тележку с овощами, а

завтра оказывались в тюрьме. Их приговаривали к исправительным работам.

Нарушить запрет на пересечение границы Трансвааля было еще одним способом попасть за решетку. Первое из «нашествий», вызывавших такой страх у белых, возглавили образованные индийцы, говорившие по-английски, в том числе сын Ганди Харилал. Их арестовали в Фольксрусте — небольшом ничем не примечательном городке на границе, который войдет в историю гражданского неповиновения. В октябре 1908 года настал черед Ганди. В первую ночь, находясь в обществе преступников, «дикарей, негодяев, убийц, воров, развратников», он читал «Бхагавадгиту». Шли дни, спина у него болела, ладони покрылись мозолями. Но он с воодушевлением готовил еду для своих индийских соотечественников — овсянку без сахара, которую они безропотно глотали, и по вечерам и воскресеньям читал Джона Рёскина и Генри Торо^[114] (именно тогда, по его словам, ему попалось эссе «О гражданском неповиновении»). Часто говорили, что Ганди почерпнул свою идею сатьяграхи у Торо, что он отрицал: «Сопrotивление властям в Южной Африке уже сильно продвинулось вперед, когда я прочитал эссе «О гражданском неповиновении»). Короче, тюрьма оказалась вполне приличным местом: «Истинный путь к счастью — попасть в тюрьму и терпеть страдания и лишения ради своей страны и своей религии». Кстати, его снова посадили в 1909 году. Вскоре после этого он вступил в переписку с Толстым (который записал в своем дневнике: «Нынче утром приехали два японца. Дикаие люди в умилении восторга перед европейской цивилизацией. Зато от индуса и книга, и письмо, выражающие понимание всех недостатков европейской цивилизации, даже всей негодности ее»).

В июле 1909 года Ганди отправился в Лондон, чтобы встретиться там с разными людьми и продвинуть южноафриканские дела. Эта поездка не принесла большой пользы; позорная печать расового неравенства не была смыта. Борьба продолжалась.

Преследования, отступления, давление всякого рода — движение не уступало, но выдыхалось. Однако депортации и суровые наказания возмутили общественное мнение в Индии и во всей империи, что как раз и соответствовало планам Ганди. Но время играло на руку правительству Трансвааля. Фонды ассоциации были истощены, на газету требовались деньги, на контору в Йоханнесбурге и в Лондоне — тоже. Ганди пришел к выводу, что по экономическим соображениям и чтобы оказывать помощь семьям посаженных в тюрьму сатьяграхов, он должен поселить всех на кооперативной ферме. Феникс находился слишком далеко от

Йоханнесбурга (30 часов на поезде).

Как обычно, ему на помощь пришел добрый ангел. На сей раз в лице архитектора Германа Калленбаха, богатого немецкого еврея, сблизившегося с Ганди на почве своего интереса к буддизму. Они стали неразлучны, и когда Ганди в первый раз вышел из тюрьмы, поселились вместе. Калленбах, выросший в обстановке утонченной роскоши, последовал за Ганди по пути самоограничения, даже испытывал потребность поститься вместе с ним и ставить над собой те же диетические опыты. Готовить пищу перестали, чтобы выиграть время, ели только фрукты, да и то самые дешевые. Вместе они продолжали свои «опыты истины». «Калленбах — человек с сильными чувствами, открытой душой, простотой ребенка... Мы вели довольно суровую жизнь... Нашей целью было вести жизнь беднейших людей...» — говорил Ганди.

Именно Калленбах купил ферму имени Толстого и подарил ее сатьяграхам. Она находилась в 34 километрах от Йоханнесбурга (туда и обратно — 68 километров пешком). Ганди, которому перевалило за сорок и который питался одними фруктами, легко проделывал этот путь за день.

На ферме Ганди был счастлив, он шел вперед по пути минимализма, сам пек хлеб, чем очень гордился, писал справочник по здоровому образу жизни, учился столярному и сапожному делу под руководством Калленбаха (тот научился делать сандалии в монастыре траппистов под Дурбаном). Ни стульев, ни кроватей не было, спали под открытым небом, у каждого была подушка и по два одеяла, ели мало. Никаких слуг, разумеется. После такой жизни тюрьма не страшна. В обществе Калленбаха Ганди испытывал власть ненасилия на змеях. Кроме того, они воспитывали юношество: обучали детей колонистов, отдавая предпочтение воспитанию сердца; физический труд был в почете. Группа людей, которые, бросая вызов правительству Трансвааля, намеренно жили бедно и строго и тем были счастливы, внушала спокойствие остальной индийской общине.

Финальная стадия

После поездки в Индию Гокхале справился у Ганди о численности его «армии мира». Ганди с серьезнейшим видом ответил, что рассчитывает на 16 сатьяграхов, максимум 66. Эти цифры повергли Гокхале в задумчивость: горстка индийцев против правительства Трансвааля. Просто он не мог предвидеть стратегии Ганди, который вовлечет в движение тысячи индийцев.

Итак, кампания началась. Две группы «сестер» — «Сестры Феникса» (в том числе госпожа Ганди) и «Сестры Толстого» — проникли без разрешения соответственно в Трансвааль и в Наталь. Прежде чем вторая группа была задержана, «сестры» убедили шахтеров из Ньюкасла начать забастовку. Те оказались готовы и бросали работу сотнями, потом тысячами. Когда женщин арестовали и посадили в тюрьму вместе с уголовниками, эта новость облетела все страны мира, общественность возмутилась и забастовка приняла еще больший размах. Забастовка шахтеров — это уже серьезно. Ганди, «и растерянный, и довольный», поспешно отправился туда, не имея ни малейшего представления о том, что станет делать. В очередной раз он действовал по обстоятельствам. Когда владельцы шахт перекрыли воду в домах забастовщиков, Ганди посоветовал им уйти оттуда, захватив с собой только одеяла. Но куда они пойдут? Ганди приютила у себя чета христиан из Мадраса по фамилии Лазарус; маленький садик при их доме превратился в настоящий караван-сарай, куда постоянно прибывали «паломники»; спали под открытым небом, питались рисом, пожертвованным купцами из Ньюкасла.

Вскоре у домика Лазарусов собралось около пяти тысяч паломников, и Ганди не знал, что ему делать с этой массой мужчин, женщин и детей. Прежде всего — обеспечить их безопасность. Он решил отвести их в тюрьму в Трансваале: до границы было 58 километров, то есть два дня пути. Он объяснил им ситуацию, описал суровый тюремный быт, предложив колеблющимся вернуться в шахты. Ни один не отступил. Наоборот, приходили все новые и новые шахтеры.

Итак, 28 октября 1913 года начался первый из длинных маршей, возглавленных Ганди. Предварительно он внушил своим подопечным, что вести себя следует мирно: если даже их будут оскорблять или бить, нельзя отвечать тем же. Они должны позволить арестовать себя, если полиция того потребует. Каждый получил скудный паек хлеба и сахара на дорогу. «Паломники под предводительством Ганди образуют живописную армию, — писала «Санди пост». — Вот они перед нами, худые, доведенные до крайности, с ногами как палки, но на самом деле, глядя, как они, полуголодные, идут вперед, сознаешь их силу»^[115].

Во избежание беспорядков Ганди лично распределял еду. В книге «Сатьяграха в Южной Африке» он говорит о стоицизме этих паломников нового типа, голодных и исполненных решимости шахтеров, сравнивая этих мужественных людей с эпическими героями и великими историческими деятелями. Он рассказывает, как две женщины потеряли ребенка; одна бессильно смотрела, как ее малыша уносит речным потоком.

«Не надо оплакивать мертвых, — сказала она, — мы должны работать ради живых».

Ганди арестовали, выпустили под залог, снова арестовали. Марш продолжался без вождя. В Бальфуре полиция хотела заставить шахтеров сесть в поезд, чтобы депортировать их в Наталь. Они отказались. Полак, которому Ганди передал командование, сумел убедить их повиниться. В дороге их не кормили, а по прибытии посадили в тюрьму. Правительство изобрело способ заставить их работать: шахты преобразовали в концентрационный лагерь (этот термин вошел в употребление во время Англобурской войны), белых рабочих произвели в охранники, а каторжные работы проходили под землей. Мужественные шахтеры, настоящие сатьяграхи, отказались спускаться в забой. Их приговорили к наказанию кнутом. Напрасный труд. Эта дикая расправа вызвала другие забастовки на севере и на западе Наталя. Новые адепты поднимались повсюду. Тогда правительство решило выжечь бунт каленым железом. «Расизм и корысть сплотились, породив жестокие репрессии, конная полиция загоняла бедных индийских рабочих в шахты»^[116]. Сама эта дикость и печальная банальность такой реакции в противовес изобретательности, мужеству и достоинству сатьяграхи играли на руку движению сопротивления.

В это время Ганди, как и Полак и Калленбах, сидел в тюрьме. Он подметал двор и крошил камни. Потом его перевели в Преторию и заперли в каменном мешке без окон. Не на что было сесть, не с кем поговорить, однажды его связали по рукам и ногам. А волна сопротивления росла, уже 50 тысяч законтрактованных рабочих бастовали, несколько тысяч «свободных» индийцев бросили в тюрьму.

В одночасье южноафриканский вопрос встал на повестку дня в Индии и во всей Британской империи. Из Индии поступали потоки золота; один христианский миссионер — Чарлз Фрир Эндрюс^[117], который потом станет близким другом Ганди, — отдал южноафриканскому движению, как и некоторые другие, всё, что имел (кстати, он прибыл из Индии, посланный Гокхале, чтобы заменить недавно арестованного Альберта Уэста во главе «Индиян опинион»; информация, как и пропаганда, сообщение между Индией, Южной Африкой и Англией в этот период приобрели особое значение, и Ганди позаботился о том, чтобы передать управление своим помощникам).

Лорд Хардинг, королевский наместник в Индии, был впечатлен размахом борьбы. «Индийским участникам сопротивления в Африке сочувствует вся Индия и те, кто, как и я, не будучи индийцами, любят ваш

народ»^[118], — заявил он. Он потребовал провести расследование по фактам жестокого обращения. Поскольку в следственной комиссии не было ни одного индийца, недавно освобожденный Ганди заявил протест и начал планировать новую кампанию. Было решено, что посредниками выступят Эндрюс и Персон, сочувствовавшие движению. Выводы комиссии были в пользу индийцев, и в конечном счете после множества переговоров между Смэтсом и Ганди (который в очередной раз согласился поверить правительству и отложить задуманный марш) главные требования были удовлетворены. Конечно, полная свобода проживания, торговли и собственности, право переезжать из провинции в провинцию (свободы, которые индийцы хотели включить в борьбу сатьяграхов и от чего мудро отказался Ганди, предпочитая сосредоточиться на одной конкретной цели) предоставлены не были. Зато индийцы добились раз и навсегда отмены пресловутого налога в три фунта, а индийские браки были узаконены. Но главное, как говорил Ганди в своей прощальной речи (произнесенной перед уже окончательным отъездом), — они не только боролись за конкретные статьи закона, они отстаивали абстрактный принцип равенства рас, смыли «расовую грязь».

Движение гражданского сопротивления одержало победу. «Это сила, — писал Ганди в «Индиан опинион», — приняв всемирный размах, перевернет социальные идеалы, уничтожит деспотии и нарастающий милитаризм, под игом которого гнутся и стонут народы Запада и который грозит захлестнуть даже народы Востока».

18 июля 1914 года Ганди уехал из Южной Африки и вернулся на родину, сделав остановку в Лондоне. Ему было 45 лет. 20 лет назад он уехал из Индии, и теперь она стала ему чужой. С ним ехали Калленбах и, разумеется, Кастурбай. На фотографии, сделанной в 1915 году, они изображены вдвоем: Ганди и его жена, он — прямой, молодежавый, одетый по-индийски, с тяжелым тюрбаном на голове, она маленькая, с огромными глазами, со страдальческим выражением на красивом лице.

Перед отъездом он отправил генералу Смэтсу пару собственноручно сделанных сандалий. Много лет спустя, в 1939 году, когда Ганди исполнилось семьдесят, тот вернул их в качестве дружеского жеста. Присоединяясь к хору поздравлений, Смэтс написал:

«Должен откровенно признать, что его деятельность стала для меня тяжелым испытанием. Ганди... разработал новую технологию. Его метод заключался в намеренном нарушении закона и организации массового движения... Огромное число индийцев должно было сесть в тюрьму за противозаконное поведение, и сам Ганди добился — к чему, без сомнения,

и стремился — периода покоя и отдыха в тюрьме. Для него всё разворачивалось согласно его плану. Я же, гарант закона и правопорядка, оказался в ужасном положении, когда приходится соблюдать относительно непопулярный закон, даже если в конце концов придется потерпеть полное поражение в момент отмены этого закона»^[119].

Что же касается подарка Ганди — пары сандалий, Смэтс заметил с юмором, что носил их летом из года в год, хотя и не чувствовал себя достойным пойти по стопам «столь великого человека».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДИЮ. УСИЛЕНИЕ МОЩИ (1915–1920)

9 января 1915 года Ганди сошел на берег в Бомбее, соотечественники устроили ему триумфальный прием, а правительство вручило несколько медалей. Его ждал друг Гокхале, предложивший ему вступить в основанное им общество «Слуги Индии» — небольшую, тщательно подобранную группу интеллигентов и общественных работников, но попросил в течение «испытательного срока», длившегося год, не высказываться на политические темы. Ганди охотно согласился, тем более что, прежде чем перейти к действию, ему надо было поразмыслить над положением Индии.

Каким образом Ганди, так долго отсутствовавшему в Индии, еще малоизвестному в широких народных кругах, удалось за несколько лет, еще до конца десятилетия, настолько завоевать доверие индийского народа, что по малейшему слову за ним шли миллионы людей? Не облеченный никакой официальной властью, он был могущественнее главы государства, его почитали как святого, даже как бога. Известие о голодовке (а он часто устраивал голодовки) погружало всю Индию в тревожное ожидание.

Он действовал личным примером, воплощая мощные идеи, которые контрастировали с ценностями колонизатора — ценностями «современной цивилизации», основанной на господстве (в том числе денег). Сила идей вкупе с силой примера. Возвышенная, требовательная концепция человека — первопричина его борьбы, стоявшая даже выше независимости Индии, — воздействие которой частично было обязано собой ее непохожести на воззрения противника. Он иначе смотрел на мир, возобновляя связь с тысячелетней религиозной традицией. Поэтому она и нашла большой отклик у народа. «Уважение масс, — пишет Неру, — было вызвано в большей степени его достоинствами, чем официальным статусом. Традиция повелевала уважать образованность и доброту». Власть внушала страх, но не уважение. Уважали тех, кем восхищались. «Сегодня, во времена, когда деньги властелин всего, влияние этой традиции очень ощутимо, вот почему Гандиджи (не являясь брахманом) может стать высшим главой Индии и прикоснуться к сердцу миллионов людей, не применяя силы, не занимая официального поста и не обладая богатством». И Неру заключает — на сей раз по поводу Индии, — ставя интересующий нас вопрос: «Возможно, ответ на вопрос, какого вождя поддержали бы массы, предоставит надежный критерий для определения культурной базы

народа и его сознательной или бессознательной цели»^[120].

Индия смогла пойти за Ганди в его жертвах, что требовало от нее ненасилия (хотя и не полного, это очевидно) — это много говорит как о культуре этой страны, так и о человеке, являвшемся наиболее совершенным ее воплощением^[121]. Совершенно точно, что он сумел ее понять и выразить в самых глубинных своих побуждениях и что независимость в каком-то смысле стала результатом симбиоза между одним человеком и целым народом, хотя при этом следует учитывать и сложное переплетение событий.

«В индийской мифологии есть множество историй о великих аскетах, которые, благодаря твердости своего жертвенного духа и накладываемых на себя покаяний, сумели воздвигнуть “гору заслуг”, способную потрясти устои. Кипучая энергия и внутренняя сила Ганди, а также его неистощимая духовность часто заставляли меня вспоминать об этих полубогах. Он явно был из другого теста, чем обычные люди, иной, редкой закваски. И очень часто из глубины его глаз на нас смотрела Неизвестность»^[122].

Британская администрация и расовые предрассудки

И Ганди, который оставался загадкой даже для своих друзей, и индийскому народу, который вскоре будет отождествлять себя с ним, противостояла британская администрация — его враг: «Я вовсе не хочу сказать, что любой английский чиновник — чудовище. Однако всякий чиновник работает в дьявольской системе, а потому, намеренно или нет, превращается в орудие несправедливости, лжи и репрессий»^[123]. Игра, состоящая из ускользания и противостояния, порой с налетом дружбы, которая продлится 30 лет. При этом понималось, что Британская империя — «величайшая сила добра, какая только есть в мире», как сказал лорд Керзон, а ее администрация трудится на благо развития народов.

«Когда английские поселенцы заполонили всю землю, в Англии набрала силу самая опасная националистическая концепция — идея о “национальной миссии”... — пишет Ханна Арендт, анализируя «Истоки тоталитаризма». — Даже если национальная миссия как таковая долгое время исполнялась во всех странах, чьи народы стремились к национальному самосознанию, она оказалась весьма близка к расовой концепции, хотя и не подверглась влиянию расизма». При Дизраэли, сделавшем королеву Викторию императрицей Индии, расовое

превосходство, о котором он твердил без устали, превратилось в основополагающую движущую силу истории и политики. «Политический курс Дизраэли заключался в утверждении в чужой стране замкнутой касты, роль которой сводилась к управлению, а не колонизации. Расизм, разумеется, был необходимым орудием для осуществления этой концепции», — пишет Ханна Арендт. Империализму «пришлось бы выдумать расизм в качестве единственного “объяснения” и единственного возможного оправдания своих злодеяний, даже если бы в цивилизованном мире никогда не существовало расовых предрассудков». Об этой связи Неру говорит на протяжении всей своей книги «Открытие Индии»: «С тех пор как Гитлер появился из небытия и стал фюрером Германии, было много разговоров о расизме... Но Индия испытала на себе расизм во всех его проявлениях с самого начала британского господства. Идеология этого режима сводилась к идеологии “расы господ” — высшей расы, на ней же основывалась правительственная структура. По сути, понятие высшей расы присуще империализму...»

Существование расовых предрассудков позволило расизму ссылаться на традицию, то есть придать себе некую респектабельность, не признаваясь в том, какие разрушительные силы он воплощал собой на самом деле. Чиновники британской администрации были совершенно искренне и непоколебимо уверены в своем расовом и нравственном превосходстве над индийцами. Возвышенное представление о государственной службе, настоящая «религия долга, молчаливого и упорного труда, самоотверженность, священная сила закона, порядка и повиновения» — добродетели, проповедуемые Карлейлем, — приводили к обезличиванию, отстраненности и холодности, связанными с идеей совершенства — строгого соблюдения правил. Сами репрессии превратились в вопрос долга, а не угнетения или жестокости. Джон Стрейчи^[124], теоретик английского лейборизма и колониальный чиновник, так говорил о позиции члена администрации: «Наш долг ясен. Он заключается в том, чтобы управлять Индией с непоколебимой решимостью, по принципам, которые наши просветители считают справедливыми, даже если они непопулярны».

Герой Киплинга нес на себе «бремя белого человека»: несмотря на то, что ему это стоило, несмотря на беспрестанные распри с полудемоническим, полудетским народом, неблагодарным по своей природе и не осознающим, какими благодеяниями его осыпают, он энергично выполнял свою задачу, не позволяя себе раскисать, потому что таков его долг.

Этим объясняется, почему национализм — движение, поддержанное просвещенной индийской элитой и проникнутое европейскими идеями, — сначала не восприняли всерьез. Счастье народа — это имперское правительство, взвалившее на себя ответственность за него, вопреки этим смутьянам. И только когда вся Индия, подталкиваемая Ганди, громко и решительно заявила о своем намерении быть свободной, волю к свободе наконец-то признали. В Англии после Первой мировой войны лейбористы и некоторые либералы подумывали, что политический статус британских владений должен измениться. Но колониальный аппарат, негибемый в своем высокомерии, тормозил медленное отступление, начатое метрополией, до самой Второй мировой войны.

Вот что говорил о колонизаторах Неру, который, правда, был их врагом: «Британцы в Индии всегда представляли собой самые консервативные круги английского населения... Они убеждены в собственной правоте, в выгодах и необходимости британского управления Индией, в ценности своей личной миссии как представителей имперской традиции»^[125].

А в этом портрете лорда Линлитгоу^[126] (который принял решение о вступлении Индии в войну, даже не спросив ее) читается вся история недоразумений между двумя народами: «Неуклюжий тугодум, крепкий, как дуб, и настолько же лишенный воображения, наделенный достоинствами и недостатками, свойственными британским аристократам былых времен, он честно пытался найти способ разрядить обстановку. Но он был слишком ограничен в средствах; его ум не мог выбиться из накатанной колеи и чурался всего нового; он был в шорах традиций правящего класса, к которому принадлежал»^[127].

Однако самым большим упрямым был Черчилль^[128], непримиримый враг Ганди. 1930 год: «Рано или поздно, нам придется раздавить Ганди, Индийский национальный конгресс и всё, что он представляет». Даже во время войны Черчилль, одержимый волей к власти и величию, ослепленный своей концепцией об Англии, главенствующей в мире, не захотел понять, что время этого главенства прошло и пробил час независимости. Не замечая происходящих перемен, он продолжал жить среди славных воспоминаний об эпохе Веллингтона, Лоуренса Аравийского и Киплинга. Индия, где он служил в 4-м гусарском полку, была страной игры в поло и охоты на кабана, отчаянных вылазок на границы империи, отеческого правления, принимаемого по доброй воле, и великой белой императрицы, почитаемой как таинственная богиня.

Человек, который (по Неру) «воплощал собой XIX век, консервативную империалистическую Англию, был неспособен понять новый мир с его проблемами и сложным переплетением сил и того менее нарождающегося будущее^[129]. Только после мировой войны и смены режима (с приходом к власти лейбористского правительства) индийский вопрос будет, наконец, разрешен.

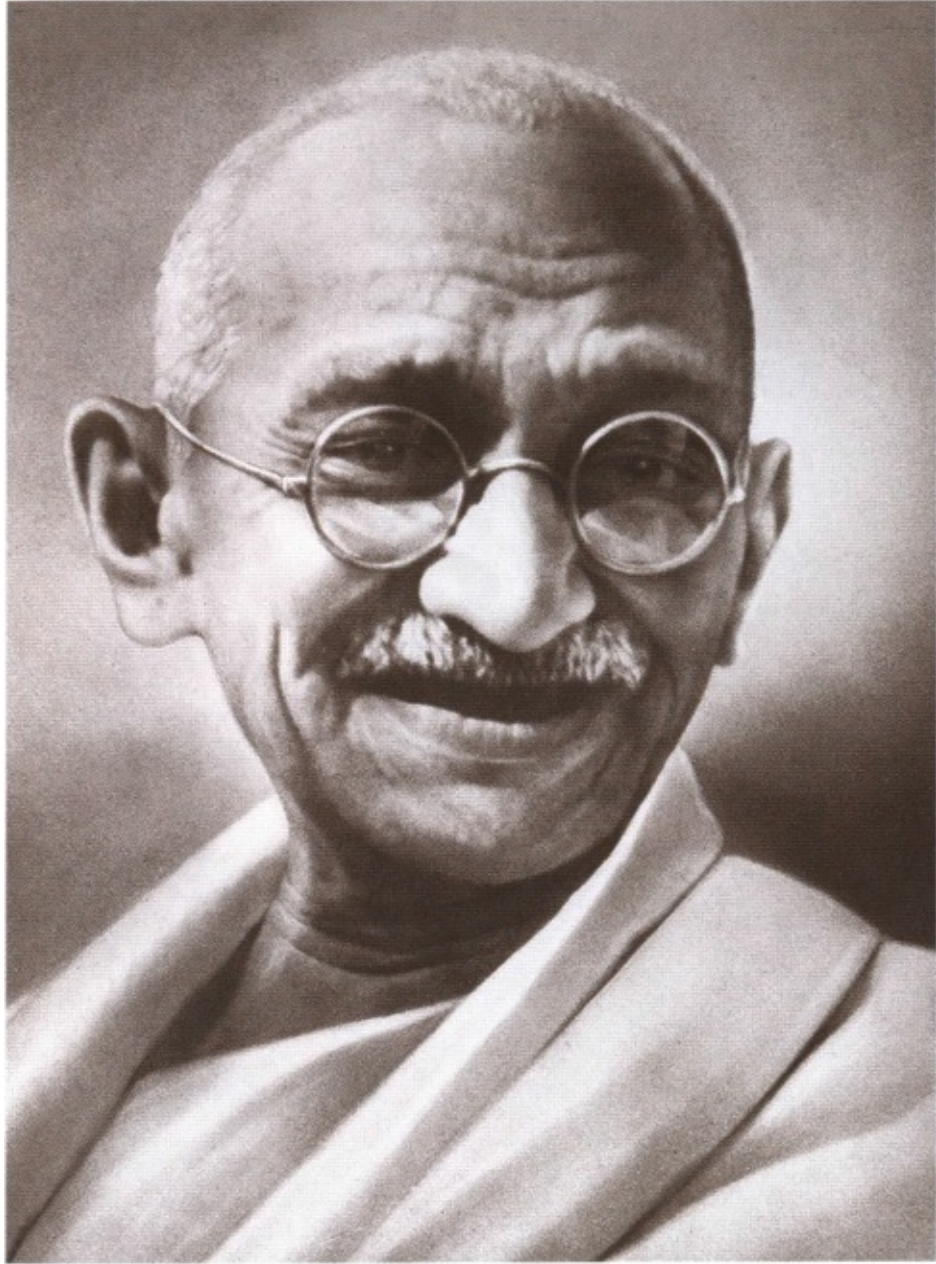
Ключи правления этой страной были в руках палаты общин, где звучал голос британской общественности, и относительный либерализм, которым воспользуется Ганди, можно объяснить этим влиянием, а также властью вице-королей, которые старались то использовать его, то нейтрализовать.

Индия к моменту прибытия Ганди

«Люди в нашей стране были сломлены, и неумолимая, неизбывная эксплуатация усиливала нашу нищету, подрывала жизненные силы. Мы были обломками нации. Но что мы могли сделать, чтобы повернуть вспять этот разрушительный процесс? Мы чувствовали себя беззащитными в когтях всемогущего чудовища: наши мышцы были парализованы, умы пребывали в оцепенении»^[130].

Страх, отсутствие надежд, эксплуатация во всех видах — судьба ремесел и индийского текстиля погрязла во мраке. «Ручной ткацкий станок и ручная прялка, породившие бесчисленную армию прядильщиков и ткачей, были главными стержнями в структуре индийского общества. С незапамятных времен Европа получала великолепные ткани — продукт индийского труда — и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом местного золотых дел мастера, этого необходимого члена индийского общества... Британский завоеватель уничтожил индийский ручной ткацкий станок и разрушил ручную прялку. Англия сначала вытеснила индийские хлопчатобумажные изделия с европейских рынков, затем приступила к ввозу в Индостан пряжи и кончила тем, что стала наводнять родину хлопчатобумажных изделий хлопчатобумажными товарами»^[131], чтобы лучше жилось воротилам из Ланкашира и Манчестера.

mk Gandhi

Карамчанд Ганди — отец Мохандаса

Мохандас Карамчанд Ганди в возрасте 13 лет

Мохандас с братом Лакшмидасом (справа). 1886 г.

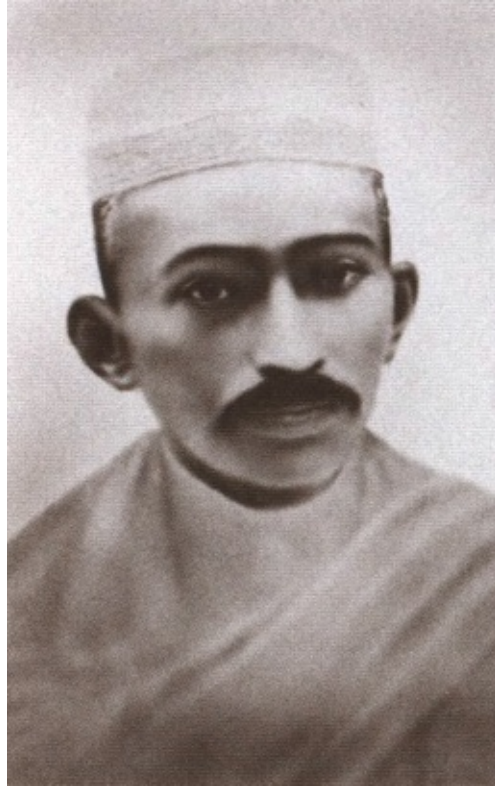
Супруги Мохандас и Кастурбай Ганди. 1902 г.

Мохандас, прибывший в Англию для учебы на юридическом факультете. 1888 г.

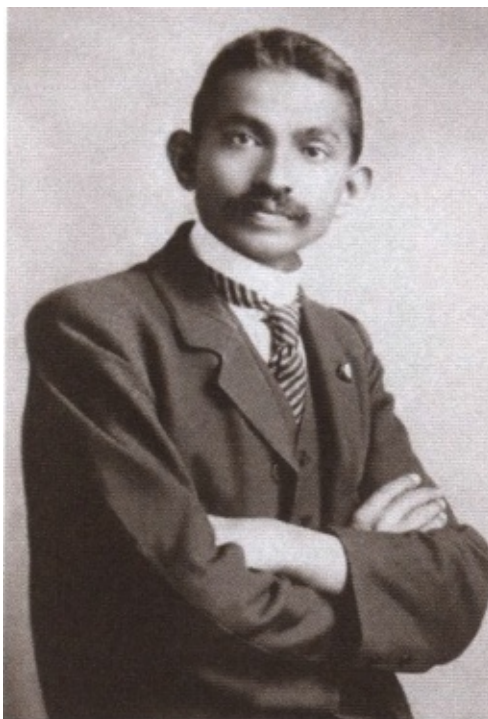
Ганди (сидит крайний справа) с членами вегетарианского общества. Лондон. 1890 г.

Ганди вскоре после прибытия в Южную Африку. 1895 г.

Ганди (во втором ряду в центре) во время Англобурской войны. 1899 г.

Преуспевающий адвокат Мохандас Карамчанд Ганди. Южная Африка. 1906 г.

**Адвокатское бюро Ганди (сидит в центре) в Йоханнесбурге.
Слева от него — друг и коллега Генри Полак, справа — секретарь мисс Соня Шелезин. 1905 г.**

Ганди с архитектором Германом Калленбахом (сидит справа), верно следовавшим за ним по пути самоограничения. Йоханнесбург. 1910 г.

Колонисты на ферме имени Толстого. Трансвааль. 1910 г.

Кастурбай Ганди с сыновьями Харилалом (крайний слева), Манилалом (крайний справа), Рамдасом (второй слева) и Девдасом (второй справа)

Ганди и Гопал Кришна Гокхале (сидят в центре) во время визита индийского политического лидера в Южную Африку. Дурбан. 1912 г.

Мохандас и Кастурбай Ганди после возвращения в Индию. 1915 г.

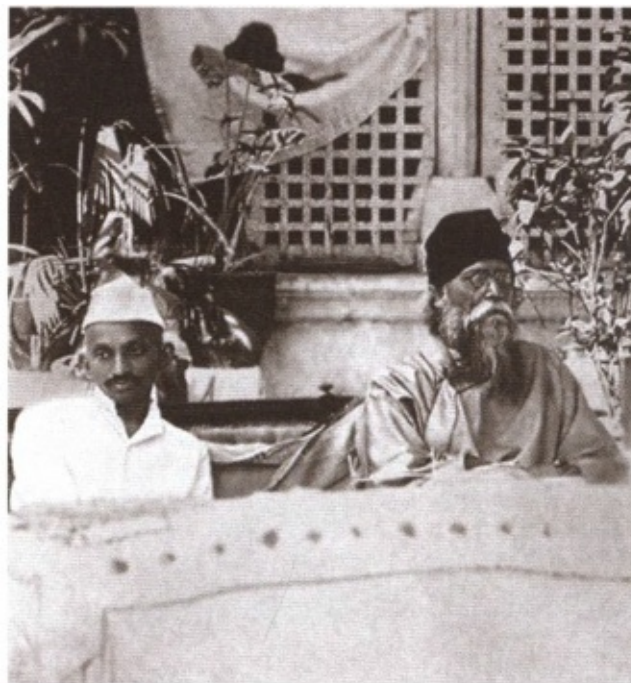

Восторженная встреча Мохандаса Ганди, вернувшегося из Южной

Африки в Индию. Карачи.1916 г.

Ганди в 1915 году

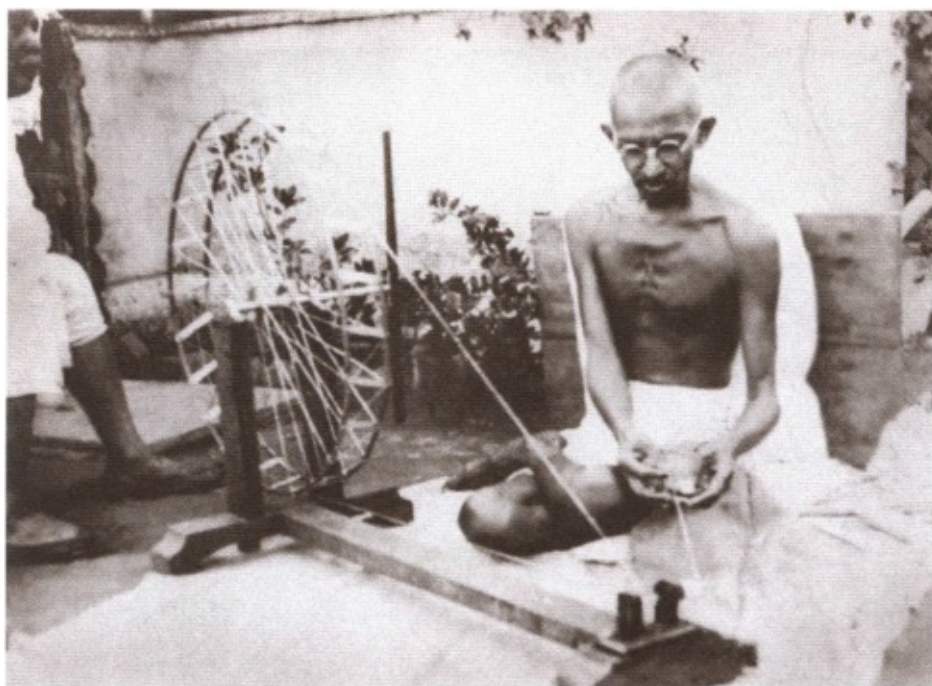
Ганди и Рабиндранат Тагор на литературной конференции в

Гуджарате. 1920 г.

Одна из голодовок.

Рядом с Ганди — дочь Джавахарлала Неру Индира. 1924 г.

Ганди за прялкой. 1920-е гг.

Ганди во время Соляного марша. Март 1930 г.

Ганди перед посадкой на судно для поездки в Лондон на 2-ю конференцию «круглого стола» по вопросу независимости Индии. Справа от него — Сароджини Найдю. Бомбей. Сентябрь 1931 г.

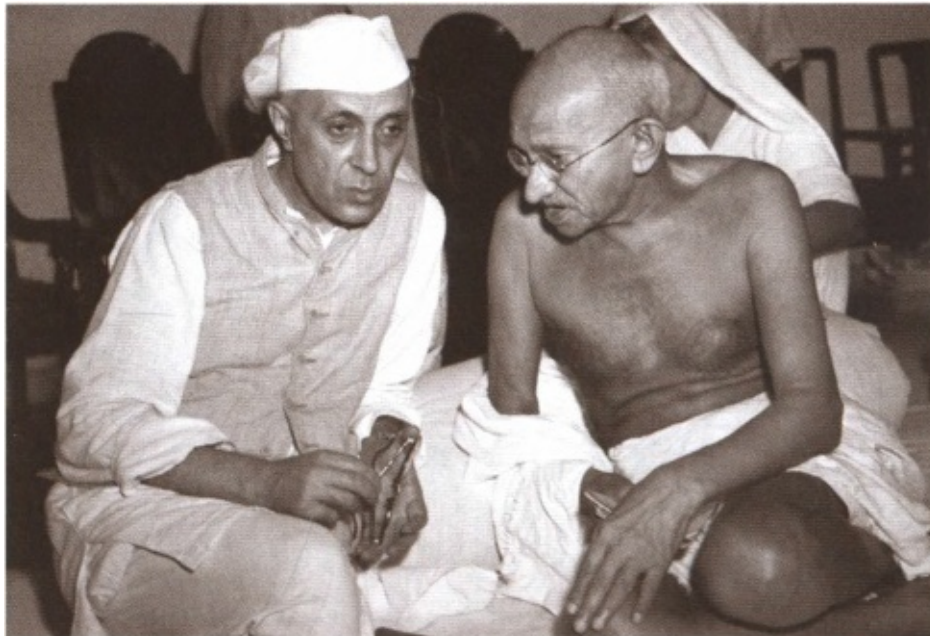
**Ганди в резиденции премьер-министра Великобритании. Лондон.
Сентябрь 1931 г.**

Ганди в Ланкашире. Сентябрь 1931 г.

Беседа с Роменом Ролланом. 1931 г.

Рассуждения с Джавахарлалом Неру. 1942 г.

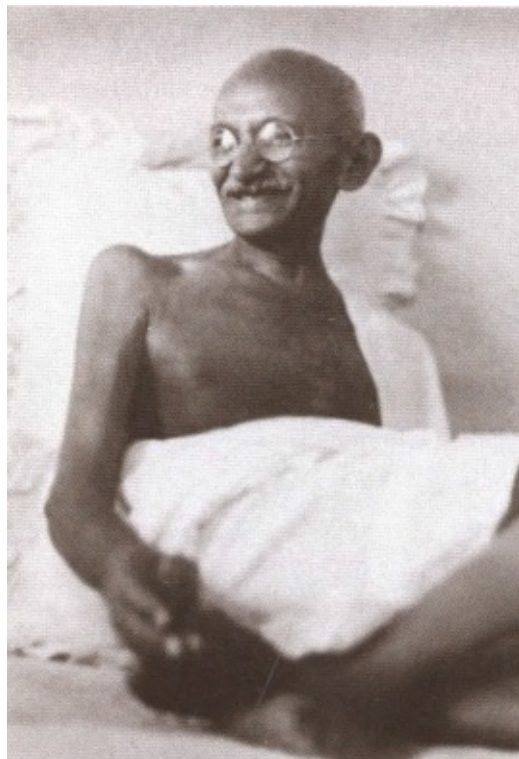
Чаепитие с последним вице-королем Индии лордом Маунтбэттенем. 1947 г.

Встреча с лидером мусульман Мухаммедом Джинной. Бомбей. 1944 г.

Ганди стремился научить молодежь мыслить самостоятельно

«Великая душа» — Махатма Ганди

Ремесленники без работы, обратившиеся в пролетариев, земледельцы, неспособные уплатить налог и согнанные с их земли, — вот причина

нищеты в Индии. «Клочок земли, которым обладала каждая крестьянская семья, был слишком мал, чтобы ее прокормить. Угроза бедности и жизни впроголодь сохранялась даже в лучшие годы. И часто наступал голод, ужасные болезни быстро распространялись, убивая миллионы людей... Крестьяне шли к баниа (деревенскому ростовщику)... их долги росли как снежный ком, всякая надежда когда-нибудь выплатить их улетучивалась; жизнь становилась слишком тяжким бременем, чтобы влачить ее дальше. Таковы были условия жизни огромного большинства индийского населения под британским владычеством в XIX веке»^[132]. Миллионы родителей были вынуждены отказывать своим голодным детям в пище, которой не имели, и те умирали от голода (хотя можно было бы организовать перераспределение съестных припасов между регионами, если бы система этому не противилась).

Эксплуатация ремесленников и земледельцев была безудержной, обычаи и древние правила, как бы они ни были плохи, больше не действовали, традиционные схемы были нарушены, уничтожены, и никто и не подумал, что в них заключалась национальная самобытность, — это тоже было частью преступления. А негласный запрет заменить самобытность ремесленника какой-то иной, вытекающей из новых методов, лишь усиливал эту потерю, делал более ощутимой ее отсутствие.

Во время войны британская политика изменилась, и промышленность процветала — как в старинной форме (производство джутовых тканей и текстиля), так и в новых отраслях, связанных с обороной, — производство железа и стали. Богатые — английские и индийские капиталисты — еще больше разбогатели; рабочие, которые и создавали эти огромные барыши, пребывали в ужасающем положении. В целом условия жизни народа ухудшились еще больше. В Бомбее «индийский капитал выставляли напоказ», в Калькутте безраздельно царил британский капитал. Бедняки ютились в «отвратительных трущобах без окон, без света, без водопровода... Помню, как посетил несколько этих окраин, где жили рабочие. Каждый раз я выходил из их домов, задыхаясь, с трудом переводя дух, ошеломленный, переполненный ужасом и гневом»^[133]. И миллионы людей умирали от голода, не имея работы. На что при такой нищете могли опереться чувства национального самосознания и присущей ему гордости? Ганди хотел вернуть своему народу достоинство — и работу.

Средний класс, «незрелый и разочарованный», не имевший никакой общественной цели, тоже утратил это чувство и находился в смятении. Некоторые цеплялись за «устаревшие формы», другие превращались в

«бледную копию Запада». Даже интеллигенция погрязла во мраке; «деклассированные интеллигенты утратили всякую связь с землей и были непригодны к физическому или техническому труду, пополняя собой ряды безработных». Картина, нарисованная Неру, служила фоном нарождающемуся национализму.

В политическом плане, когда Ганди в 1919 году вышел из тени, Индийский национальный конгресс (основанный в 1885 году), в котором он сыграет столь важную роль, был выразителем этого национализма и главной трибуной для образованной элиты среднего класса. Там был представлен весь политический спектр, от воинствующего религиозного экстремизма до умеренного либерализма на английский манер, поэтому конгресс не мог являться эффективным орудием борьбы. В те времена обозначились два лидера: радикал Тилак, использовавший религиозную мотивацию для воодушевления толпы (его изображения были повсюду, его обожали, боготворили), и англичанка Анни Безант^[134], увлекавшаяся теософией и индусской метафизикой, — писательница, оратор и общественный деятель, которая отдала всю свою жизнь Индийскому национальному конгрессу, чтобы добиться для Индии как можно большей автономии, сохраняя при этом дружбу между народами, — она тоже была популярна, хотя к моменту появления Ганди ее политическая поддержка начинала ослабевать. Тилак как раз уехал в Англию, путь был свободен. Кроме того, конгресс был тогда на подъеме, и ему требовался вождь (из-за Турции, находившейся в состоянии войны с Великобританией, неожиданно сблизилась две враждующие общины, индусы и мусульмане: конгресс и Мусульманская лига, которые впоследствии станут яростными врагами, решили вести совместную борьбу против англичан и подписали договор, целью которого было добиться для Индии статуса доминиона. Столкновения между колониальным правительством и националистическим движением едва удалось избежать благодаря предложениям Монтегю^[135] — Челмсфорда^[136] от 1918 года, в которых был изложен принцип «диархии», или разделения полномочий). В этот роковой момент, когда война, изменившая представления колонизованных народов о европейской цивилизации, и революция в России, оказавшая глубокое влияние своими идеями на антиколониальные националистические движения, мощно потрясли Индию, Ганди — будущий «отец нации» для широких масс индийцев — вышел на политическую арену. Он станет катализатором нового положения вещей, и, как писал Неру^[137], благодаря ему народ родится для самого себя.

Дождаясь момента, чтобы начать действовать, Ганди занимался размещением своих учеников и друзей, последовавших за ним. Часть его «семьи», возглавляемая Чарлзом Эндрюсом, нашла пристанище в знаменитом ашраме Тагора в Шантиникетане, в Бенгалии. Ганди приехал туда к ним в вагоне третьего класса, чтобы смешаться с простым народом и послушать его. В ашраме он не удержался от того, чтобы преподать учителям и ученикам искусство «помогать себе самому» (то есть готовить еду и, что самое главное, подбирать пищу для здоровья тела и духа), но ему пришлось спешно уехать, когда стало известно о смерти Гокхале.

В конце концов, вернувшись к своим корням, то есть в Гуджарат — место, которое он знал лучше всего, а потому и служил бы ему лучше всех, — он учредил свой собственный ашрам в Ахмадабаде. В этом городе применялись самые передовые технологии текстильного производства, и одновременно это был древний центр ручного ткачества (ремесла, в котором заключалась большая часть национальной самобытности и которому Ганди, по этой самой причине, хотел вернуть былой почет: прялка должна была вытащить крестьян из нищеты и стать национальным символом). Двойная выгода для Ганди, который должен был действовать по двойному плану: вернуть некоторые аспекты прежней социальной структуры и одновременно развить (в каком-то смысле, модернизировать) умы.

Сначала он отправился пароходом в Рангун, потом поездом в Калькутту, а из Калькутты в Хардвар, у подножия Гималаев, куда отвез в паломничество свою семью, причем в самых худших условиях^[138], — короче, тысячи километров, оборот вокруг Земли в вагоне третьего класса, — первый пример кочевничества Ганди, который теперь постоянно будет бродить по Индии пешком или колесить на поезде. В Хардваре, где толпилось полтора миллиона паломников, он предложил своей «семье» исполнять обязанности ассенизаторов. «Я же преимущественно сидел в палатке, давал даршан (свое изображение) и вел религиозные и другие дискуссии с многочисленными паломниками, обращавшимися ко мне. Поэтому у меня не было ни одной свободной минуты. Жаждающие даршана следовали за мной даже в купальню гхат и не оставляли в покое и во время еды». Сравнивая преимущества безвестности и «святости» (Тагор наделил его титулом Махатма — «Большая душа», который имел большой успех), он пришел к выводу, что, несмотря на все неудобства, лучше сто раз вынести тягостный удел общения с толпой. Впрочем, «святость» в виде целого роя садху (святых людей), которые «существовали только для того, чтобы насладиться приятными сторонами жизни», казалась ему верхом

лицемерия, даже обманом.

Ашрам в Сабармати

Ашрам, напишет он позже, — это «совместная жизнь в религиозном духе». Религиозном? Речь не о выполнении обрядов, но о соблюдении нескольких простых правил поведения и принесении обетов (по типу тех, что соблюдали последователи джайнизма — распространенной религии в Гуджарате, родном краю Ганди): говорить правду, не применять насилия, не красть, не иметь собственности (потребности должны быть сведены к минимуму), соблюдать целомудрие (как часть более широкого правила, ведущего к отстраненности, с опорой на строгую диету, физический труд, служение обществу, молитву и сон, что не помешало некоторым критикам разглядеть в этом требование, продиктованное прежде всего недоверием Ганди к сексуальности). Суровая и деятельная жизнь под руководством Бапу — отца: это звание он предпочитал Махатме. Ашрам был местом опытов в духовной сфере, но и лагерем подготовки армии ненасилия: Ганди собирался сформировать там сатьяграхов, которые, наряду с «товарищами», которых он сам отобрал и приблизил к себе, помогут ему во время кампаний, проводимых по всей Индии, или распространят его влияние и его методы — его конструктивную программу — вплоть до самых глухих деревень.

«Он разослал нас по деревням, и селения загудели от деятельности бесчисленных посланцев новой религии действия. Оживившись, крестьянин выглянул из своей скорлупы бездействия. На нас это подействовало иначе, но также глубоко, ибо мы впервые увидели поселянина в обстановке его саманной хижины, неотступно преследуемого костлявым призраком голода»^[139].

Кто были его ученики? Дети и старики, преподаватели из американских университетов, европейцы, проникшиеся чувством абсолюта или поддавшиеся скептицизму, люди из самых разных каст. Семью неприкасаемых в их число тоже приняли — поистине революционный жест со стороны Ганди. Кстати, из-за этого возникло множество проблем, источники средств моментально пересохли, и лишь чудесное заступничество (в который раз!) смогло спасти ашрам: некий незнакомец внес сумму, которую можно было растянуть на целый год; это был один фабрикант текстиля, замечательный человек, ставший другом Ганди.

Во время годичного испытательного срока Ганди держался в стороне

от политики. К концу этого периода он еще какое-то время находился в тени.

Из осторожности он отклонил предложение вступить в Союз добровольных служителей нации^[140]. Очевидно, что стиль и перспективы разных движений на политической арене того времени были не столь дерзки и непреклонны, как его собственные. Лучше действовать в одиночку, чем находиться на вторых ролях.

«На этом этапе моей жизни, когда определились мои воззрения на ряд моментов, я мог вступить в какую-либо организацию, лишь чтобы повлиять на ее политику, а не для того чтобы подчиниться ее влиянию. Это не означает, что я замкнул свой ум и отвергал новые знания. Я лишь настаиваю на том, что эти новые знания должны были быть особенно ярки, чтобы ослепить меня»^[141].

Иначе говоря, он не имел никакого намерения поступить под чью-либо власть: главная цель — познакомить Индию с методом, который он испробовал в Южной Африке, проверить, до какой степени возможно применить этот метод в Индии.

Он отказался участвовать и в новом движении за автономию^[142], возглавляемом Анни Безант (с ее теософской доктриной он познакомился в студенческие годы в Лондоне). 4 февраля 1916 года, вероятно, заблуждаясь по поводу его целей, она пригласила его на открытие индусского университета в Бенаресе, который сама основала. В зале и президиуме сидели студенты, махараджи-меценаты, пандиты^[143] в пиджаках. Ганди выступил с речью и устроил скандал, сказав каждому, что о нем думает. Ему не дали договорить. Князьям, осыпанным драгоценностями, он заявил: «Индии не видать спасения, пока вы не снимете эти украшения и не отдадите их на хранение индийскому народу». Крупным землевладельцам: «Не может быть истинной автономии, если мы забираем у крестьян — или позволяем забирать другим — плоды их труда. Наше спасение в руках фермера. Ни адвокаты, ни врачи, ни богатые собственники его не добьются». Студентам: «Мне стыдно и глубоко унижительно... обращаться сегодня вечером к своим соотечественникам на чужом для меня языке». Он еще продолжал какое-то время, указывая элегантному собранию на то, что независимость дадут не деньги и не красивые слова, и не наглость, а сила примера — умение владеть собой, от чего они далеки, и он им это докажет. Этой речью Ганди сжег свои корабли и утвердил свою репутацию. Это была речь преобразователя общества, который обнажал язвы своей страны, чтобы излечить их — в этом ему отдавали должное, хотя еще и не

воспринимали всерьез.

«Он одевается, как кули, отказывается от всякой карьеры лично для себя, живет практически без средств, это чистой воды фантазер», — записал в своем дневнике в 1917 году госсекретарь по делам Индии в правительстве Великобритании Эдвин Монтегю.

Три раза у Ганди появится возможность доказать обратное. Полею для его первого опыта в применении сатьяграхи станет Бихар^[144] в отрогах Гималаев, далеко к северу от Ахмадабада.

Раджкопумар, один из многочисленных мелких арендаторов, страдавших от действовавшего в Бихаре закона тинкати (по которому арендаторы должны были отводить три двадцатых части площади обрабатываемой земли под так называемые индигоносы, а прибыль от индиго уходила к землевладельцам — плантаторам-англичанам), вбил себе в голову, что Ганди — их спаситель, именно он сотрет «пятно индиго». Он преследовал его неотступно от Лакхнау (где Ганди участвовал в заседании конгресса) до Ахмадабада, и от Ахмадабада до Калькутты, пока Ганди не согласился последовать за ним в далекий Бихар.

Для начала Ганди окружил себя небольшой командой молодых образованных людей, по большей части юристов, подчинил их, как и самого себя, монашеской дисциплине (все были обязаны жить точно так, как бедные крестьяне, которых они будут защищать), собрал факты из уст заинтересованных лиц, изъездил весь округ Чампаран, побывал в селениях, собрал тысячи свидетельств и набрал внушительный объем информации. Вскоре ему сообщили, чтобы он убирался восвояси, иначе его арестуют. Как обычно, он отказался повиноваться и на суде, куда явились тысячи крестьян, признал свою вину: он без возражений примет наказание, полагающееся за неповиновение, заметив при этом, что он нарушил отданные ему приказания не из неуважения, а «повинуясь высшему закону нашей жизни — голосу совести». Совершенно революционное заявление, недопустимое с точки зрения официальных властей, побуждение к ответственному действию (этот поступок некоторые современные активисты ошибочно спутали с неприятием всякой власти, что не было гандиевской позицией).

Крестьяне, о которых до сих пор не заботился ни один вождь, ликовали. Первый урок гражданского неповиновения — и полнейший успех. Урок дался даже слишком легко: опасаясь беспорядков, правительство Индии отменило распоряжения на местах и позволило Ганди свободно продолжать свое расследование, а потом включило его в созданную комиссию. Чиновники, успокоившись, предоставили ему

«контролировать массы» (чего ему не простили националистические организации) — «ясное доказательство того, что их власть была поколеблена», — тогда как народ, прославляя его, «повиновался отныне только власти любви».

«Мы можем считать М. Ганди идеалистом, фанатиком или революционером — как вздумается. Но для крестьян он был избавителем, и они наделили его чрезвычайными полномочиями... каждый день он воспламенял воображение невежественных толп видениями грядущего тысячелетия», — писал один британский офицер^[145]. Собрав показания восьми тысяч крестьян, Ганди разобрался во всех тонкостях аграрного вопроса. Его защитная речь была одобрена, тинкатию отменили, пятно индиго было стерто. Плантаторы проиграли. Слух о том, что за бедняков теперь заступаются, передавали из уст в уста, так он облетел широкие индийские массы. Хотя прессе было дано указание не публиковать отчетов Ганди, он превратился в политическую фигуру общенационального масштаба.

Его метод действовал, и он предоставил тому доказательство. Он вовсе не рассуждал о политике, не пытался убедить крестьян «сверху» теоретическими разглагольствованиями: он жил среди них, жил как они, отстаивал их интересы, просто учил их не бояться. Досконально изучив ситуацию, он сумел изложить претензии просто и ясно, сформулировать конкретные и узкие требования, при этом всегда угрожая прибегнуть к сатьяграхе. Политические лидеры, оттесненные на задний план, сочли его поведение опасным, а стиль действий — неуместным. Но молодежь, которой, наоборот, хотелось целиком отдаться какому-либо делу, восторженно пошла за этим паломником истины, который одевался как бедняк.

Первая голодовка

Ганди был еще поглощен улучшением условий жизни в округе Чампаран, когда получил тревожные известия из Ахмадабада: неподалеку от его дорогого ашрама ропщет народ. Рабочие текстильных фабрик недовольны своим жалованьем и бросают вызов владельцам. Приемщик из Ахмадабада написал Ганди, прося его добиться компромисса. Амбалал Сарабхаи, крупный промышленник и глава известного рода, человек независимого ума (и щедрой души, поскольку именно он спас Ганди, когда возникли трудности в связи с приемом в ашрам семьи неприкасаемых), с

тех пор друживший с Махатмой, был одной из заинтересованных сторон. Его сестра Анасуйя, ушедшая в общественную работу, поддержит Ганди во время забастовки. Эмоциональная ставка в игре была высока. Ганди все же убедил обе стороны передать дело в суд. Но судебное разбирательство прервалось из-за ничтожного предложения.

Тогда-то Ганди и решил начать свою кампанию: Ахмадабад со всеми своими ассоциациями станет полем для эксперимента по определению влияния сатьяграхи в социальных вопросах. По его совету рабочие объявили забастовку. Каждый день, сидя под большим баньяновым деревом на берегу Сабармати, Ганди с помощью Анасуйи призывал их к терпению и самообладанию, напоминая о клятве. Но хозяева не сдавали позиций, а о суде больше речи не было. Время уходило, рабочие, лишенные жалованья, а вскоре и пропитания, устали, и Ганди почувствовал, что движение выдыхается. А вдруг рабочие в конце концов уступят, ничего не добившись, и таким образом не только проиграют сражение, но и утратят достоинство? Невыносимая мысль. «Скрывалась ли за этим чувством гордыня или моя любовь к трудящимся и пламенное стремление к истине? — кто знает». Однажды утром, во время ритуального собрания под баньяновым деревом, когда он «все еще продвигался ощупью и не видел ясно своего пути», в голове у него вдруг просветлело. Слова сами просились на язык. Если рабочие не возьмут себя в руки и не захотят бороться вплоть до заключения договора, он перестанет принимать пищу. Пока же, чтобы им помочь, их возьмут на работу в ашрам, где они будут укладывать фундамент ткацкой школы. И каждый день нескончаемая череда рабочих с корзинами песка на голове выходила из глубокого русла реки, а Ганди, лежа на циновке, старался сберечь силы перед длительной голодовкой. Однако порочной чертой этой голодовки — первой, устроенной ради общего дела (и первой из многочисленных голодовок «до смертельного исхода») — было то, что она сильно смахивала на шантаж, как отмечал сам Ганди, или, по меньшей мере, на силовое давление на противную сторону. Должно было хватить и одной забастовки: владельцы ткацких фабрик были его друзьями. Самым близким другом и самым упрямым был Амбалал. «Дать ему бой было сущим наслаждением». Но бой был уже нечестным, а избранный способ — не вполне достойным заявленной цели: к этому примешивались и дружеские чувства, и тревога, и Ганди невыразимо страдал — не от голода, а разрываясь между своими понятиями о долге, поскольку его голодовка на самом деле была направлена против слабости рабочих, а не против хозяев, как могли бы подумать.

Эта первая забастовка в острой форме выявила недоразумение, которое так и не исчезнет: враги Ганди сочтут голодовку вульгарным шантажом, формой принуждения, тогда как его намерением было, как он говорил, воздействовать на свои собственные войска, заставить их задуматься, образумить — возможно, искупить их вину.

Пока же, когда он назвал возможное решение, Ганди одолевали сомнения, он был уставшим и подавленным. «Если сравнить меня с просветленными душами, я чувствую себя таким карликом, что и сказать нельзя».

Три дня голодовки — и хозяева уступили: суд состоится. Решение было вынесено в пользу рабочих, которым прибавили жалованье. «Ради любви к рабочим» Ганди снес «позор» сатьяграхи. Но похоже, что каждая кампания (а каждая из них достойна отдельной книги) стоила ему ужасных мук, прежде чем он ввязывался в действие, а в конечном счете в большинстве случаев он терзался сомнениями по поводу целесообразности того, что он сделал.

И все же от этой репетиции «в кругу семьи», если так можно сказать, оказалось не так уж далеко до большой сатьяграхи, состоявшейся ровно год спустя, в 1919-м, впервые в масштабе всей страны. Когда к движению примкнули сотни тысяч индийцев, противником выступила могущественная Британская империя, а мировая общественность следила за событиями, затаив дыхание. Но прежде следовало сделать решающий шаг: Ганди взбунтовался против империи.

Вступить в войну?

Пока разворачивались все эти стычки, Англия воевала. Ганди не имел ни малейшего намерения ослабить правительство: он надеялся, что уже с конца войны, благодаря своему участию в ее тяготах, индийцы станут партнерами империи наряду с другими доминионами и что «расовые различия отошли в прошлое». Кроме того, он придерживался рыцарских взглядов: «Я полагал, что нельзя извлекать выгоду из трудностей, переживаемых Англией». В военное время было «пристойно и разумно» не выдвигать своих требований. «Делая выводы из этих идей, я приглашал добровольцев записываться в армию». Индия должна была быть способна сражаться, иметь оружие и уметь пускать его в ход. Ганди вновь переживал внутренний разлад, как в Южной Африке, когда он разрывался между потребностью предложить британским властям (в которых Эриксон видит

нечто вроде отеческого лона) помощь и поддержку в годину испытаний и, наоборот, необходимостью сражаться с ними, между своим желанием добиться для Индии автономии, для чего, как он думал, требовалось представить доказательства своей лояльности, и полным неприятием насилия — верностью сатьяграхе. Не говоря уже об упреках со стороны тех, кому он еще совсем недавно втолковывал свои идеи. Он не скрывает этого противоречия: «Для меня было совершенно ясно, что участие в войне несовместимо с принципом ахимсы. Но человеку не всегда дано с одинаковой ясностью представлять себе свой долг. Приверженец истины часто вынужден двигаться ощупью»^[146]. Противоречивые истины, трудный выбор.

Позже, возвращаясь к этому периоду, к Англобурской войне, к восстанию зулусов, к Первой мировой, в которых он участвовал, он объяснял, что для него и речи не могло быть о том, чтобы отказать в поддержке правительству. Поскольку он соглашался жить «под властью режима, основанного на силе, и умело пользуясь» предоставляемыми им возможностями и преимуществами, его долгом было всесторонне помогать этому режиму. Во время Второй мировой войны всё было иначе, поскольку Ганди боролся с этой самой властью. «Моя позиция в отношении этого института стала совершенно иной. В результате я больше не стану добровольцем на войне, в которую ввяжется это правительство».

Пока же он написал вице-королю почтительное и пылкое письмо, изложив стремление к независимости Индии, распространенное, как он смог убедиться, во всех слоях населения, уверил, что страна готова пойти на жертвы, напомнил о собственных услугах в Чампаране и Кхеде, где население, вместо того чтобы проклинать правительство, как делало до сих пор, отныне чувствует, что именно оно облечено властью (вряд ли этот аргумент убедил вице-короля), и сообщил, не особо это подчеркивая, что таков его «непосредственный, определенный и особый» вклад в войну: «Если бы я мог популяризовать использование душевной силы (а она представляет собой не что иное, как силу любви) вместо грубой силы, я знаю, что я подарил бы вам Индию, которая могла бы оказать открытое неповиновение всему миру». И закончил так: «Я пишу об этом потому, что люблю английский народ и хочу пробудить в каждом индийце чувство лояльности по отношению к англичанам»^[147]. (Поддерживать эту любовь стоило большого труда, и очень скоро она сменилась полностью противоположным чувством. «Я не могу сохранять ни уважения, ни любви к правительству, которое совершает одну несправедливость за другой,

отстаивая свою безнравственность», — написал он вице-королю, возвращая ему свои медали в 1920-м.)

Другое письмо было адресовано секретарю вице-короля: в нем он предлагал стать главным вербовщиком.

И он ринулся в бой. Крестьяне из Кхеды, которым он совсем недавно объяснял, что с британскими чиновниками, давившими их налогами, конечно, надо бороться, но вести себя учтиво, не поверили своим ушам, когда он призвал их стать хорошими английскими солдатами. Он потерпел поражение на всех фронтах, метался, терял голову, работал денно и нощно, в отчаянии, в ярости, иногда проходил по 32 километра в день пешком — и без особого результата. «Разве ты не принес обет ахимсы? Как можешь ты просить нас братья за оружие?» В итоге он заболел, сраженный приступом дизентерии, свалился с высокой температурой. Впервые в жизни болезнь почти довела его до могилы.

Но он отказывался от лекарств и терял последние силы. Хотел ли он наказать себя, подвергнуть себя, как он говорил, каре за глупость? Он больше не мог ни писать, ни ходить (и так несколько месяцев), ни читать, даже говорить. На самом деле, он погрузился в нервную депрессию (он говорит об этом сам), утратил всякий интерес к жизни, а он «никогда не любил жить ради самой жизни», и готовился умереть. Последнее послание было обращено к членам его ашрама.

Так было вплоть до того дня, когда немного чокнутый врач по прозвищу «доктор лед» обложил его тело льдом. Это лекарство в сочетании с козьим молоком, посоветованным Кастурбай-искусительницей (которую он потом корил за нарушение обета), вернуло ему силы. «Любовь к общественной деятельности» довершила остальное.

Тень Амритсара

На самом деле, самый большой стимул, чтобы пойти на поправку, он получил от правительства Индии. Билль Роуллетта^[148], который покушался на гражданские свободы, тогда как индийцы ожидали после войны прямо противоположных действий — действий, за которые ратовал и сражался Ганди, — вернул ему боевой настрой. «Если бы я не был прикован к постели, то один вышел бы на бой, ожидая, что другие вскоре последуют моему примеру». Он созвал собрание в ашраме, пригласив два десятка своих товарищей; во время заседания была составлена клятва сатьяграхи. Задействовали ежедневные издания, основали организацию — сатьяграха

сабха^[149]: публичные собрания, коммюнике, подписи... Новая деятельность набирала обороты. Ганди лично писал вице-королю письмо за письмом, убеждал, грозил — все напрасно. Правительство торопилось придать законопроекту силу закона.

Ганди, еще не оправившийся после болезни (на собраниях его едва было слышно), начал колесить по стране, опираясь на своих помощников и сторонников. Он находился в Мадрасе, размышляя о возможном способе гражданского неповиновения, когда билль Роулетта официально вступил в силу. «В ту ночь я долго думал над этим вопросом, пока наконец не заснул. Утром я проснулся раньше обычного. Я все еще пребывал в сумеречном состоянии полубодрствования-полусна, когда меня внезапно осенила идея — это было как сон»^[150]. Утром он рассказал хозяину дома, где жил, что во сне ему пришла мысль призвать всю страну к харталу (забастовке). Прекращение всякой деятельности, пост и молитва в знак протеста против ненавистного закона. «Борьба наша — священна, и я считаю, что нужно начать борьбу с акта самоочищения». Хартал в знак траура или протеста не был для Индии чем-то новым, зато превратить его в день национальной забастовки было гениальным ходом.

Эта неподготовленная затея была рискованным делом, однако обет «затронул религиозное сознание целого народа», и страна провела хартал, как один человек. Для Ганди это стало божественным откровением. «Кто может сказать, как всё это произошло? Вся Индия от края до края, все города и села — все провели в назначенный день полный хартал. Это было великолепное зрелище!» В Дели его провели 30 марта, в Бомбее — 6 апреля (дату изменили). Индусы и мусульмане в одном священном союзе. Правительство не могло этого стерпеть. В Дели «полиция преградила путь процессии хартала, направлявшейся к железнодорожной станции, и открыла по ней огонь. Были раненые и убитые. По Дели прокатилась волна репрессий»^[151].

Человек, которого отныне официально называли Махатмой, участвовал в демонстрации в Бомбее. Задолго до восхода солнца толпа собралась на пляже в Чоупати. Ганди пришел одним из первых, сел на скамью, рядом с ним — около сотни сатьяграхов. Каждый вновь прибывший совершал очистительное омовение, а потом садился рядом с ним. «Толпа все прибывала и прибывала и превратилась в огромную людскую массу». Тогда Ганди по-простому обратился ко всем, напомнил о недавних событиях в Дели, объяснил, что такое сатьяграха (ошибка, допущенная в Дели, заключалась в том, что люди отказались разойтись,

оказывали сопротивление при аресте, тогда как именно это и было искомой целью), сказал также, что нужно привыкнуть к дисциплине и самоконтролю, которые необходимы для акции коллективного неповиновения. Он побуждал их к повиновению, чтобы лучше не повиноваться вместе, и толпа спокойно разошлась, однако чуть не задушила Махатму в любовном порыве — это было уже не в первый раз.

Вечером началась задуманная акция гражданского неповиновения: на углах улиц продавали запрещенные книги, в частности, переложение книги Рёскина «Последнему, что и первому», сделанная Ганди на гуджарати, и его манифест «Хинд сварадж». Нарушая закон о печати, издавали газету «Сатьяграха», которой руководил тоже Ганди. Все книги были распроданы, несмотря на угрозу тюрьмы: «Но на тот момент тюрьма их больше не пугала».

8 апреля Ганди выехал в Дели. Он понял, что хотя он может контролировать невероятно разросшуюся толпу его сторонников, движению грозят маргинальные группы радикалов и репрессивные меры властей, впадавших в панику от неуправляемого порыва широких масс. Не доезжая Дели, он был арестован. Он лучше любого другого мог бы поддержать порядок, но власти, перепуганные народными волнениями, поддались страху и отправили его в Бомбей. Ганди, с юмором рассказывающий о чередке этих событий в автобиографии, конечно, был рад: заключение в тюрьму (он отказался вернуться в Бомбей добровольно) покажет, кто истинный злодей, а ему, наслаждавшемуся в эти недели «безграничной любовью», не сделает ничего плохого, ибо дух его светел. Он не знал, что весть о его аресте привела народ в неистовство. Тут и там вспыхивали стычки. Едва он прибыл в Бомбей, как толпа при виде его пришла в неопишную радость. Окружавшая его процессия вскоре наткнулась на полицейское заграждение. Как и в Дели, полиция пошла в атаку. «Вскоре ряды процессии смешались, возник полнейший беспорядок. Народ обратился в бегство. Некоторые были сбиты с ног и раздавлены, другие сильно изувечены. Выбраться из бурлящего скопления человеческих тел было невозможно. Уланы, не глядя, пробивались через толпу. Не думаю, чтобы они отдавали себе отчет в своих действиях. Зрелище было страшное. Пешие и конные смешались в диком беспорядке»^[152].

В Ахмадабаде тоже вспыхнули беспорядки — вопреки всем прогнозам Ганди, поручившегося за этот город. «Уверяю вас, что вам не удастся удержать народ под своим контролем, — заявил Ганди полицейский комиссар Гриффит. — Он очень быстро усвоит вашу проповедь неповиновения законам, но не поймет необходимости сохранять

спокойствие. Лично я не сомневаюсь в ваших намерениях, но народ вас не поймет. Он будет следовать своим инстинктам. — В этом я не согласен с вами, — сказал я. — Наш народ по природе противник насилия, он миролюбив». Однако в Ахмадабаде был убит правительственный чиновник, население предавалось насилию, погибли полсотни человек (по большей части индийцы). Ганди попросил разрешения провести собрание в своем ашраме Сабармати. Ему было тяжело при мысли о том, что рабочие, которых он воспитал и от которых ждал большего, участвовали в насилии, он чувствовал в этом и свою вину. Взяв вину на себя, он подверг себя трехдневному посту и решил «временно» приостановить сатьяграху 18 апреля. Он сознавал, что подготовка к сатьяграхе была еще недостаточной, что он обратился к народу с призывом к гражданскому неповиновению прежде, чем тот был готов на него откликнуться, а главное, что ему нужно более надежное окружение. «Если даже те, среди которых я работал и которых считал вполне подготовленными к ненасилию и самопожертвованию, не могли воздержаться от насилия, то ясно, что сатьяграха невозможна». Он допустил ошибку — «огромную, как Гималаи» (этому выражению суждено было стать крылатым). «Мое признание навлекло на меня немало насмешек. Но я никогда не сожалел о своем признании, ибо всегда считал, что только тот, кто рассматривает свои собственные ошибки через увеличительное стекло, а ошибки других через уменьшительное, — способен постичь относительное значение того и другого»^[153].

Открывать другим самые тайные поступки, свои неудачи и постыдные дела, не таить от них своих сомнений — не из эксгибиционизма, а ради истины, и потому что только так, обнажаясь, раскрываясь совершенно, он мог по-настоящему быть близок к ним и находиться в ладу с самим собой. Так, он исповедался в феврале 1936 года в интервью газете «Хариджан»^[154], когда ему было 66 лет и, принужденный к отдыху, он был смущен желанием: «Я не могу припомнить ни одного примера за 36 лет неослабных усилий подобного волнения ума... Я был отвратителен сам себе». И ожидаемый вывод: «Признание в этом несчастном опыте принесло мне величайшее облегчение»^[155].

Однако признание в «гималайской ошибке» не успокоило тех из его сторонников, которые считали, что сатьяграха окончилась неудачей. «Они считали, что массовая сатьяграха никогда не осуществится, если я ставлю непременным условием проведения сатьяграхи мирное поведение населения»^[156]. Правы ли они? Одной из главных проблем Ганди было то,

что он становился зачинщиком народного движения, стараясь, чтобы оно не вылилось в беспорядочное насилие; тогда, сколько бы правительство ни применяло кровавых репрессий, чтобы обеспечить себе таким образом повсеместную победу, его старания будут напрасны. В данном случае власти показали свою жестокость, запаниковали и в конечном счете потеряли лицо. Со своей стороны, Ганди доказал, что способен вызвать и остановить движение беспрецедентного размаха. Он был известен на всю страну, и его престиж еще более возрос после этого столкновения. Правительство, признавая власть Ганди над толпой, отныне относилось к нему, как к особому феномену, а не обычному смутьяну, стараясь использовать его влияние в своих целях.

Эти события вызвали волну страха среди британцев. Страх принял обличье бригадного генерала. В десять исторических минут он подал миру пример подлости, которой будет отмечено развитие колониализма.

Арест Ганди взволновал население Пенджаба. Искрой, высекавшей пламя, стал арест двух местных активистов, и в Амритсаре разбушевавшаяся толпа поджигала дома, обрезала в нескольких местах телеграфные провода, избивала нескольких европейцев. Это произошло 10 апреля 1919 года. Генерал Дайер, присланный на помощь, запретил всякие собрания. Об этом распоряжении стало известно не сразу.

13 апреля 1919 года, в канун праздника Байсакхи^[157], на развалинах городского парка Джалианвала Багх, окруженного высокими стенами, собралась толпа мужчин, женщин, детей — разумеется, без оружия, чтобы праздновать и веселиться. Это происшествие осталось в истории как расстрел в Джалианвала Багх — непоправимое несчастье. На самом деле, это было хладнокровное убийство: Дайер и его войска вошли в парк, разместились на возвышенности примерно в полутора сотнях метров от толпы — более десяти тысяч человек, сгрудившихся внутри ограды, точно в мышеловке. Без предупреждения Дайер приказал войскам открыть огонь. За десять минут было сделано 1650 выстрелов. 379 погибших, 1137 раненых. Цифры. Убивать, пристроившись за пулеметом, из самолета стало легко, а результаты этих «доблестных» подвигов, осуществленных в рамках возложенных полномочий, — сотни трупов — так сказать, абстрактные цифры.

Прочитируем снова Эрика Эриксона: «...для деятельности Махатмы в 1919 году характерно стремление к ненасильственному человечеству в противовес подобным заблуждениям». В эпоху, когда гордые государственные мужи еще говорили о «войне, чтобы покончить с войной», а версальские суперполицейские могли упиваться славой мира, который

сделает мир «надежнее для демократии», когда русские революционеры поддерживали веру в то, что террор положит начало окончательному «загниванию» государства, один человек в Индии предложил всему миру новое политическое орудие, которое, если использовать его с новым религиозным пылом, «предоставит человеку выбор»^[158].

После этого «подвига» репрессии в Пенджабе продолжились с новой силой. «Лидеры были арестованы, провинция объявлена на военном положении. Царил полнейший произвол. Везде были созданы специальные трибуналы, которые стали, однако, отнюдь не судами справедливости, а орудием деспотической воли»^[159].

Одним из изобретений генерала Дайера было заставить индийцев ползать на животе, «как черви», на улице, где подверглась нападению белая женщина (для Ганди, которого этот приказ возмутил еще больше, чем бойня, это была одна из тех ситуаций, какой можно противостоять, лишь отрекшись от жизни). Короче, людей не только бросали в тюрьмы, пороли, убивали, расстреливали, но изыскивали тысячу унижений, чтобы напомнить индийцам: они — парии.

Правительство скромно замалчивало трагедию в Пенджабе. Была назначена комиссия под руководством лорда Хантера для расследования причин беспорядков, но индийские политические руководители отнеслись к этой комиссии с подозрением и бойкотировали ее работу; Ганди вместе с несколькими известными адвокатами (в том числе с Мотилалом Неру^[160], отцом будущего премьер-министра) поручили произвести независимое расследование. Он убедился в том, до каких крайностей способно дойти британское правительство и какие бесчеловечные и варварские поступки совершить, лишь бы удержать свое господство. Теперь он совершенно стал Махатмой — вождем и спасителем, который вскоре навяжет миру образ невиданного противостояния — «сражения между душой и правительством», как написал Гилберт Мюррей в лондонской «Гибберт джорнэл» в 1918 году. Ганди, предсказал он, будет «опасным и непростым врагом, ибо его тело, которое всегда можно победить, не дает власти над его душой».

Новое превращение: бунтарь

По мере продвижения расследования Ганди собирал свидетельства о невообразимых жестокостях, открывая для себя «тиранию правительства и

деспотичный произвол чиновников». Он был невероятно опечален и поражен тем, что провинция, поставившая британской армии наибольшее количество солдат во время войны, подверглась таким репрессиям, а еще больше удивлен тем, что она не «подняла голову». Вину чиновников, на которых лежала ответственность за эти ужасы, быстро замяли, и даже генерала Дайера по-прежнему чествовали как героя в некоторых английских салонах. По поводу расстрела он высказался так: «Я подумал, что это преподаст им хороший урок». И еще одна фраза (которую потом повторяли на все лады) прозвучала из уст генерала, назначенного тогда в Дели, и была воспроизведена в докладе Хантера: «Сила — единственное, что уважают азиаты».

«Существует ли некий тайный кодекс поведения, свойственный властям в Индии, перед которым склоняется цвет великой британской нации?» — спрашивал себя Ганди.

Волей-неволей ему пришлось отказаться от убеждения, которое он так долго поддерживал в себе: этой системе реформы не нужны, с ней нужно покончить раз и навсегда. Любовь к империи, которую он проповедовал, поклонение и верность ей, которую он соблюдал, желание добиться признания и равноправного отношения со стороны ее руководства — всё это глубоко укоренившееся стремление к равенству и сопричастности развеялось как дым, уступив место бунту.

В апреле 1915 года он заявил: «Я открыл, что у Британской империи есть некоторые идеалы, которые я полюбил и главным из которых является свобода для каждого подданного этой империи развивать, как он хочет, свои возможности, энергию, представления о чести и все, что допускает его совесть»^[161].

Идеалы свободы, поддерживаемые Западом, позволили ему бороться за права индийцев; именно их он хотел придерживаться, а не реального господства, которое открылось ему во всей своей неприглядности, о чем свидетельствует еще манифест, написанный в 1909 году, — «Хинд сварадж».

Это, конечно, была мощная атака на завоевательницу-Англию, но еще и на «современную цивилизацию», повинную, из-за своего хищнического характера и безудержного материализма, во множестве злодеяний, в том числе колонизации, рассматриваемой как прямое следствие тенденций, присущих этой форме современности. Самый дух этой цивилизации был поставлен под вопрос, в большей мере, чем страны или общественные институты, именно от этого духа требовалось освободиться. Атака

вдохновлялась сочинениями конца XIX века, в частности книгами Рёскина и Толстого, подвергавших глубокой критике индустриализацию с точки зрения этики и эстетики. Железные дороги, суды, образовательная система, навязавшие Индии английский язык в ущерб ее национальных языков, — всё это было пущено в ход оккупационной державой, чтобы задушить страну. И Ганди предал анафеме все виды прогресса, все формы современной жизни, дающие власть над колонией, равно как и английский парламент (проститутку), врачей (клубок змей), больницы (учреждения для распространения греха), законников (разжигающих раздоры), машины (и их засилье), адвокатов и судебных (чья профессия так же унижительна, как проституция)... Конечно, это было преувеличение, но иначе невозможно поколебать восхищение, с каким индийцы относились к англичанам: оно умаляло национальную гордость, отдаляло элиту от народной культуры и традиций, к которым предстояло вернуться. Англичане же, по его мнению, заслуживали жалости, а не ненависти, потому что были больны своей «сатанинской цивилизацией» (в которой, кстати, от цивилизации одно название), стали жертвами нового добровольного рабства, распространившегося по всему свету, — зависимости от денег и излишеств, которые на них можно купить.

Еще в большей степени, чем Англия, врагом Индии была современная цивилизация, основанная на конкуренции (которая подразумевает насилие над другими) и культе денег. Зол было множество, и их предстояло выкорчевать с корнем. В 1920 году, начав борьбу с империей, Ганди сначала принялся за породивший ее дух, который грозил уничтожить Индию с ее древней культурой, — дух стяжательства и завоевания, одно без другого не бывает. К политической и экономической независимости можно прийти лишь через духовное освобождение. Проблема была сформулирована в плане этики. Внутренняя свобода — покончить с прежней духовной зависимостью — была и политической: покончить с подчинением несправедливым законам. Сварадж («радж» — правление, «сва» — свое) именно это и означает: чтобы управлять страной, нужно управлять самим собой.

В Индии не один лишь Ганди обличал «мощное предприятие поставщиков», в которое превратилась цивилизация, занятая исключительно устройством «постоянных пиршеств для обжор», которые, чтобы лучше обжираться, сеют вокруг себя смерть. «Цивилизация, движимая ненормальным аппетитом, должна поглощать множество жертв, чтобы выжить, и эти жертвы обнаружатся в тех частях света, где человечина недорога. Счастье народов Африки и Азии принесено в жертву,

чтобы поставлять капризной моде бесконечную череду почтенных отбросов», — писал Рабиндранат Тагор. Обрушиваясь на эгоистичность богатых народов, он сурово судил о самом образе существования западных обществ, где бесконтрольно развивается алчность, которую поощряют и даже восхищаются ею, тогда как многочисленных жертв системы выбрасывают на обочину: «То, что на Западе называют демократией... похоже на слона, предназначенного исключительно для прогулок и забав самых ловких и самых богатых». В очередной раз обвинение пало на дух наживы. Как и Ганди, Тагор не считал, что Запад создал истинную «цивилизацию» («Я не против прогресса, но если из любви к нему цивилизация должна продать свою душу, я предпочитаю оставаться в первобытном состоянии»). На той же идее об алчности основано пророчество, под которым подписались бы нынешние борцы за экологию: «Хищничество этой породы (рвачей) очень скоро возобладает над восстановительными силами природы... В схватке они попрали все законы морали и видели в бесстыдном удовлетворении своих желаний знак расового превосходства». В результате они «превратили поверхность своей планеты в пустыню, усеянную пропастями. Они опустошили ее изнутри... как плод, чью мякоть пожирают живущие в нем насекомые».

В противовес такому представлению о прогрессе требовалось срочно вернуться к индийской традиции, древней и привычной реальности Бхарат Мата — нашей матери-Индии. Уже слово «сатьяграха» восходило к великому духовному поиску Упанишад^[162]. Как и ахимса — «высшая добродетель, высший долг в любой индийской традиции», это понятие глубоко укоренилось в индийской морали: гениальность Ганди была в том, что он расширил поле применения этого древнего правила, которое изначально было личным делом, а потому носило в основном религиозный характер, распространив его на политическую и общественную жизнь, превратил личный идеал в коллективный.

Пробуждение сознания

Еще в Южной Африке Ганди быстро понял, какую службу для осуществления его реформаторской миссии может сослужить печать. В 1919 году он руководил изданием двух газет — «Янг Индия» и «Навадживан», которым предстояло заменить «Индиан опинион», издававшуюся в Ахмадабаде. Эти газеты предоставили ему трибуну, площадку, как сказали бы теперь; в них не помещали никакой рекламы, а

потому они были независимы от торгового или финансового давления. Ганди преподносил в них свои идеи и обращался непосредственно к народу.

Он хотел пробудить в нем сознание, растормошить, вывести из бездействия, вернуть чувство ответственности, то есть достоинство. Новое сознание породит бунт. Воспитывать, учить не бояться, не покоряться, учить смотреть на себя иначе. Крестьяне, оказавшие ему массовую поддержку, научились иначе относиться к себе: не как к париям, раздавленным оккупантом, нищетой или силами природы, бессильным и позабытым, по традиции бездеятельным, а как к полноценным членам нации, классу, необходимому этой нации, а потому считающему жизненно важным участие в национальной борьбе. Вернуть себе достоинство — это было главное, иначе все остальное — освобождение — будет невозможно. Этим революционным призывом к действию, простым признанием их человеческого достоинства Ганди снискал неиссякаемую благодарность масс — главный источник своей феноменальной популярности.

«Действием в национальном масштабе... он пытался превратить их из робкой массы, лишенной моральных сил и надежд, помыкаемой и угнетаемой властями, в народ, который уважает и верит сам в себя, противится тирании и способен действовать и жертвовать собой ради дела. Он помог им задуматься об экономических и политических вопросах; каждый поселок, каждый рынок гудел от разговоров и споров о новых идеях, все были полны надежд», — писал Неру в эссе «Индия и мир».

Так началась революция, совершенная Ганди, который не мог смириться именно с положением парии. Существование людей, с рождения обреченных на унижения и угнетение, — неприкасаемых — было, по его мнению, главным извращением индуизма и всего индийского общества. Иногда он даже, к великой скорби националистов, ставил борьбу с неприкасаемостью выше независимости. «Я не хочу родиться заново. Но если это должно произойти, я хотел бы оказаться среди неприкасаемых, чтобы разделить их печали, их страдания и оскорбления, которые им наносят. Тогда мне, возможно, представится случай освободить их и себя от этого жалкого состояния»^[163]. Индия не сможет освободиться, пока не избавится от этого позора, пока парии не станут свободны. Ибо чтобы обрести самостоятельность, страна должна прежде победить «проклятие», печать которого несет.

Примечательно, что в борьбе за освобождение Ганди старался в корне изменить некоторые ценности, глубоко укоренившиеся в обществе, изменить ориентиры, возвысив то, что считалось низким, и принизив то,

что стояло высоко: попасть в тюрьму больше не считалось позором, наоборот, это стало почетно (и самые видные индийцы будут соперничать за то, чтобы угодить за решетку), а вот награды, почести, присуждаемые обществом, превратились в позорную печать: их торопились вернуть или хотя бы спрятать, сам Ганди отослал обратно медали, полученные за свою борьбу в Южной Африке. «Уважение народа к титулам, дарованным Англией, исчезло; они превратились в символы деградации.

Установились новые критерии и новые ценности; пышность и помпезность двора вице-короля и князей, ранее производившие столь сильное впечатление, вдруг показались нам совершенно нелепыми и вульгарными, даже достойными презрения, поскольку были окружены нищетой народа»^[164].

Этот революционный дух (почувствованный англичанами, поскольку они запретили «Хинд сварадж») Ганди, который теперь развернулся в полную силу, старался привить своему народу, нападая на все области, где царило угнетение: образование, правосудие, политику, экономику, отвергая, например, английский текстиль и дух чрезмерной конкуренции, который он породил. Теперь уже не было речи о том, чтобы выискивать хорошие стороны системы и надеяться исправить дурные: у каждого режима есть свои положительные моменты, даже у правления Нерона или Муссолини, но «как только было решено прекратить сотрудничество с системой, следует отвергнуть всё... Благодетельные учреждения английского правительства — словно змея из басни, увенчанная короной из самоцветов, но источающая яд из своих клыков»^[165].

И все же, несмотря на разрыв, Ганди не пропагандировал антибританских настроений, в этом одна из его глубоко оригинальных сторон. Учреждения сравнивали с ядовитой змеей, но к их руководителям не испытывали ненависти. Ганди видел в них не только представителей системы, но обычных людей, с которыми он мог поддерживать хорошие отношения, даже дружбу — принципиальное отношение, питаемое надеждой: привлечь их на свою сторону, чтобы избежать нарастания репрессий и насилия.

Сварадж через год

Предлог для второй кампании, проводившейся Ганди, гораздо большего размаха, чем предыдущая, подало так называемое халифатское

движение в 1919 году. После вступления в войну Турции на стороне Германии в 1915 году у Антанты возникли трудности с мусульманскими странами, находившимися под влиянием союзников, и эти проблемы четко оформились к концу войны, когда велись переговоры. Чтобы успокоить индийских мусульман, солидарных с турками, английское руководство уверило их, что прерогативы Турецкого халифата (правители Османской империи носили титул халифов — предводителей верующих) будут соблюдены. Однако в 1919 году поражение Турции в войне привело к ликвидации Османской державы на Ближнем Востоке. От ее расчленения выиграла главным образом Великобритания, и индийские мусульмане, считая себя преданными британцами и разделяя чувство унижения, которое испытал халиф, теперь поняли обиду индусов на англичан (недавний доклад Хантера подлил масла в огонь).

Ганди увидел в этом случай, ниспосланный небом, чтобы объединить индусов и мусульман в общей борьбе: он всегда стремился поддерживать этот союз, на котором зиждилась, как он думал, независимость страны. Кроме того, это сближение предоставило бы ему желанную основу для утверждения среди индийцев его методов ненасильственной борьбы.

24 ноября 1919 года во время совещания, о котором Ганди упоминает в рассказах о своих опытах истины, было принято несколько резолюций; в одной из них содержался призыв к обеим общинам принести обет свадеша^[166] и бойкотировать иноземные товары. Именно в этот момент на Ганди, который, разумеется, при сем присутствовал, снизошло вдохновение. Он не знал, ни чего конкретно он хочет, ни как это выразить, потому что ему еще не хватало точных слов для описания новых понятий. В конце концов, чтобы выразить еще смутную идею, все последствия которой пока не были ему ясны, ему на ум пришло слово «несотрудничество» — калька с английского. Единственный способ по-настоящему сопротивляться правительству — перестать с ним сотрудничать.

Свою программу несотрудничества Ганди представил на внеочередной сессии Индийского национального конгресса в Калькутте в 1920 году. Если выполнять всё, что он скажет, свараджа можно будет добиться в течение года («не просто неразумное, но ребяческое обещание», по мнению Субхаса Чандры Бозе^[167]). Голосование окончилось в пользу Ганди, но с очень небольшим перевесом. В общем и целом предстояло бойкотировать колониальные институты власти и европейские товары, то есть нанести ущерб экономическим интересам Великобритании — нерву войны — и

парализовать правительство. На практике нужно было действовать поэтапно. Первым делом — бойкот британских школ (вместо них будет предложено отдавать детей в национальные школы, образование в которых будет подлаживаться под местную специфику); бойкот судов (споры будут улаживаться полюбовно); бойкот товаров иностранного происхождения; бойкот новых законодательных собраний, созданных по реформе Монтегю — Челмсфорда^[168]. Потом, на следующем этапе, бойкот налогов, которые больше не станут платить; бойкот армии и полиции, откуда будут дезертировать. И конечная рекомендация: вернуться к ручному прядению и ткачеству, что позволит возродить ремесла в деревнях и даст работу умирающим с голоду крестьянам. Еще одна выгода ручного труда: привить каждому смирение и самообладание — типично гандиевские добродетели. «Кхади», то есть ткань, изготавливаемая вручную, превратилась в лозунг. Простое слово символизировало освобождение от экономической опеки англичан. Наряду со свараджем, означавшим политическую независимость, оно стало вторым словом, которые Ганди использовал, взаимно заменяя (как «Бог» и «истина»), чтобы говорить просто о сложных и обширных замыслах.

Кроме того, в программе делался акцент на уничтожение неприкасаемости и на союзе между индусами и мусульманами.

Ганди объявил, что несотрудничество вступит в действие 1 августа 1920 года, после дня поста и молитв. В тот день умер Тилак, единственный настоящий соперник Ганди, оставив ему в удел политическую арену. Несомненно, Махатма лишился своего «самого надежного заслона», как он напишет, узнав об этой смерти, но одновременно он превратился в бесспорного лидера индийского национализма, лидера конгресса, в символ независимости. Отныне у него была свобода действий, поддержка молодого, замороженного им поколения, крупных промышленников и торговцев, которые считали его способным избавить их от английской экономической опеки (при этом не осуждая его «обскурантистскую» идеологию), и, на данном этапе, поддержка мусульман.

Он тщательно спланировал движение по областям, по этапам, чтобы избежать дезорганизации и насилия. Находясь в самом центре, прислушиваясь к народу, будучи связан с ним сверхчувствительными щупальцами, он улавливал глубинное клокотание и излучал энергию, необходимую движению, которая доходила до самых отдаленных ответвлений, — энергию и убежденность, без которых он не мог бы требовать столь больших жертв.

«Эта программа полностью отличалась от того, что до сих пор

предпринимал Индийский национальный конгресс; по правде говоря, она была внове для всего мира, ибо сатьяграха в Южной Африке действовала в ограниченном пространстве». «Ветераны» из конгресса колебались. Но самые молодые, как и простые люди и индийские массы, горели воодушевлением. «Ганди их почти загипнотизировал, и криками “Махатма Ганди, ки джай!” они приветствовали новую ненасильственную библию несотрудничества. Мусульмане были такими же восторженными, как и все прочие... Вскоре рвение масс и первые успехи движения привели к ним и “стариков” из конгресса...» — писал Неру, которому тогда едва исполнилось 30 лет, — блестящий молодой человек, только что выпущенный из английского университета^[169].

Дебют Ганди в политике

До сих пор, как говорит Ганди, он желал быть в Индийском национальном конгрессе «простым бойцом», поскольку хорошо умел собирать средства (он шуточно называл эту деятельность «дойная корова» и в этой области мог уступить первенство только «принцу нищих») и изъясняться четко и ясно, обходясь минимумом слов, — привычка, приобретенная долгой практикой. К этому следовало добавить замечательный организаторский дар. Однако Индийский национальный конгресс был слишком ограничен своим уставом, завещанным Гокхале, чтобы справляться с новыми сложными ситуациями. Поэтому Ганди поручили два дела: собрать средства для Фонда свараджа имени Тилака (названного в честь покойного лидера) и написать новый устав. Результат принес ему некоторое удовлетворение. С одной стороны, удалось собрать значительную сумму, чтобы подвести под движение финансовую базу; с другой — он превратил конгресс в структурированную организацию с властной вертикалью, обладающую мощным исполнительным аппаратом и широкой базой, с множеством местных и региональных комитетов, — структуру, способную вести масштабные кампании. «Я горжусь этим уставом... Взвалив на себя такую ответственность, я по-настоящему начал свою политическую деятельность в Индийском национальном конгрессе». А главное — конгресс перестал быть учреждением, открытым лишь для среднего класса, приверженного английской культуре, и распахнул свои двери перед сельским населением, уровень политического сознания которого был теперь очень высок. «Ганди впервые попал в Индийский национальный конгресс и тотчас полностью перестроил его структуру. Он

превратил его в массовую демократическую организацию... Отныне туда хлынули крестьяне, и в своем новом виде конгресс стал походить на массовую крестьянскую организацию с налетом среднего класса»^[170].

Сельские жители получили доступ к политической деятельности. Новые лидеры, происходившие из зажиточных крестьян и привлечшие к «национальному движению огромный мир местных властных сетей», имели тем большее влияние на массы, что, следуя примеру Ганди, демонстрировали в своей политической деятельности стойкость и религиозную самоотверженность, поражающую воображение. Именно сакрализацией политической позиции частично объясняется то, что столько разных интересов слились в одной националистической организации, а классовые противоречия до поры до времени затихли. Единство превыше различий: «Ганди как будто околдовал все эти классы, группы людей, увлек за собой и смешал в одну пеструю толпу, которая боролась за одно и то же»^[171].

Пересмотренный устав был принят на сессии в Нагпуре. Некоторые делегаты, смущенные явлением народных масс, не хотели его принимать (в частности, Джинна, лидер мусульман, блестящий адвокат из Бомбея, всегда элегантно одетый, весьма англазированный, всем нутром противостоящий Ганди, — о нем говорили, что он использовал религию для достижения своих безудержных политических амбиций). Но по всей стране прокатилась волна солидарности. С этого дня и до самой своей смерти в 1948 году, периодически уходя в тень, но всегда держа «руку на пульсе», Ганди сохранял за собой главенствующее влияние в Индийском национальном конгрессе.

«Крестьянин»

Интеллектуальная элита порой неохотно шла за Ганди, и это неудивительно. По словам Неру, хотя Ганди и не был крестьянином, он представлял сельские массы Индии: «Человек могучего ума и широких взглядов; очень человечный, но при этом аскет, который научился владеть своими страстями и эмоциями, сублимировать их и направлять в русло духовности; наделенной поразительной личностью, он притягивал людей, как магнит... всё это выходит далеко за рамки крестьянской натуры», и все же, «несмотря на всё, это был великий крестьянин, человек, по-крестьянски смотревший на дела этого мира, который был и по-

крестьянски слеп к некоторым аспектам жизни»^[172].

В общем, упрямство, ограниченность, которую он сам за собой признавал, — этот «архаизм», за который его часто упрекали (хотя его религиозные и социальные идеи, отнюдь не цепляясь за прошлое, были, напротив, глубоко новаторскими, примиряя старое и новое — предлагая «новый язык в общественной жизни и новый набор политических и социальных ценностей», преобразуя обряды и институты, которые определяли собой самобытность и статус). Но именно это сходство с сельским населением («Индия, даже городская, даже новая промышленная Индия, несет на себе отпечаток крестьянства») превращало Ганди, по словам Неру, в «кумира и любимого вождя». Что касается интеллигенции, то мало кто тогда ясно осознавал, какие потрясения он вызовет к жизни. Разумеется, они отделились от крестьянских привычек: «Старый образ мыслей, древние костюмы, религия наших отцов — всё это стало нам чуждо. Мы были “современными” и мыслили категориями “прогресса”, индустриализации и повышения уровня жизни. Мы считали точку зрения крестьян реакционной; все больше и больше людей с надеждой обращались к социализму и коммунизму. Как же мы пришли к политическому объединению с Гандиджи, как превратились в его усердных учеников?»^[173]

Да, как? Конечно, нужно учитывать его личность, его харизму, его способность подладиться под любого. Его магнетизм — «эту неопределимую, странную силу, которая напрямую воздействует на души других людей». Но такого объяснения недостаточно. «Его противники были не согласны с его жизненной философией, даже с большей частью его идеалов. Зачастую они не понимали его»^[174].

И как же тогда? Возможно, секрет частично заключается в действии: после стольких лет бессилия и бездеятельности — наконец-то выход для энергии; после косности руководителей, опутанных своими предрассудками, воспитанием, идеалами, — наконец-то человек, наделенный большой способностью к политическому творчеству и призывающий к действию. «Действию мужественному и энергичному в сиянии этики, которое оказывало неотразимое воздействие и на ум, и на чувства». И потом, в мощном воздействии Ганди на массы было что-то убедительное (хотя с тех пор фигура политического лидера утратила свою притягательность, нужно представить себе ту эпоху и подумать о том, что Ганди использовал свое влияние не для того, чтобы прийти к власти, которой не желал, не для того, чтобы стать тираном, — миллионы смертей, массовое убийство: все главные варварства современной истории

свершились при его жизни — а чтобы исполнить свою «миссию служения»). «У нас всегда было такое чувство, что, хотя мы мыслим более логично, Ганди знает Индию гораздо лучше нас». Это знание было необходимо для действия. И если отринуть его «эксцентричность», оставалось главное — воля к переменам. Неру, признавая эту смущающую двойственность, утверждает: «Несмотря на свои крестьянские представления, это был прирожденный бунтарь, революционер, желавший глубинных потрясений, и никакой страх перед последствиями не мог его остановить»^[175]. (Этот подрывной характер распознали индусские консерваторы, и в том числе убийца Ганди, несмотря на «внешне безобидную простоту его утверждений».)

И вот, несмотря на спорные выражения, например, «рам радж» — золотой век, к которому надо вернуться, — несмотря на всю эту религиозную терминологию (в которой они предпочли увидеть «способность достучаться до сердца народа») и акцент на душевных качествах вместо конкретной программы, интеллигенция, убежденная эффективностью его ненасильственных методов, в первое время примкнула к Ганди.

Со своей стороны, Ганди, не выступая против нее, не доверял ей роли передового отряда народных защитников, которую она охотно себе приписывала, опасаясь, что эти активисты с «передовыми взглядами» и «побудительными мотивами идеологического порядка постараются утвердить собственное главенствующее положение от имени бедных и эксплуатируемых». Поэтому, как утверждает философ, социолог и публицист Ашис Нанди, подробно изучивший отношения Махатмы с интеллигенцией, анализируя политическую подоплеку его убийства, «первое, что он предпринял, было дезинтеллигизировать индийскую политическую жизнь». С этой попыткой могло быть связано и использование его терминологии, одновременно новой и древней, которая так удивляла и зачастую раздражала людей его круга. Он отдавал предпочтение массам, позаимствовав «у небрахманских кругов, купцов и крестьян из низших каст множество их культурных особенностей», которые он выдавал за подлинный индуизм (Нанди называет это «поставить некоторые маргинальные аспекты индусской культуры в самый центр этой культуры»).

Наметив себе множество самых разнообразных задач, он оказался в неустойчивом положении по отношению к интеллектуальной элите, и это подорвало его позиции. Сознвая его власть над народом, руководители конгресса порой использовали его, а потом тактично игнорировали, когда

его приоритеты слишком отдалялись от их собственных. Но он приспособивался к этим взлетам и падениям с улыбчивым реализмом, довольный тем, что его отодвигали в сторону, лишь бы не мешали продолжать дело всей его жизни — строить ненасильственное общество разнообразными способами, не обязательно связанными с политикой, — и зная, что, как опытный политик, он снова встанет у руля, когда сочтет нужным.

Но в 1920 году, раззадоренная новизной его взглядов, элита с воодушевлением последовала за ним, отрекшись от денег, медалей и положения в обществе, даже борясь за честь пойти в тюрьму. «Боже! Какой опыт! Во мне столько любви и привязанности к простым людям, теперь для меня честь быть среди них. Плащ факира снес все преграды», — писал из своего поселка бывший председатель судебной палаты, помолодевший, как он говорил, на 20 лет. Ему вторил Мотилал Неру, отказавшийся от престижной должности адвоката и роскошного образа жизни: «Какое падение, друзья мои! Но на самом деле я никогда еще не наслаждался жизнью лучшим образом». Счастье было в необладании, внутренней свободе в четырех тюремных стенах. Тысячи людей прошли через этот опыт. Ими овладело лихорадочное стремление к самопожертвованию. «Я почти забыл о своей семье, жене, дочери», — напишет Джавахарлал Неру.

ГОДЫ БОРЬБЫ (1920–1928)

Ганди постоянно был в дороге. За семь месяцев он изъездил всю Индию — по жаре, во влажном климате. В неудобных поездах, которые день и ночь осаждала толпа, желавшая его увидеть: для них это было равноценно паломничеству в священный город Бенарес. Однажды жители одного глухого поселка заявили, что, если поезд Ганди не остановится на их полустанке, они лягут на пути, и пусть их переедут. Поезд остановился, в полночь появился разбуженный Ганди. Прежде шумная толпа упала на колени и заплакала. По другой, менее назидательной версии этого известного происшествия, народ не застыл в благоговейном молчании, а наоборот, ввалился в купе, где спал несчастный Ганди, с горящими факелами в руках и вопя во всю глотку: «Махатма Ганди, ки джай!» Изъявления любви изнуряли ее предмет. «Их радость — моя боль». По-прежнему он продолжал верить, что, несмотря на все это, несмотря на присвоенный ему титул, он — ничто.

«Если до сих пор это бремя не раздавило меня, то лишь благодаря чувству, что я ничто и потому что я осознаю свою ограниченность»^[176].

Смирено быть никем: «Как только начинаешь воображать, что ты что-то из себя представляешь, начинается эгоизм». И все же любовь и поддержка масс были необходимы для его миссии.

Он, не обладавший ораторским даром и зычным голосом, обращался к огромным собраниям, иногда из более сотни тысяч человек, которые, конечно, не могли его расслышать, но все же надеялись, что на них снизойдет его дух. Вместе с Мухаммедом Али^[177] он советовал людям отказаться от одежды иностранного производства. Почему бы не избавиться от нее прямо сейчас? Сложим в большую кучу и сожжем (точно так же он поступил со свидетельствами о регистрации в Южной Африке). Рубашки, пиджаки, брюки, шляпы, носки и нижнее белье (в некоторых случаях люди оставались голышом) — импортные товары горели ясным огнем, а Ганди проповедовал о возвращении к прялке: надо не покупать фабричную продукцию, пусть даже и индийскую, а учиться прясть и ткать, чтобы одеваться самим.

Поэт Тагор пришел в ужас от этих аутодафе. Ему они казались шагом назад, противоречием духу науки, двигателю прогресса, расточительностью под воздействием старых предрассудков. В своем желании «вернуть разум на отобранный пьедестал» он выступал против

сверхъестественного, мистических откровений и прочей чуши, одолевавшей Индию, а такие поступки способствовали регрессу. «Прясть и ткать» — это что, «призыв нового века»?

Тем временем Ганди каждый день пряд, сидя за своей прялкой (по его собственному признанию, до возвращения из Южной Африки в 1915 году он ни разу не видел этого инструмента). Это был ритуал, причастие, молитва. Ритм колеса прялки сочетался с монотонным повторяющимся напевом: «Рама, Рама, Рама...» Скоро каждый начнет прясть и каждый облачится в кхади. Он нарисовал флаг Индийского национального конгресса: в центре — ручной чарх (прялка). В сентябре 1921 года, чтобы носить только кхади и достигнуть еще большей простоты, он в очередной раз сменил свое одеяние и стал носить только набедренную повязку — «костюм нищего». Его друзей это удивило и позабавило, как и лондонские толпы в 1931 году, когда он, несмотря на холодную пасмурную погоду, показался на улице в таком минималистском облачении.

Полунагота. Она объединяла его с народом, с теми, у кого не было ничего. Своим телом он зримо, непосредственно примыкал к страданиям других, равно как и своими повторяющимися постами, которые дважды чуть не уморили его. Благодаря отсутствию признаков богатства на своем теле он становился таким же бедняком, как они, его нельзя было отличить от нищего, поскольку у него ничего не было. Применять в собственной жизни принципы, которым он учил: «верить и делать». Одно переходит в другое. Любить и разделять — это тоже сопряженные понятия. Переживать всем своим телом (а это единственный способ полностью проникнуться идеей), чувствовать своей плотью положение отверженных. Народ не ошибся, разглядев в его наготе выражение любви и доверия. Тагор смирился: «Махатма Ганди появился на пороге миллионов обездоленных в Индии, одетый, как они, говоря на их собственном языке... Кто еще так же безраздельно принимал огромные массы индийского народа, как *собственную плоть и кровь!*.. Как только в двери Индии постучалась любовь, они распахнулись настежь. Всякая внутренняя скупость исчезла». Тагора восхищало «открытие самого себя через страну»: «Умы, изглоданные ложью, неспособны понять смысла великой любви, возженной в сердце народном любовью Махатмы».

Спорный символ

Пока народ вместе с Ганди восходил к вершинам любви, как

реагировало британское правительство?

Поначалу оно притворялось глухим, полагая, что столь абсурдный план, как несотрудничество, рухнет сам собой. В апреле 1921 года лорд Рединг сменил лорда Челмсфорда на посту вице-короля. В сентябре братьев Али арестовали за разложение индийских войск. Тотчас был подписан манифест, призывающий каждого солдата или гражданского, работавшего на правительство, отказаться от своей должности.

Столкнувшись с мятежом, Великобритания пустила в ход мощный аргумент: послала в Индию принца Уэльского^[178]. Вот тогда-то движение и показало всю свою мощь. Принца и его кортеж проигнорировали точно так же, как бойкотируемые английские товары: 17 ноября 1921 года состоялся массовый хартал, Бомбей словно вымер, принца и его свиту никто не встречал; протест ударил по символу королевской власти. Были даже беспорядки (58 погибших, 381 раненых). Увидев это, Ганди, который в тот день жег английский хлопок, решил голодать, пока беспорядки не прекратятся. Пять дней. Страсти улеглись.

Правительство решило применить репрессии. В декабре 1921-го — январе 1922 года около тридцати тысяч человек были брошены в тюрьмы, каждый день — в тюрьме и вне ее — индийцев наказывали кнутом. Ответ правительства был «суровым, диким, примитивным, жестоким», как выразился Ганди. Прессе зажали рот, собрания запретили. Однако националисты не унимались, требуя новых действий, со всех сторон осаждая Ганди, которого конгресс наделил в декабре 1921 года всей полнотой полномочий.

Тогда тот предложил начать массовую акцию гражданского неповиновения (которая была бы большой политической встряской), но в одном отдельно взятом регионе, а не в общенациональном масштабе: в районе Бардоли, в окрестностях города Сурад в штате Гуджарат. 1 февраля 1922 года, как обычно, Ганди учтиво поставил вице-короля в известность о своих планах. Нужно сделать выбор между «массовой акцией гражданского неповиновения и незаконными репрессиями против законных действий народа». На этот ультиматум было отвечено, что на самом деле выбор между отсутствием законов, с соответствующими последствиями, и «соблюдением принципов, лежащих в основе любого цивилизованного правления».

Бардоли: конечно, всего один регион, но зато дисциплинированный, полный решимости и ненасильственный. Но 5 февраля в Чаури-Чаура, небольшом городке за 1300 километров от Бардоли, разбушевавшаяся толпа разорвала на клочки и сожгла живьем полицейских, стрелявших по

процессии после некоего инцидента, когда у них уже не было оружия. Известие об этом зверстве настолько потрясло Ганди, что он решил приостановить кампанию в Бардоли. И снова его послушали. Очередное доказательство необычайного морального авторитета, который он приобрел.

Но что сказать о членах конгресса? Эта внезапная остановка, когда они уже собирались укрепить свои позиции и продвинуться на всех фронтах, как сказал молодой Неру, сидевший тогда в тюрьме, привела их в ярость и замешательство. Правительство могло само спровоцировать эти беспорядки, чтобы доказать неэффективность сатьяграхи. Неужели мы остановимся на полпути из-за вспышек насилия на окраинах? Неужели какая-то «глухая деревня и группка возбужденных крестьян» положат конец борьбе за свободу целой нации? Неужели все эти жертвы принесены зря? А тюрьмы, где до сих пор прозябают сотни сатьяграхов? К чему эти огромные усилия, если мы готовы всё бросить, рискуя отвратить от себя самые преданные войска? Что такое Индийский национальный конгресс: политический институт или место для душевных терзаний? После нескольких месяцев, проведенных в тревоге, правительство, несомненно, переведет дух и перехватит инициативу (в самом деле, Ганди, которого до сих пор не трогали, опасаясь последствий, вскоре будет арестован).

16 февраля 1922 года в «Янг Индия» появилась статья, которую Ромен Роллан, перепечатавший большую ее часть в написанной им биографии Ганди, называет публичным покаянием. «Лучше тысячу раз показаться отступником от истины в глазах света, чем поступиться собственной правдой», — писал Ганди. Он публично наложил сам на себя пятидневный пост. «Я должен подвергнуться личному очищению. Я должен быть в состоянии лучше улавливать малейшие перемены в окружающей атмосфере». Роллан, восхищающийся «таинственной силой этой души, вбирающей содрогания своего народа», видит в этом поступок исключительной нравственной силы, хотя и политически обескураживающий. Ганди не замалчивал этого последнего момента, формулируя проблему в религиозном ключе: «Радикальное изменение наступательной программы, возможно, глупо в политическом плане, но нет никаких сомнений, что это мудро в религиозном плане». Вечно два плана. Он старается реалистичным образом описать опасности, которыми чревато продолжение действия в неблагоприятных обстоятельствах. Сотрясаемая вспышками насилия, Индия еще не готова. Религиозный порядок на самом деле согласуется с политической мудростью. В каждом событии есть высшее значение, примиряющее между собой разные аспекты (те, кто

обвиняет его в двуличии, лучше бы поразмыслили над этой статьей, показывающей, как работает его ум). В своих выводах он опирается на принцип, хорошо знакомый индийцам: «Хотим мы того или нет, этот инцидент доказывает единство всякой жизни». Единство Существа, стоящего над раздорами и расколом. Ибо когда последуют репрессии, отрицательные последствия вступают в цепную реакцию, одни будут расплачиваться за других. Приостановка акции и покаяние разорвут эту цепочку в моральном отношении: они «перенесут нас на то место, где мы были до трагедии».

«Если бы мы не остановились, — писал Ганди Неру, — уверяю вас, мы вели бы не ненасильственную борьбу, а по большей части насильственную». Позже Неру признал: «Почти не вызывает сомнений, что, если бы движение тогда продолжилось, вспышки насилия возникали бы все чаще. Правительство топило бы их в крови, наступило бы царство террора...» Чаури-Чаура стала последней каплей. Ганди почувствовал подземные толчки. «Благодаря долгой и тесной связи с массами он словно приобрел (как это часто бывает с великими народными вождями) шестое чувство; он чувствовал массы, угадывал их поступки, их возможности. Повинуясь своему инстинкту, он соответствующим образом менял свои поступки, а потом пытался облечь свое решение в покровы логики для ошеломленных и разъяренных коллег». Сомнения, внутренние муки. Чарлз Эндриус, большой друг Ганди, повидавший его после волнений в Бомбее, рассказывает, что тот был «растерянный и осунувшийся, словно вышел из долины теней»^[179].

В своей биографии Ганди Роллан приводит длинную цитату из декларации 2 марта 1922 года, когда Ганди остро переживал свой разлад со страной. «Каждый раз, когда народ будет совершать оплошности, я буду в них каяться. Единственный тиран, которого я признаю в этом мире, — “тонкий неслышимый голос” внутри нас. И даже если мне придется остаться в меньшинстве, сведенном к одному человеку, мне достанет мужества остаться в этом отчаянном меньшинстве». Ненасилие лежало на поверхности. «Правительство разжигает насилие своими неразумными поступками. Можно подумать, что оно стремится к тому, чтобы вся страна погрязла в убийствах, пожарах и грабежах, чтобы утверждать, что лишь оно способно с ними сладить». Индия стоит на краю взрыва и хаоса; один лишь страх удерживал толпу, но при малейшей возможности жажда мести вырвется на свободу. «Может ли намеренное ненасилие родиться из вынужденного насилия слабых? Не затеял ли я пустое дело?.. А вдруг, когда разразится ярость, никто не уцелеет? Если каждый поднимет руку на

своего ближнего, к чему тогда мне будет поститься до самой смерти после такого несчастья? Если вы неспособны на ненасилие, открыто примите насилие! Но только не лицемерьте!»

Вскоре Ганди арестуют. «Это была ночь в Гефсиманском саду», — пишет Роллан, продолжая развернутое сравнение с Христом. «Кто знает, не воспринял ли он это в глубине души как избавление?» В своем ашраме, среди учеников, Ганди ждал. Он предвидел арест. Вскоре после молитвы явилась полиция. «Махатма предал себя в их руки».

«Большой процесс»

18 марта в суде Ахмадабада открылся «большой процесс», как его обычно называют. Судья и подсудимый состязались друг перед другом в рыцарской учтивости. Ганди в очередной раз признал себя виновным по всем статьям. Вероятно, это один из самых известных эпизодов в жизни Махатмы, и слова, произнесенные им по такому случаю, объяснение «перемены настроения», когда он из лоялиста превратился в бунтаря, помнят все (в фильме Ричарда Аттенборо «Ганди» эта сцена занимает значительное место).

Обвинение было построено на статьях, недавно написанных Ганди. Это была его реакция на телеграмму лорда Биркенхеда^[180] и Монтегю, выдержанную в обычном спокойно-надменном стиле (безапелляционная манера строить отношения между высшим и низшим): «Если существование нашей империи поставлено под вопрос... если кто-то воображает, что мы намерены уйти из Индии, Индии придется безуспешно сражаться с самым решительным народом в мире, ответ которого будет адекватно суров». В статье, опубликованной в «Янг Индия» 23 февраля 1922 года, Ганди неистовствовал: «Никаких компромиссов с империей, пока британский лев потрясает перед нашим лицом своими кровавыми когтями». Затем он сообщил англичанам, что миллионы индийцев, хилых поедателей риса, полны решимости сами решать свою судьбу, обходясь без британского руководства и оружия. «Еще ни одна империя, опьяненная властью и грабежом более слабых народов, долго не просуществовала... — заметил Ганди. — Сражение, начавшееся в 1920 году, будет продолжаться до конца — месяц, год, месяцы или годы...»

К тому моменту, когда Ганди взял слово, он больше не сомневался и не колебался; тревога, испытываемая в последние недели по поводу того, справедливы ли принятые решения, развеялась; он был тверд и спокоен. Он

зачитал письменное заявление.

«Моя общественная деятельность началась в 1893 году в Южной Африке. Мое первое соприкосновение с британскими властями в этой стране было не самым удачным. Я обнаружил, что как человек и как индеец не имею никаких прав. Более того, я обнаружил, что не имею никаких прав как человек, потому что я индеец...» Но тогда он не обозлился на правительство, полагая, что дурное обращение с индийцами было упущением со стороны хорошей по своей природе системы. Он стал критиковать это правительство за допускаемые перегибы, не желая при этом его уничтожения. До 1919 года он выступал за сотрудничество. Но правительство само оборвало узы со своими подданными. Теперь Ганди пришел к убеждению, что сами реформы, предлагаемые Англией, будут смертельны для Индии. Правительство зиждется на эксплуатации масс. Законы пишутся ради этой эксплуатации. Тщательно продуманная и эффективная система запугивания унизила народ, обучила его притворству. Индия разорена, она голодает и опускается; кое-кто говорит, что прежде чем она дорастет до самоуправления в качестве доминиона, сменятся несколько поколений. Ни одно правительство из тех, что угнетали Индию в прошлом, не причинило ей столько зла, как Англия. Несотрудничество с преступностью — это долг^[181]...

Ганди принимал на себя вину за «дьявольские преступления в Чаури-Чаура», за «бесчинства в Бомбее»... Да, он несет ответственность, и поскольку проповедование нелюбви к нынешней системе правления стало его страстью, он не просит для себя снисхождения, наоборот, просит назначить ему самое суровое наказание за то, «что считается по закону умышленным преступлением, а мне кажется первым гражданским долгом»; если судья считает, что служит справедливой системе, то его долг — вынести самый суровый приговор.

Под конец последнего слова судья Брумфильд склонился перед подсудимым. И тут начался исторический словесный поединок.

«Вынести справедливый приговор, — сказал судья, — возможно, самая трудная задача для судьи в этой стране. Нельзя отрицать тот факт, что вы принадлежите к иной категории людей, отличной от тех, кого мне приходилось судить и еще придется.

Нельзя забыть о том, чем вы являетесь для миллионов людей, — великим вождем и патриотом. Но даже ваши политические противники считают вас человеком высоких идеалов, благородным, даже святым».

Судья учтиво осведомился у Ганди о том, какому наказанию его подвергнуть. Шесть лет? Но если правительство сочтет уместным

сократить этот срок, он, судья, будет только рад. Ганди встал и сказал, что это самое легкое наказание, какое только может определить ему судья, и что никогда еще за все время процесса он не сталкивался с большей учтивостью. Все прошло по старинным законам рыцарства. Противоборствующие стороны действовали на равных. Друзья Ганди с плачем упали к его ногам. Пока его уводили в тюрьму, Ганди улыбался.

«Мы должны расширить ворота тюрем и входить туда, как новобрачный входит в спальню в брачную ночь».

Операция и пост

Кастурбай объявила эту новость в полном достоинства послании, прося теперь спокойно сосредоточиться на конструктивной программе Ганди. В это время Ганди в тюрьме был счастлив (по словам Чарлза Эндрюса). Он просил, чтобы к нему туда не приходили, оставили одного. Он молился, занимался самоочищением, каждый день пряд на своей прялке. Приговор был принят спокойно. Индия, которая в 1919 году воспламенилась, узнав об аресте Ганди, на сей раз хранила молчание. Вместо того чтобы увидеть в этом успехи ненасилия, лорд Рединг рассудил, что Ганди из-за неразумной крутой перемены утратил доверие населения, «загнал себя в тупик как политик» — вот вам пример непонимания из-за различия культур. Сын лорда Рединга думал так же: «Тот факт, что г-на Ганди упрятали за решетку, как любого другого смертного не в ладах с законом, нанес серьезный урон его авторитету»^[182].

12 января 1924 года Ганди спешно перевезли из тюрьмы Еравда в больницу Пуны. У него был острый приступ аппендицита, требовалась срочная операция. Когда об этом стало известно, вся Индия «обезумела от тревоги». Председатель Индийского национального конгресса Мохаммед Али велел всем молиться за его здоровье. Со всех сторон раздавались требования освободить Ганди. Его жизнь тогда висела на волоске, и англичане опасались, что он умрет, находясь у них в руках. Тогда вся Индия восстанет. Из соображений политического и медицинского порядка его выпустили на свободу 4 февраля.

Индия праздновала его освобождение: день благодарственных молитв, митинги тридцати тысяч человек в Бомбее, шествия и ликование, «потoki любви пролились на Ганди». Ромен Роллан описывает его лежащим на больничной койке, «как всегда, спокойным, полным самообладания, принуждающим себя подолгу беседовать с посетителями. Он осунулся,

сморщился... Но слыша его мягкий спокойный голос, говорящий ласково и учтиво, каждый был тронут до глубины души его безмятежностью... До тюрьмы чувствовалось, что он, несмотря на свою душевную силу, был удручен заботами. Теперь на него снизошло просветление».

В его отсутствие разногласия в конгрессе еще более обострились. Вспышка энтузиазма 1919–1920 годов угасла, иссяк великий порыв единства. Лишившись брошенных в тюрьму вождей, организация утратила свой авторитет, и сельские лидеры, не питая к нему доверия, выходили из конгресса, тем самым отвращая от него массы. К этим застойным явлениям добавился раскол: в 1924 году Мустафа Кемаль ликвидировал халифат, смысл священного союза против англичан исчез, и застарелый антагонизм между индусами и мусульманами разгорелся с новой силой; между общинами все чаще возникали столкновения; каждая религия настаивала на своих особенностях (в речах Ганди было много отсылок к индуизму: пришествие Рам Раджа, царство Бога на Земле; ислам же, со своей стороны, обрел новую силу под влиянием Джинны, укрепившего лигу). Сам конгресс разрывался между сторонниками жесткой линии (ортодоксальными гандистами, противившимися переменам) и более примирительной стратегии, считавшими нужным пересмотреть решение о бойкоте выборных собраний (свараджистами под руководством Читтаранджана Даса^[183] и Мотилала Неру).

Картина вырисовывалась мрачная: кампания погрязла в насилии; множество «последователей» Ганди теперь высвободились из-под его влияния. Многие его союзники, привлеченные в 1920 году его новаторским методом, теперь были убеждены, что на самом деле этот метод связывает их по рукам и ногам, мешая применить более эффективную стратегию.

Освободившись, Ганди понял, что политическая атмосфера изменилась. Во избежание еще больших осложнений он, прекрасно умевший оценить соотношение сил, подписал договор с Неру и Дасом, согласившись, таким образом, на определенные уступки, которые были восприняты его сторонниками почти как поражение. Вице-короля это позабавило: «Ганди теперь тащится за Дасом и Неру, хотя те и стараются изо всех сил уверить его в том, что он входит в руководство». Подобное замечание «выдавало страшное невежество англичан в отношении индийского общественного мнения», и Неру подтверждает: «Популярность Ганди среди народных масс не пошатнулась ни на секунду»^[184].

С точки зрения Ганди, главным злом было ухудшение отношений между индусами и мусульманами. На страницах «Янг Индия» (один

выпуск был целиком посвящен этой проблеме) он утверждал, что напряженность между двумя общинами никогда не приняла бы таких форм, если бы люди по-настоящему постигли его метод. Ибо ненасилие — не только путь к политическому освобождению страны, но и к межобщинному миру.

Несмотря на призывы к благоразумию, спокойствие восстановить не удавалось. В сентябре 1924 года в Кохате^[185] вспыхнул бунт, 155 индусов погибли, все индусское население было изгнано из города. Ганди был сражен. Возрожденная им энергия имела разрушительные последствия. Тогда, охваченный тоской, он отказался от пищи — обычное средство, используемое им в несчастье. Реакция страны последовала незамедлительно. В Дели состоялось совещание в пользу объединения: 300 делегатов, собранные вместе главные лидеры страны, принятые резолюции — мощный порыв доброй воли. И через 21 день, под чтение Корана и Упанишад на фоне христианских песнопений, Ганди прекратил свой пост. Но не питая иллюзий. Вожди обеих общин дрались, подобно двум собакам из басни, не за кусок мяса, а за его отражение в воде.

Возвращение к корням

В последующие годы Ганди отошел от политических споров. Он посвятил себя решению первостепенной задачи, которая, по его словам, была залогом независимости: восстановлению страны. Лечению болезни в зародыше.

«Я буду трудиться над созданием Индии, в которой самые бедные будут чувствовать себя дома, в своей стране, где они смогут сказать свое слово, где больше не будет ни высших, ни низших классов, Индии, где все общины будут жить в совершенной гармонии... В этой Индии больше не будет места проклятию, каким является положение неприкасаемого, пьянству и наркомании... Женщины будут пользоваться такими же правами, что и мужчины... Вот о какой Индии я мечтаю»^[186].

Обычно исследователи быстро проскакивают через периоды, когда Ганди уходил в сторону от публичной жизни, — медитации в ашраме, годы в тюрьме, месяцы или недели на больничной койке, — считая, как во времена английского управления, что это были периоды бездеятельности и пустоты. Министр по делам Индии лорд Биркенхед писал в 1925 году с мрачным удовлетворением: «Бедняга Ганди решительно мертв! Он так же

жалок со своей прялкой, как последние трубадуры со своей лирой, и даже не способен собрать столь же очаровательную аудиторию». Барон Ирвин [187], у которого, однако, было больше общих черт с Ганди, считал, что его политическая власть пошла на спад: эта иссякшая и «ныне далекая сила существует в разреженной атмосфере, чуждой реальному положению дел», более интересуясь социальными проблемами, чем политикой.

И все же такие отступления на самом деле были духовным движением вперед. Конечно, они не давали столь ярких результатов, но это были такие же насыщенные, столь же плодотворные моменты, как и те, когда он развивал напряженную деятельность. Со времен тюремного заключения в 1922–1924 годах и до 1928 года он, в самом деле, не фигурировал на первом плане политической жизни. Тюрма, плохое самочувствие, год передышки, которую он сам себе предоставил в 1926 году в своем ашраме Сабармати, соблюдение дистанции и политический компромисс — всё это отдалило его от главенствующей роли, которую он имел в 1920–1922 годах.

Извлекая выгоду из положения, бывшего для него неблагоприятным, он старался обрести равновесие, вернуться к корням. Вспоминал прошлое, работая над автобиографией и «Сатьяграхой в Южной Африке». И размышлял над воспитавшими его религиозными истоками, о чем можно судить по его речам и статьям, написанным в этот период.

Каковы были его приоритеты? Какие выводы он мог извлечь из борьбы в эти последние годы? Копаться в себе было привычным для Ганди. И все же речь шла не только о том, чтобы обрести себя, а о том, чтобы дать новую силу своим идеям, наполнить их надеждой. Еще до того, как попасть в тюрьму, и в еще большей степени после освобождения он заметил, что даже в его окружении дух самопожертвования исчез, в большинстве случаев люди руководствовались личными интересами, а его нравственно-религиозный подход к политике не вызывал единодушного одобрения. Свараджа не удалось добиться за год, как он обещал. Большинство последователей движения несотрудничества примкнули к нему по расчету, поскольку считали его эффективным средством, а не по глубокому убеждению, потому что верили в идеалы ненасилия. Когда он вышел из тюрьмы, между разными политическими фракциями полыхала борьба, раздоры между индусской и мусульманской общинами принимали обостренную форму, предвещая трагедию. Столько тревожных знаков!

Сварадж: конечно, это политическая независимость, но в представлении мечтателя Ганди — прежде всего, состояние совершенства, идеальная, но достижимая Индия. Как же достигнуть идеала? Освободившись от рабства, по-прежнему свирепствовавшего в разных

формах, поскольку религии, смешанные с предрассудками, общество с клеймом неприкасаемости, деревня и женщины были его жертвами. Осуществить союз религий, уничтожить неприкасаемость, положить конец зависимости деревни, повсеместной неграмотности населения, угнетению женщины, детским бракам — вот какова была его программа. И начать с самых насущных проблем — быта: пища, гигиена, одежда — ни одна мелочь не укрылась от его дотошного внимания к повседневным заботам. В его директивах актуальные политические темы стоят рядом с указаниями по поводу чистоты отхожих мест, о том, как садиться, пить, есть, напоминанием о разных режимах питания, о точности в ведении счетов...

Зачастую британцы, когда не считали Ганди хитроумным политиком, видели в нем фанатика, возможно, святого, но, мягко выражаясь, странного, неспособного к здравому смыслу («Вот горе! Что за беда от этих святых фанатиков! Ганди мухи не обидит, и он честен до невозможности, но он с легкостью возьмется за дела, связанные с отрицанием любого правления», — писал в отчаянии один вицекороль). Ганди же справедливо полагал, что он наделен чувством реальности. «Я утверждаю, что я идеалист, наделенный практическим складом ума».

Его сравнивали с великими мистиками — святой Терезой Авильской^[188], святым Иоанном Креста^[189] — но не за мистицизм, а за способность сочетать, как и эти пророки, призыв к созерцанию и потребность действовать, за способность предаваться труду почти с одержимостью. Но, как и эти люди, он познал обратную сторону возбуждения и убеждения — периоды отчаяния, глубокой депрессии и тенденцию к физическому и эмоциональному истощению. Как человек, Ганди был более доступен в периоды намеренного ухода с политической сцены, когда он направлял свою энергию на достижение радикальных социальных преобразований, хотя для него социальные реформы и политическое лидерство были разными аспектами одной и той же деятельности, та же дхарма, то же стремление к истине.

«Жена тысячи пьяниц»

Политическая свобода зависела от экономического прогресса, который зависел от усилий целого народа. То есть от коллективной сознательности, сочетания всех видов деятельности.

В речах и статьях того периода постоянно присутствуют две темы: неприкасаемость и прялка. Конечно, кхадхи упоминался в программе

несотрудничества, но в период, когда Ганди меньше занимался политикой, он возвел прялку в настоящий культ. Прясть было терпеливым и монотонным занятием, как молитва, которая требовала самообладания, необходимого для усмирения страстей, — упражнение в ненасилии. Причуда, думали прозападные индийцы и даже самые ярые его сторонники в Индийском национальном конгрессе.

Эти индийцы, как и британцы (пока не увидели в нем символа мятежа), находили, по меньшей мере, странным навязчивое увлечение архаичным инструментом — прялкой. Просто и те и другие не представляли себе реальной жизни в деревнях. Подавляющая бедность, которую не могла озарить никакая вера в Бога, как говорил Ганди: «Для мужчин и женщин, умирающих с голоду, Бог и свобода — всего лишь набор букв, не имеющий никакого смысла; освободителем для этих бедных людей станет тот, кто принесет им немного хлеба». Безземельные крестьяне, задавленные нищетой, и те, кто по полгода был обречен на безработицу. Их жалкие доходы можно было бы увеличить за счет мелких кустарных производств, считал Ганди: прясть и ткать у себя дома — дело малоприбыльное, но все-таки добавит несколько рупий в месяц к трем рупиям, которые они зарабатывают. Фермер, крестьянин должны прясть из экономических соображений; горожане тоже должны прясть, но уже по моральным или духовным соображениям. Совместно трудиться — значит, стать едиными, познать другого человека, разделив его труд, или хотя бы задуматься о его существовании — о его несчастном существовании. Прялка стала способом частично заполнить пропасть между богатыми и бедными.

Хотя это нельзя было воспринять всерьез как решение основных проблем нашего времени, сказал Неру, оно все-таки имело важное психологическое значение: «Не без успеха он старался навести мосты между городом и деревней, между буржуазной интеллигенцией и крестьянством...» Поскольку одежда влияет на психологию человека, который ее носит, и того, кто на нее смотрит, «облачение в кхадии в его простой белизне подействовало на кичливую вульгарность буржуазного вкуса и усилило чувство общности с массами... Не только бедняки получили от этого моральное удовлетворение»^[190].

Понемногу прялка оказалась в центре экономической программы Ганди, именно на ее основе он намеревался внедрить усовершенствования в плане гигиены, эпидемических заболеваний, скотоводства... тысячи дел, из которых состоит жизнь в деревне, а он ни одним не пренебрегал.

К его рвению примешивалась тоска. Ему не давала покоя деревенская

бедность. Однажды ему посоветовали проявить терпение. «Попросите жену пьяницы проявить терпение, — ответил он. — Я — жена тысячи пьяниц, я не могу терпеть».

Обернув бедра белой повязкой, босиком или в сандалиях, с лучезарной улыбкой на лице он, широко шагая, поднимался на возвышение во время митингов и высказывал свою просьбу: «Я пришел по делу, чтобы собрать средства на прялку. Кто знает, возможно, я здесь у вас в последний раз», — и обходил толпу своих сторонников, прося доказать свою преданность звонкой монетой. Подобно алчному лавочнику, который в сотый раз перепроверяет счета, заботясь о каждой копейке, он собирал деньги и драгоценности, улыбался своим поклонницам, продавал с аукциона дорогие золотые или серебряные шкатулки, а вырученные деньги перечислял в фонды кхади.

В ашраме Сабармати делали прялки (однажды заказов поступило столько, что спрос превысил предложение); на страницах газеты «Янг Индия» печатали списки заслуженных ткачей с точным указанием выработанных метров ткани; на заседаниях конгресса «играли» в прялку: делегаты приносили с собой нечто, напоминающее чехол для скрипки, доставали оттуда складную прялку и быстро сучили нить во время заседания. Ганди ввел новую моду. Все стали носить кхади — «ливрею свободы», по выражению Неру.

Убеждение или власть?

Столь мощная сила воздействия заставляет задуматься. Какого рода властью он обладал? Давление или убеждение? Ганди отказывался от использования силы. Но можно ли было без этого обойтись? Метод, целью которого было «перековать» противника, подчинив его своему влиянию, не мог быть неавторитарным. Надеде ненасилие могло подразумевать под собой крайнее нравственное принуждение. Оруэлл проанализировал позиции Ганди и Толстого: «Кто-то проникает вам в мозг и диктует вам мысли в мельчайших подробностях»^[191]. Неру, исследуя гандиевское ненасилие, сознавал такую опасность, с которой пришлось бороться ему самому: «Можно ли представить себе большее принуждение, чем психологическое давление, благодаря которому Ганди плавил мозги множества своих учеников и коллег?»

Ганди сознавал эту власть, это очевидно; просчитал риски, это тоже ясно, и доказательство тому — его частые предупреждения. «Я хотел бы,

чтобы читатель извлек для себя мораль: никогда нельзя принимать что бы то ни было как истину в последней инстанции, даже если это исходит от Махатмы, если только он не убежден в этом одновременно умом и сердцем»^[192]. Призыв к разуму и к вере. Но порой он считал уместным пустить в ход это влияние, даже злоупотребить им. С близкими он мог быть неумолим.

«Этот мягкий человек (по словам одной ученицы из ашрама) может быть ужасно жестким и бывает таким, особенно с теми, кто дорог ему больше всех. И чем они ему дороже, тем больше он с них требует. Он держит их под неуклонным контролем, простирающимся не только на их слова и поступки, но и на их мысли. Именно к их дурным мыслям он наиболее безжалостен; им даже не нужно сознаваться, он читает в них, вырывает эти мысли из глубины их души еще до того, как они заговорят. Все боятся, но все ласкают его»^[193].

Кузнец человеческих душ, он брал «кусочек необработанного железа» и преобразовывал его в «прекрасный полезный предмет», а этот процесс требовал нескольких «сильных ударов молотом». Но в то же время он побуждал своих учеников к самостоятельности. Его отношения с мисс Слейд служат примером равновесия, тем труднее достижимого, что избыточное поклонение — и у женщин, и у мужчин — ставило под угрозу это ненадежное положение. Мисс Слейд, англичанка, дочь адмирала Слейда и «духовная дочь» Ромена Роллана, бросила все, чтобы последовать за Махатмой, поселилась в его ашраме и стала его приемной дочерью под именем Мира — Мирабен (имя раджпутской принцессы из легенды, влюбленной в бога Кришну). На самом деле, Мира была страстно влюблена в своего учителя и ревниво заботилась о нем^[194]. «Она принесла окончательные обеты в его присутствии, — писал Ромен Роллан. — Она купается в счастье... зная Ганди, приняв его веру, она нашла свой истинный путь»^[195].

Мирабен писала Ромену Роллану 12 ноября 1925 года: «Ах, отец мой, я даже не могла себе представить, насколько он божествен. Я ожидала Пророка, а обрела Ангела». Ангелу пришлось урезонить свою слишком пылкую почитательницу; она не владела собой, когда его не видела; «простое замечание» с его стороны наводило ее на мысли о самоубийстве. Поклонение — это зависимость, которую Ганди считал болезнью.

«Иначе зачем тогда столь остро желать быть рядом со мной? Для чего прикасаться или целовать мои ноги, которые однажды будут холодны, как смерть? Тело — ничто. Истина, которую я представляю собой, перед

вами... Зачем так отчаянно зависеть от меня? Зачем делать всё, лишь бы угодить мне? Почему не помимо меня и даже не вопреки мне? Я не устанавливаю никаких пределов для вашей свободы, кроме тех, на которые вы сами согласились. Разбейте кумира, если можете и хотите...» В конце письма он побуждал ее выйти из транса и больше никогда в него не впадать. Короче, Ганди желал, чтобы люди радостно сражались рядом с ним за более важное дело, а не замыкались мелочно в себе и своей любви: «Я счастлив, когда люди следуют за моими идеями, а не когда они идут за мной». Следовать за идеями — это призыв к пониманию, то есть к рассудку; следовать за человеком — призыв к вере, зачастую слепой. «Я не хочу быть объектом поклонения, на который обращена эта вера, но я определенно хочу верности моим идеям»^[196].

Между влиянием, приобретенным разумом, и давлением со стороны воли трудно провести водораздел, как и между подлинным убеждением и очарованностью учителем со стороны ученика.

Возвращение в политику

В течение 1925 года, согласившись стать председателем конгресса, Ганди разъезжал по стране, проповедуя зачарованным толпам свое «ненасильственное, консерваторское и анархическое кредо». Куда бы он ни направился, везде его осаждали толпы народа. Хорошо знавший его Луис Фишер^[197], впоследствии написавший его биографию, рассказывает, что к вечеру его ноги были покрыты царапинами — знаками поклонения его приверженцев: увидеть его, очиститься, приблизившись к нему, склониться перед ним, дотронуться до него... Собиралось столько людей, что Ганди приходилось обращаться к ним стоя, потом обходить справа, слева, в надежде что люди останутся сидеть и не задушат его, но несколько раз этого избежать не удалось. Его начинали боготворить. Гонды, одно из племен Центральной Индии, поклонялись ему и создали его культ — он сурово отринул этот предрассудок.

В своей жизни ему несколько раз пришлось вот так пересечь всю страну — на поезде, на машине или пешком, медленно или побыстрее, без отдыха.

Неру, сравнивающий его с древними паломниками, одержимыми неутолимой жаждой скитаний, рассказывает, что таким образом он приобрел уникальные познания об Индии, «миллионы людей увидели его и

общались с ним». «В 1929 году он отправился в Соединенные провинции проповедовать кхадхи. Я сопровождал его при случае по несколько дней и хотя уже сталкивался с подобным, не мог не поражаться огромности толп, которые он привлекал. Человеческий рой напоминал тучи саранчи. Пока мы ехали на машине по сельской местности, мы видели на расстоянии в несколько километров толпы от десяти до двадцати пяти тысяч человек, а на главное собрание дня порой являлось более ста тысяч». В те времена микрофонов не было, и эти толпы не могли его услышать, продолжает Неру, но это не было их целью: им было достаточно видеть его. «Ганди произносил краткую речь, чтобы попусту не тратить силы. Иначе он не смог бы жить в таком ритме час за часом, день за днем»^[198].

Эти поездки изнуряли Ганди: три-четыре выступления в день, ночлег каждый раз в новом месте, обильная переписка, которой он никогда не пренебрегал, статьи, которые он писал в дороге, бесчисленные разговоры с мужчинами и женщинами, пришедшими с ним посоветоваться, указания, которые он раздавал по малейшим домашним делам.

В ноябре 1925 года он вновь объявил пост, на сей раз на семь дней. Возмущенная и встревоженная Индия запротестовала: зачем снова голодать? «Общественности придется смириться с моими постами и перестать тревожиться. Они — часть меня самого. Как я не могу обойтись, например, без глаз, так не могу и без постов». Этот пост не имел ничего общего с политикой, он преследовал личную цель; пусть Ганди был «общественным пророком», его следовало принять таким, каков он есть, «со всеми своими прегрешениями», и порой предоставить одиночеству и ограничениям: они были нужны ему, чтобы подумать. «Я — искатель истины. Мои опыты, на мой взгляд, гораздо важнее, чем самые подготовленные экспедиции в Гималаи». Посты приносили ему открытия, о которых он «даже не мечтал».

В декабре 1925 года Ганди, совершенно измученный, провел избрание председателем конгресса своей подруги и ученицы Сароджини Найдуге^[199] и решил удалиться в свой ашрам, чтобы в течение года не вмешиваться в политику.

Он вышел оттуда лишь в декабре 1926 года и снова начал колесить по стране. Семь митингов в день. Порой он ограничивался тем, что поднимал вверх левую руку: каждому пальцу соответствовала цель. «Равенство для неприкасаемых», «использование прялки», «ни алкоголя, ни опиума», «союз индусов и мусульман», «равенство для женщин»; запястье, соединявшее руку с телом, было ненасилием. Иногда, не имея сил говорить

от усталости, он молча сидел перед собравшимися, которых могло быть около двухсот тысяч, и огромная толпа молча молилась вместе с ним; он соединял ладони и благословлял толпу, потом уходил. Упражнение в молчании было еще одним шагом на пути к самообладанию.

Из Калькутты в Бихар и Страну маратхов^[200], потом в Бомбей, снова Пуна, поездом в Бангалор, потом крюк через юго-восток Индии... Вскоре Ганди свалился без сил. Врач диагностировал легкий сердечный приступ и велел соблюдать покой. Он продолжал писать статьи, с юмором предлагал чинить прялки. На самом деле он подстерегал удобный момент, готовился. Его не задевали ни резкие критические выпады в его адрес, ни заботы, но перед принятием важного решения он так терзался, что у него поднималось давление. С самого момента своего выхода из тюрьмы в 1924 году Ганди на самом деле поджидал момент, чтобы начать действовать. Политические игры, в которых увязли его друзья из конгресса, казались ему бесплодными (сваражистская партия к тому моменту утратила иллюзии в отношении методов парламентской борьбы, что способствовало возвращению Ганди в конгресс). Ему нужен был только удобный момент, чтобы возобновить движение несотрудничества.

Британцы предоставили ему такой случай.

2 ноября 1927 года барон Ирвин, новый вицекороль, сменивший в апреле 1926 года лорда Рединга, вызвал в Дели несколько индийских лидеров, в том числе Ганди. Им вручили документ, сообщавший о прибытии комиссии по изучению возможности новой конституционной реформы (под председательством Джона Саймона). Больше всего индийское руководство поразило то, что комиссия полностью состояла из «белых», в ней не было ни одного индийца. Этот демарш походил на вылазку в стан врага — по сути, это было оскорблением. Комиссию решили бойкотировать. По прибытии в Индию Саймон был встречен черными флагами и закрытыми дверями.

Уже в 1930 году положение в корне изменилось. О том, чтобы «не подпускать», и речи не было; велись трудные переговоры. Конечно, индийцы фактически еще не были свободны, но настроения в стране исподволь изменились, слепое повиновение было в прошлом. 1928-й, 1929-й, 1930-й — решающие годы, преобразившие Индию и ее отношения с оккупантом.

Вся долгая борьба Ганди в Южной Африке, вся его терпеливая работа в Индии с 1915 года привели в конечном итоге к победе, одержанной в ходе кампаний на рубеже десятилетия.

АПОГЕЙ (1928–1934)

Бардоли

1928 год, Бардоли. Ганди готовится к сражению — медленно и наверняка. Ему уже под шестьдесят. Шестью годами раньше, в 1922-м, он прервал кампанию гражданского неповиновения в Бардоли из-за убийства полицейских толпой. Именно в Бардоли он решил возобновить сатьяграху 12 февраля 1928 года. Поставить опыт в одном регионе, прежде чем всколыхнуть всю страну.

Цель: отвергнуть повышение налогов на 22 процента, объявленное правительством. Сардар Валлабххай Пател, один из верных соратников Ганди, должен отправиться на площадь и возглавить восстание крестьян. 87 тысяч крестьян вышли на улицу, как один человек, отказываясь платить налог, пока его повышение не отменят. Сборщики налогов конфисковали быков, потом орудия труда, потом кухонную утварь, потом лошадей и повозки, а вскоре и землю... У крестьян не осталось ничего. Они не дрогнули. Ганди писал в «Янг Индия»: «Они потеряли все, что имели, но сохранили то, что человеку дороже всего, — достоинство». Шли месяцы, крестьяне не уступали. Сотни посадили в тюрьму, деревни разграбили. Брат Патела, председатель Законодательного собрания, написал вице-королю, что «принятые меры выходят за рамки закона, порядка и приличия». Однако со всей Индии поступали огромные пожертвования.

12 июня Ганди устроил хартал в честь Бардоли. Он пешком обошел весь этот район, вызывая всеобщий восторг. Однако он еще отказывался распространить сатьяграху на другие области Индии, к чему его побуждали. Момент еще не настал, предел терпения еще не достигнут: «Предел будет установлен способностью всех индийцев сразу идти на самопожертвование и страдания». А главное, он хотел сам назначить время и место для сражения.

6 августа правительство капитулировало. Из тюрем выпустили крестьян, скот и земельные участки вернули, новый налог отменили. Ганди, Пател и их сельские союзники одержали полную победу.

В стране назревал кризис. Индийский национальный конгресс должен был провести в декабре сессию в Калькутте. Возглавлявший его тогда пандит Мотилал Неру вызвал к себе Ганди. Делегаты разделились на два

лагеря: молодежь, как Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бозе, находясь под влиянием марксизма и обладая большой властью в конгрессе, настаивала на выдвижении, впервые в истории, требования о полной независимости, а умеренные, как Мотилал Неру и Ганди, хотели ограничиться статусом доминиона (предмет «доклада Неру»). Ганди предложил компромисс, на основе которого и пришли к согласию: если этот доклад не будет принят в течение года, начнется новая кампания несотрудничества и тогда уже заявленной целью станет независимость.

Все считали само собой разумеющимся, что возглавит борьбу Ганди. Как раз истек срок его шестилетнего тюремного приговора (хотя его и выпустили из тюрьмы по причине пошатнувшегося здоровья, приговор, с которым он согласился, никто не отменял), и Ганди, «морально» освобожденный, возвращался в политику. Причем в тот период, когда обостренные Великой депрессией обстоятельства благоприятствовали возобновлению подрывной деятельности.

Благословенный год

В 1929 году он вновь отправился в поездку по Индии. Побуждал людей прясть и ткать, сжигать иноземную ткань. В марте он был в Калькутте и устроил там огромный костер. «Надеюсь, что дубинки сотен тысяч полицейских не смогут потушить костры, которые мы зажгли в тот день в парке Шраддхананд. Ибо огонь дхармы неугасим. Вспыхнув в сердце человека, он будет продолжать гореть, даже если тело уже мертво»^[201]. Подготовка к борьбе приобретала характер торжественного, радостного священнодействия. Однако вновь начались волнения — стачки, терроризм и репрессии по уже известной схеме; взорвалось несколько бомб, арестовали анархистов, которые тотчас превратились в народных героев. Встревоженное зарождением в 1924 году коммунистического движения, размахом забастовок и волнениями рабочих правительство арестовало в марте 1929 года 31 профсоюзного лидера (обезглавив таким образом профсоюзное движение коммунистического толка), но, как писал Ганди, «их цель не столько убить коммунизм, сколько установить террор». Правительство показывало свои «кровавые когти, которые обычно прятало».

Встревоженный, донимаемый стачками и терроризмом, боясь надвигающегося краха, барон Ирвин отправился в Англию, чтобы проконсультироваться с новым кабинетом. Намечалось организовать

«круглый стол» с участием английских и индийских представителей; кроме того, Ирвин заявил в своей декларации о подготовке конституции, по которой Индии будет дарован статус доминиона. Ганди и наиболее умеренные из лидеров приветствовали это решение. 23 декабря они должны были встретиться с вице-королем.

Но в Вестминстерском дворце палата общин, в которой у лейбористов не было явного большинства, воспротивилась всякой реформе: британская политика в Индии не предусматривала никаких коренных перемен. 23 декабря Джинна, Ганди, Сапри, Мотилал Неру и Пател вошли в кабинет вице-короля. Обязуется ли барон Ирвин провести конференцию, на которой в общих чертах будет оговорена конституция, предоставляющая Индии статус доминиона с правом в дальнейшем отделиться от империи? Но барон Ирвин, проинформированный о результатах прений в парламенте, не мог дать им гарантий.

На сессии конгресса в Лахоре в конце 1929 года председателем должны были выбрать Ганди, это было очевидно всем. Он отклонил эту честь, прося избрать вместо него Джавахарлала Неру. Таким образом, Неру вступил в должность не с главного хода, и даже не со служебного, а «с черной лестницы», по его собственному выражению. Со стороны Ганди это был мастерский ход: годом раньше только предложенный им компромисс помог избежать раскола. В период возобновления действия конгрессу требовался новый глава: в свои 42 года Джавахарлал был, по словам Ганди, «кристально чист... неоспоримо искретен... рыцарь без страха и упрека». Ганди видел в Неру своего политического преемника. Однако преемнику порой было трудно угнаться за решениями учителя. В отличие от своего духовного наставника, который верил в Бога и не доверял науке, он был совершенно светским человеком, противопоставлял разум и религию, к которой примешивались «толика волшебства и слепая доверчивость», и утверждал свою приверженность к прогрессу, основанному на научном знании. Эта интеллектуальная пропасть между ними то сужалась, то расширялась, но так и не исчезла, хотя их духовное родство и верность друг другу от этого не пострадали.

Соляной марш

В 1920–1922 годах Ганди действовал осторожно, месяцами планируя кампанию, тщательно распределяя по времени программу несотрудничества, не стремясь сразу придавать движению массовость. В

1930 году всё произошло быстрее, как будто за это десятилетие он набрался опыта. Год неоспоримого лидерства, два года в тюрьме, годы уединения и самокопания, год молчания, месяцы болезни... бродячая жизнь, посвященная «реконструкции» и реформам, из поселка в поселок, через всю Индию. В каком-то смысле передышка. И теперь он всё поставил на кон, начав сатьяграху в масштабах страны — сатьяграху соли. «Призыв 1920 года был призывом к подготовке. Призыв 1930-го — к вступлению в последний бой».

Но с чего и как начать? Тагор, почитаемый Ганди, навестил его в ашраме 18 января. Каковы планы Ганди? «Я думаю об этом денно и ночью и не вижу никакого просвета в окружающем мраке». Наверное, он ждал, пока зазвучит его «внутренний голос», который, как он подчеркивал, не имеет ничего общего с явлением, хорошо известным мистикам; на самом деле, в нем боролись Бог и дьявол, ибо они оба присутствуют в человеке. «Только действие определяет природу голоса».

И этот голос прозвучал, поскольку 27 февраля на первой странице «Янг Индия» напечатали редакционную статью Ганди «Когда меня арестуют». Дальше шел подробный анализ несправедливостей закона о соли. В следующем номере — санкции, предусмотренные этим законом. Доходы от соли, относительно небольшие, извлекались из пота бедняков и продукта, поставляемого природой, который в изобилии встречается на любом побережье Индии. Ганди решил нарушить этот закон. Это был поступок величайшего символического значения, как показали последующие события, однако на первый взгляд его было трудно объяснить. Солеварни и соляные копи были далеко, там, на побережье, и как вести сатьяграху с таких невероятных мест? «Внезапно простое слово “соль” превратилось в волшебное заклинание, наполнилось таинственной силой. Атаковать налог на соль, нарушить закон о соли. Мы были поражены и не вполне различали связь между борьбой за национальную независимость и солью, обыденным продуктом»^[202]. Не понимал Неру и объявленных Ганди «одинадцати пунктов» — списка социальных и политических реформ, — конечно, очень важных, но при чем тут они, когда речь идет о независимости?

Крошечному городку Данди неподалеку от Джалалпура, то есть в 450 километрах от ашрама Сабармати, откуда должны были выступить Ганди и его паломники, предстояло превратиться в символ освобождения.

Как обычно, Ганди предупредил вице-короля.

«Дорогой Друг, — написал он. И для начала уверил в том, что его поступок вовсе не основан на ненависти: —... Я ни за что на свете не

причину зла живому существу, тем более человеку, даже если он сильно виноват передо мной и моими близкими... Поэтому я не хочу причинить ничего дурного ни одному англичанину или повредить его законным интересам в Индии».

Продолжал он откровенно: «Я считаю, что британское владычество — проклятие; но я не думаю, что англичане хуже любого другого народа на земле». Почему он так думает? Англия «довела до нищеты немую массу системой нарастающей эксплуатации, совершенно разорительной гражданской и военной администрацией, которой страна больше не в силах выносить. Политически она обратила нас в рабство. Она разрушила основы нашей культуры. Своей политикой разоружения она разложила нас морально...». Затем он перечислил самые вопиющие злоупотребления и заключил: «Британская система словно создана с единственной целью — задавить бедняков до смерти». Даже соль обложена налогом, а этот продукт необходим им еще больше, чем богачам, и именно они, бедняки, платят дороже всех. Как дотошный бухгалтер, Ганди напомнил вице-королю, что его жалованье как члена английской администрации более чем в пять тысяч раз превосходит средний доход индийца. Он не хочет его обидеть, поскольку слишком уважает его как человека, он знает, что вицекороль не нуждается в жалованье, которое получает... Но систему, допускающую такие перекосы, следует сломать без рассуждений, поскольку сказанное о жалованье вице-короля относится ко всем чиновникам в целом.

«Убеждения доводами больше не будет», — писал он в заключение. Сила против силы. Великобритания будет отстаивать свою торговлю и свои интересы всеми средствами, какими она располагает. Индия должна найти в себе (ненасильственную) силу, которая вызволит ее из объятий смерти. При этом она будет подвергаться большой опасности и достаточно настрадается, чтобы «смягчилось даже каменное сердце»; и все же дело того стоит, поскольку речь идет о преображении целой нации.

«Я намеренно использую это слово: преобразование. Ибо такова моя цель: преобразить британский народ ненасилием и открыть ему глаза на то, как он виноват перед нами. Я не хочу навредить вашему народу. Я хочу послужить ему, как желаю служить своему собственному».

На это письмо — весьма необычное в политической сфере — его светлость вицекороль ограничился ответом через своего секретаря: он с сожалением узнал, что мистер Ганди...

Вечером 11 марта Ганди собрал своих учеников на последнюю молитву. «За нами сила, — сказал он им... — Я молюсь о битве, которая начнется завтра». В ту ночь Махатма, вероятно, был единственным

человеком в ашраме, который спал. На следующее утро, в половине седьмого, должен был начаться долгий марш в Данди, на побережье Камбейского залива.

На этот раз Ганди командовал армией сатьяграхов, умеющих контролировать массы народа, — 78 членов общины, объединенных общей клятвой и правилами ашрама. Молиться, прясть, вести дневник и еще противостоять полиции и армии — в основном индийцам в мундирах, погоняемым офицерами, которых этот бунт гражданских, без оружия, но боевых, наплывающих волна за волной, падая под ударами, должен был подтолкнуть к немыслимой жестокости.

Ганди рассеял повсюду другие группы, разослал других лидеров, чтобы действовать по обстановке в других регионах: Патела — в Ахмадабад, Раджагопалачари^[203] — в Мадрас, Неру — в Аллахабад... «Завершив последние приготовления, мы попрощались с нашими товарищами из Центрального комитета, ибо никто не знал, когда мы увидимся, да и увидимся ли вообще», — рассказывает Неру. Перед сражением он отправился с отцом к Ганди. «Мы увидели, как он удаляется к ближней стоянке на берегу моря, во главе своих соратников. Таким я его и запомнил: с посохом в руке, шагающим впереди кучки людей твердым спокойным шагом, неумолимым. Это было трогательное зрелище...»^[204]

Хорошо срежиссированный и поставленный спектакль (лишнее доказательство талантов Ганди в этой области). Чтобы увидеть его, съехались журналисты со всей Индии и иностранные корреспонденты, которые день за днем сообщали новости всему миру. Накануне 12 марта тысячи людей, друзей, сочувствующих окружили ашрам, проведя ночь на голой земле. Отовсюду поступали телеграммы. «Храни вас Бог», — телеграфировали из Нью-Йорка. Возбуждение охватывало одну страну за другой.

12 марта, помолившись сообщая, Ганди, которого не арестовали («правительство в смятении и замешательстве»), выступил в путь вместе с сатьяграхами. 20 километров в день, без поклажи — легкая прогулка, как он говорил. 24 дня пути до побережья. Крестьяне выходили из домов им навстречу, сбрызгивали дороги водой и посыпали листьями, чтобы им легче было идти, становились на колени вдоль дороги, а паломники побуждали их в нужный момент нарушить закон о соли. Дома в деревнях были красиво украшены, и весь марш походил на праздник.

Физические упражнения шли на пользу Ганди, которому тогда был 61 год. Он вставал в четыре утра, читал общую молитву, выступал в поселках,

каждый день работал за прялкой, писал статьи, отвечал на письма и... шел. Объявляя повсеместно, что не вернется в ашрам, пока не отменят налог на соль. И люди, захваченные воодушевлением, присоединялись к нему. 5 апреля, когда он пришел в Данди, маленький отряд из ашрама превратился в армию из нескольких тысяч человек.

Всю ночь на 5 апреля ученики молились. С наступлением утра они пошли за Ганди к морю. Он окунулся, чтобы очиститься, вернулся на берег и там собрал немного соли, принесенной волнами. Таким образом, был нарушен закон, который, среди прочих запретов, не позволял прикасаться к естественным отложениям на морском берегу: монополия на соль была нарушена. По этому сигналу тысячи индийцев по всей стране, находившиеся вблизи океана, — молодежь, женщины, люди всех сословий, — совершили тот же поступок. Соль везли внутрь страны, выпаривали в кастрюлях, на верандах домов, бродячие торговцы продавали ее тут и там. И английские товары бойкотировали с новой силой. Вся Индия поднялась.

«По всей стране, в городах и селах, главная тема дня — как добывают соль; мы изыскивали для этого самые причудливые способы. Поскольку никто хорошенько не разбирался в этом вопросе, мы разузнавали о нем всё, печатали листовки с рецептами и собирали всякого рода сосуды; в конце концов мы сумели получить довольно малопривлекательный продукт, который показывали с торжествующим видом и зачастую продавали с аукциона по сногсшибательным ценам...»^[205]

Итак, неверующие увидели, «насколько люди воодушевлены, как этот способ производства соли распространяется от одного к другому». Неру каялся: «Мы испытывали чувство смущения и стыда от того, что сомневались в эффективности этого метода, когда его предложил Ганди»^[206].

Вновь приходилось удивляться «невероятной способности этого человека найти верный жест, который поражал массы, и заставить их действовать, соблюдая порядок и дисциплину». «В этом было что-то почти гипнотическое».

Гражданское неповиновение как способ действия себя оправдало. «Страной овладело спокойное доверие; и друзья, и враги сообща шли к победе». Даже в тюрьмах ходили слухи о том, что сварадж уже близок.

Неру посадили в тюрьму, Патела — еще прежде него, и еще Раджагопалачари, Сенгупта, Девадаса и Рамдаса Ганди, Махадева Десая... Потом, столкнувшись с упорством индийцев, их решительным, непостижимым непотворением злу насилем, начались дикие, тотальные

репрессии. Студентов и преподавателей, богатых и бедных, рабочих и промышленников целыми группами бросали в тюрьмы. 60 тысяч индийцев за решеткой. И все же в деревнях миллионы крестьян продолжали варить свою соль, центры производства множились. Под давлением народа индийцы, назначенные на официальные должности, уходили в отставку.

В ночь на 4 мая Ганди арестовали. В тюрьме с ним обращались хорошо. Он мог отдохнуть и был «по-настоящему счастлив», как он писал.

Перед арестом он спланировал более агрессивную фазу кампании. Нужно было захватить солеварни в Дхарсане. 21 мая две с половиной тысячи добровольцев напали на склады под руководством Сароджини Найдю^[207] и Манилала Ганди.

Поощряемая отсутствием сопротивления полиция в тот день отличилась особенной подлостью. Об этом эпизоде, в корне изменившем ход событий, рассказал в своей знаменитой статье британский журналист Уэбб Миллер. По сути, это был образец сатяграхи, какой требовал Ганди.

«В полнейшей тишине люди Ганди подошли и остановились в сотне метров от забора. Отборная колонна вышла из толпы, перебралась через рвы и приблизилась к колючей проволоке». Полиция приказала отойти. Они шли вперед. «Вдруг, по условному знаку, дюжины полицейских из числа туземцев набросились на участников марша, шедших вперед, и стали бить их по головам стальными дубинками. Ни один из демонстрантов даже не поднял руки, чтобы отвести удар. Они валились, как кегли. С того места, где я стоял, я слышал тошнотворный звук дубинок, бьющих по беззащитным головам. Толпа ожидавших демонстрантов стонала и задерживала дыхание, вздрагивая от каждого удара. Раненые падали во все стороны, без сознания или корчась от боли, с проломленными черепами и плечами... Выжившие, не ломая строй, продолжали молча и упорно идти вперед, пока и их не убивали... Они шли ровным шагом, с поднятой головой, не подбадривая себя музыкой или возгласами, не имея ни малейшей возможности избежать серьезных увечий или смерти. Полиция ринулась вперед и систематически и автоматически крушила вторую колонну. Не было ни сражения, ни борьбы; демонстранты просто шли, а их убивали...»^[208]

После этого взбешенные полицейские, опьяненные кровью или садизмом, повинувшись своей должности и мундиру, били сидящих мужчин «ногами в живот и в пах» (по свидетельству Уэбба).

«Час за часом санитары приносили на носилках безжизненные окровавленные тела».

Те же сцены повторялись несколько дней. Женщины активно участвовали в движении. По мере того как арестовывали и сажали в тюрьмы мужчин, они вставали на их место. С ними обращались так же жестоко, как и с мужчинами, избивали до крови, били в грудь и живот ногами или палками: «Ни одна не дрогнула, каждая стойко оставалась на своем месте... В этом бою индийские женщины стали равны мужчинам...» Ганди, взывая к женщинам, сказал: «Они — лучший символ человечности. Они обладают всеми добродетелями сатьяграхов, что преисполнило нас веры в себя». Безусловная любовь без налета эгоизма и способность страдать — качества, необходимые сатьяграху. По мнению Ганди, это было само определение женщины. Идеализированное представление, связанное с его концепцией матери, которое, возможно, поддерживало его в борьбе за равноправие и свободу для женщин.

«Самым выдающимся событием года было замечательное пробуждение индийской женщины. Те, кто не видел своими глазами, как сотни из них сняли с головы платок и, оставив защиту своего очага, вышли на улицу и рыночную площадь, чтобы сражаться рядом со своими братьями, которым они могли служить примером, вряд ли бы в это поверили»^[209].

Что доказали сатьяграхи? Не только то, что соль принадлежит всем, не это было главное. Но что «цивилизованная» нация — не та, которую принято считать таковой. Она, скорее, варварская. «Истинная же цивилизация», по словам Ганди, не заключается в силе оружия.

В «Манчестер гардиан» от 17 мая 1930 года Тагор провозгласил: «Европа окончательно утратила свой авторитет в Азии. В мире она больше не считается поборником справедливости и носителем возвышенных принципов, но защитником господства белой расы, эксплуататором людей, живущих вне ее пределов»^[210].

Соляная сатьяграха явила всему миру, что существует новое оружие — мирная борьба. «Для Европы это стало крупным моральным поражением», — продолжал Тагор. Азия, слабая в материальном плане, не способная защитить себя от внешней агрессии, отныне могла себе позволить «смотреть на Европу сверху вниз, тогда как раньше смотрела на нее снизу вверх». Иначе говоря, расстановка сил изменилась, нравственное превосходство — сила духа — одержало победу над физическим превосходством — грубой силой.

По выходе из тюрьмы Ганди встретился с вице-королем. Черчилля — надменного, оскорбленного в своих представлениях о кастовом и расовом

превосходстве — возмутило «отвратительное и унижительное зрелище, когда этот полуобнаженный смутьян-факир поднимался по ступенькам дворца, чтобы вести переговоры на равных с представителем короля-императора». Но Британской империи приходилось считаться с этим полуголым факиром. Барон Ирвин, кстати, описал этот случай как «глубоко драматичную личную встречу между вице-королем и индийским лидером». Когда Ганди предложили чашку чая, тот достал из своей накидки бумажный пакетик с солью (не облагаемой налогом) и с улыбкой сказал: «Я насыплю немного соли себе в чай в память о знаменитом бостонском чаепитии».

В том же году Махатма, достигший апогея своей популярности и авторитета, отправился в Лондон для участия в «круглом столе»: он был избран единственным делегатом от Индийского национального конгресса.

«Круглый стол»^[211] в Лондоне

Ганди ухватился за возможность выговорить компромисс, предложенный ему бароном Ирвином. Почему такая спешка, зачем эти уступки?

Впоследствии националисты-экстремисты горько упрекали его за это, в особенности Субхас Чандра Бозе, который позже претендовал на роль соперника Ганди. Во-первых, возможно, Ганди опасался радикализации движения в сторону насилия, если оно продлится дальше. Хотя он держал его под контролем, некоторых эксцессов избежать не удалось, произошли столкновения, в частности, в Пешаваре (где солдаты-индусы отказались стрелять в толпу восставших мусульман). Потом, воспользовавшись беспорядками, террористические группы тоже активизировались, прибегая к насилию: совершили налет на арсенал в Читтагонге, устроили форменную битву с армией и полицией, тут и там гремели взрывы (в апреле 1929 года революционер Багхат Сингх метнул бомбу в здании Законодательного собрания в Нью-Дели; его и его друзей приговорили к повешению). Конечно, эти неконтролируемые вспышки беспокоили умеренных националистов, как и разбогатевших купцов и индийских промышленников, пользовавшихся влиянием в конгрессе.

Ганди и Ирвин начали переговоры 17 февраля 1930 года. Они продлились до 5 марта, закончившись подписанием Делийского пакта, или пакта Ганди — Ирвина. Он положил конец движению гражданского неповиновения в обмен на небольшие уступки (но политических

заклоченных выпустили из тюрем, а производство соли разрешили). По всей видимости, Ганди проиграл: лидеры конгресса считали, что его облапошили. Выдвигались различные предположения: некоторые напирали на давление, оказываемое деловыми кругами, другие указывали на стратегию Ганди, заключающуюся в чередовании демонстрации силы и компромиссов. Третьи, как Нанда, думали, что Ганди поверил в серьезность британских намерений (или хотел испытать их) и увидел в этом пакте коренной поворот в отношениях между правительством и конгрессом. В сатьяграхе, напоминали они, компромисс с противником считается не изменой, а необходимым этапом. «Я молю Бога, чтобы дружба, к которой стремится такой договор, стала неизменной».

29 августа Ганди взошел на борт корабля «Раджпутана». Его сопровождали Сароджини Найду, которая умела возражать «учителю», Пьярелал Найяр, его ученик и биограф; Дж. Д. Бирла, богатый промышленник, в свое время тоже бывший учеником Ганди; Махадев Десай, рассказавший о жизни Махатмы с еще большими подробностями, чем Босуэлл о жизни Сэмюэла Джонсона, и мисс Слейд, которая не могла с ним расстаться.

Ганди и его спутники прибыли в Лондон 12 сентября. Он должен был пробыть в Англии до 5 декабря. На фотографиях того времени он беззубо улыбается, одетый в свою неизменную набедренную повязку, с сандалиями на ногах и с большим белым покрывалом, наброшенным на плечи. Для толпы зевак, толкавшихся возле него, он был диковинкой, явившейся из индийской глухомани. Даже тут он следовал своим принципам, смеясь вместе с мальчишками, которые дразнили его: «Эй, Ганди, где штаны потерял?» — попутно обучая их некоторым главным истинам. Он явился в одежде бедняка даже в Букингемский дворец, куда его пригласили на чашку чаю с королем Георгом V и королевой Марией (когда вечером его спросили, прикрыл ли он свое тело, он ответил: «На короле было достаточно одежды для нас обоих»). Вместо того чтобы остановиться в гостинице, он решил — еще один символ — жить в районе Ист-Энд, среди бедняков, у Мюриэл Лестер, которую когда-то принимал у себя в ашраме. Чтобы явиться на заседание, ему надо было пройти восемь километров через трущобы вокруг Кингсли-холла, сквозь толпу прохожих, которые направлялись на работу и запросто заговаривали с ним.

Участники 2-й конференции «круглого стола» были назначены правительством. «Они выступали на лондонской сцене, словно марионетки или бесплотные тени, прекрасно зная, что настоящая борьба разворачивается в Индии»^[212]. Конференция затягивалась, превращалась в

«биржу доходных местечек, титулов, почестей»; путаясь в торгах по поводу религиозных разногласий, мусульмане и индусы выказывали одинаковую неуступчивость. В том, что касается глубинных конституционных реформ, дискуссии уперлись в проблему отдельных электоратов: неприкасаемых защищал их представитель Бим Рао Амбедкар^[213], выступавший за это решение. Ганди высказался откровенно. Но что могла сделать его сила убеждения против идеи, устраивавшей всех: индийцы не готовы к самоуправлению, и независимости мешает не английское правительство, а отсутствие единства в самой Индии.

Ганди понял всю бесполезность этих переговоров и большую часть времени тратил на то, чтобы нести слово и славу Индии в другие места: интервью, выступления по радио, встречи, визиты, высшие школы и университеты — он не пренебрегал ничем, бывал везде, от храмов науки до промышленных городов, одолеваемых безработицей, он говорил с каждым, от профессоров Оксфордского университета до рабочих Ланкашира, даже со звездой кинематографа: есть фотография, на которой он запечатлен с Чарли Чаплином, причем оба широко улыбаются.

Его настоящая работа и заключалась в этом общении: встречаться с представителями среднего и привилегированного классов, потому что они определяли будущее Индии, с деятелями искусства и интеллигенцией, с политиками и служителями культа, поскольку они обладают влиянием, и, наконец, с народом, чтобы попытаться его убедить. В Оксфорде, где он провел два уикэнда, его забросали вопросами, устроив форменный допрос. Просвещенных собеседников выводило из себя его невозмутимое спокойствие. «Я пришел к убеждению, что со времен Сократа в мире не было человека, равного ему по хладнокровию и самообладанию, — отмечал профессор Томпсон. — Пару раз я поставил себя на место тех, кому пришлось иметь дело с этим непобедимым и невозмутимым спокойствием, и, кажется, понял, почему афиняне заставили выпить цикуту софиста-мученика»^[214].

В Ланкашире он имел большой успех, потому что бойкот английских товаров вызвал безработицу в этом регионе. Закутавшись в свое белое покрывало, прикрыв глаза, он стоял в окружении сотен женщин — работниц текстильной промышленности, — которые приветствовали его, вскинув руку. Бездна ликования, зашкаливающий восторг. «У вас три миллиона безработных, — сказал он им, — а у нас почти триста миллионов, причем шесть месяцев в году. Вы получаете пособие по безработице в 70 шиллингов. У нас среднемесячный доход составляет 7,6

шиллинг»^[215].

Ему надо было возвращаться в Индию. Конференция провалилась. «Разделяй и властвуй» — хорошо известная формула; разжигая распри между общинами — мусульманами, сикхами, парсами, христианами, индусами, — которые все требовали отдельной избирательной системы, «круглый стол» проложил дорогу к трагичному будущему. Ганди понял, что англичане стараются таким образом обострить различия, и восстал против требований делегатов: он был полон решимости сохранить единство Индии (и снова это доказал, решительно восстав против особых избирательных списков для неприкасаемых в 1932 году, когда этот вопрос был на повестке дня).

В Индии дела шли не лучше. Перемирие, установленное пактом Ганди — Ирвина, грозило вот-вот нарушиться. Поэтому Ганди отклонил все приглашения из Европы и Америки, решив, однако, съездить в Швейцарию, где его ждал Ромен Роллан. На обратном пути он остановился в Италии, где, по совету Роллана, отказался стать гостем правительства. Он имел краткий разговор с дуче; отметил, что личность хозяина и всё внутреннее убранство просто созданы, чтобы внушать страх: этот гипнотический кошачий взгляд, оружие, развешанное на стенах. Папа римский отказался от встречи. Визит Ганди в Рим остался бы незамеченным, если бы не один итальянский журналист, заявивший, будто Ганди дал ему интервью, где сообщил, что возвращается в Индию, чтобы продолжить гражданское неповиновение. Ганди тотчас же выступил с опровержением. Но британская администрация, столкнувшись с ярко выраженным разочарованием и нарастающими волнениями, прибегла к испытанному средству. «Пока эти господа были в Лондоне, во всех индийских провинциях без исключения, хоть и с разной силой, бушевали репрессии»^[216].

Небывалый пост

Вернувшись в Индию в декабре 1931 года, Ганди испытал на себе сполна последствия этой политики. Виконт Уиллингдон^[217], сменивший Ирвина, считал, что для решения индийской проблемы требуется прежде всего покарать зачинщиков беспорядков. «Он был почти неспособен понять эмоциональные и интеллектуальные основы движения за политическое освобождение: энтузиазм, вызываемый этой борьбой, казался ему

проявлением невежественного фанатизма», — пишет Нанда^[218].

В отличие от барона Ирвина Уиллингдон ничего не понимал в философии Ганди и его личности, а поэтому имел ошибочные представления о реальной власти Махатмы, по мнению сэра Сэмюэла Хора.

На сей раз правительство действовало быстро и четко. Едва Ганди сошел с парохода на землю, как был посажен в тюрьму. Индийский национальный конгресс составил план гражданского неповиновения — против него развязали блицкриг. Средства обычные: тысячи заключенных (за первые девять месяцев движения в 1932 году было арестовано около шестидесяти тысяч человек), запрет партии и организаций, арест их лидеров, ограничения свободы печати (ведь именно она обеспечила успех соляному маршу). Черчилль одобрял эти меры — «самые жесткие со времен бунта 1857 года»: администрация сумела проявить твердость. Со своей стороны, Ганди писал, что «репрессии выходят за рамки дозволенного». В тюрьме он закончил небольшую книгу, которую начал писать в ашраме Сабармати, и назвал ее «From Yeravda Mandir» — «Из храма Еравда»: тюрьма — место для молитв. Он читал Гёте и Кингсли, шутил с Пателом, которого тоже арестовали.

Объявление о его посте до смертельного исхода ошеломило Индию и отвлекло внимание общественности от политических проблем. Неру писал из тюрьмы:

«Наше тюремное существование, мирное и однообразное, вдруг всколыхнула в сентябре 1932 года новость, взорвавшаяся, как бомба: Ганди решил “поститься до смерти” в знак протеста против решения Рамсея Макдональда предоставить отдельное избирательное право для неприкасаемых. Как он умел нас повергнуть в шок! Два дня подряд я пребывал в потемках»^[219].

Поститься ради неприкасаемых — какая странная мысль! «Я был в ярости от того, что он избрал столь маловажный вопрос для своей высшей жертвы». И какие последствия будет иметь его поступок для освободительного движения? При мысли об этом узника охватывало отчаяние. Но вскоре он пришел в себя: «Бапу обладал удивительным даром делать то, что нужно, тогда, когда нужно; возможно, его поступок — неоправданный, с моей точки зрения — будет иметь огромные последствия не только в узкой области, которую он избрал, но и в более широком плане нашей национальной борьбы»^[220].

Наконец, «до нас дошла новость о необыкновенном восстании по всей стране, волшебной волне воодушевления, потрясшей все индусское

общество, — похоже, с неприкасаемостью покончено. Что за волшебник этот маленький человечек, сидящий в тюрьме Еравды, думал я, он знает, как достучаться до людских сердец!»^[221].

Что произошло? 17 августа 1932 года английский премьер-министр Джеймс Рамсей Макдональд^[222] распорядился, чтобы правительство предоставило отдельное избирательное право для неприкасаемых, как в свое время для мусульман. «Я должен воспротивиться Вашему решению ценой своей жизни, — написал ему Ганди. — Единственный способ, каким я располагаю, — объявить постоянный пост до самой смерти...» Ганди пытается вернуть себе влияние и авторитет, утраченные в ходе идущей на спад кампании гражданского неповиновения, — вот как отреагировали британцы на эту новость. Его голодовка — шантаж. «Причина их непонимания в том, что они и Махатма говорят на двух в корне различных языках», — писал Тагор. Ганди хотел пробудить осознание долгое время сносимой тирании, которую, однако, терпеть нельзя, вырвать людей из бездействия, освободить из плена тысячелетних предрассудков, дать эмоциональную встряску, перевернуть привычный ход мыслей. (Однако его деятельность в отношении неприкасаемых до сих пор еще вызывает споры. С 1924 года он поставил отмену этой системы в центр своей созидательной программы наряду с насаждением прялки. Но он был не согласен с радикальными движениями, возглавляемыми неприкасаемыми, которые считали возможным покончить со своим положением, лишь полностью порвав с индуизмом. Для Ганди неприкасаемость была не составной частью индуизма и кастовой системы, а чудовищным наростом на его теле, который следовало удалить. Он хотел вернуть неприкасаемых в лоно индуистской общины, уничтожив дискриминацию, которой они подвергались, — их не пускали в некоторые крупные индийские храмы, запрещали брать воду из общих колодцев в деревнях, не принимали в государственные школы, — и когда этот этап удастся преодолеть, проблема неприкасаемости ограничится проблемой бедности, которую предстоит решить с помощью созидательной деятельности. Угнетенные больше не будут выделены в отдельную общину; страна, несмотря на различия, останется единой — а это всегда было целью Ганди: не разделять, а объединять.)

За «круглым столом» в Лондоне он столкнулся лоб в лоб с лидером неприкасаемых Амбедкаром. Это замечательная личность. Пользуясь покровительством махараджи Бароды, Амбедкар смог получить университетское образование — сначала в Индии, а потом в США и

Лондоне; вернувшись в Индию с дипломом в кармане, он столкнулся с теми же препонами, что и раньше, поскольку был неприкасаемым. Снова отправившись в Лондон, он выучился на юриста, открыл адвокатскую контору в Бомбее и посвятил себя защите своих братьев. Голодовка Ганди, которая должна была заставить его отказаться от отдельного избирательного права в обмен на кое-какие уступки, показалась ему шантажом, «политической рекламной акцией»; от этого столкновения у него остался привкус горечи. Но, по мнению многих людей, пакт в Пуне, которым завершились переговоры, был ценен именно тем, что позволил избежать раздельного избирательного права — способа представительства, к которому подталкивали англичане (и это проявилось с еще большей очевидностью в следующем десятилетии), чтобы не расколоть Индию в решающий период.

Прежде чем начать голодовку, Ганди написал Тагору, прося его благословения. В тот же момент Тагор послал ему письмо: «Единство Индии и целостность ее общества стоят того, чтобы пожертвовать ради них вашей драгоценной жизнью...» Голодовка одного человека вызвала беспримерное подвижничество. В тот день, когда Ганди начал свой пост, миллионы индийцев постились и молились из солидарности с ним — неприкасаемые, мусульмане, политики, промышленники и крестьяне, объединенные одной тревожной мыслью. «Мать, склонившаяся над колыбелью своего ребенка, пылающего в жару, не могла тревожиться больше, чем Индия, склонившаяся над белым ложем угасающего Махатмы... Каждый индиец чувствовал себя лично ответственным за его жизнь»^[223].

Политические и религиозные лидеры немедленно включились в борьбу, требуя освобождения Ганди; пусть откроют двери храмов для отверженных, допустят их к колодцам, школам, общественным дорогам... а неприкасаемые пусть откажутся от проекта отдельного избирательного права. Еще до начала голодовки двери некоторых храмов, самых почитаемых в Индии, распахнулись перед отверженными, в некоторых областях отменили всякую дискриминацию; мать Неру, ортодоксальная брахманка, сообщила, что примет пищу из рук неприкасаемого, и по всей стране женщины из высшей касты последовали ее примеру, а в университете Бенареса пандиты из числа брахманов устраивали общественные трапезы в обществе метельщиков, уборщиков, холодных сапожников... Эти символические поступки означали, что мысль о нечистоте, насаждаемая три тысячелетия в ритуалах, традициях, привычках, следует пересмотреть и отринуть. «Махатма постится» —

газеты разнесли эту новость. Эти слова распространялись по городам и весям, передаваемые торговцами и путешественниками, вызывая ударную волну. Тень покрыла Индию, словно во время солнечного затмения, как сказал Тагор.

Наперегонки со смертью. Спасти Махатму. Разрешить эту ситуацию было во власти Амбедкара (правительство не приняло бы никакого решения без его согласия), но он не хотел отказываться от достигнутого. Напряжение на переговорах и продолжающаяся голодовка быстро подтачивали силы Ганди. 23 сентября, на четвертый день поста, врач объявил, что он при смерти. Ощущая над собой страшное давление, Амбедкар в тот же день переговорил с лидерами индусов. Позже он отправился к Ганди, который едва мог говорить. Не согласен. Новые прения с индусами; новые возражения Ганди по вопросу о первичных выборах, устанавливаемых новой избирательной системой. К тому моменту вопрос об отказе от отдельного избирательного права был уже решен. В конечном итоге Раджагопалачари пошел на сделку с Амбедкаром и добился согласия Ганди, уже терявшего сознание. И знаменитый пакт в Пуне был, наконец, подписан индийскими переговорщиками: взамен на уступки Амбедкар добился большого представительства для неприкасаемых. В Лондоне Полак, Чарлз Эндрюс и друзья Ганди хлопотали перед правительством: Ганди отказывался прервать свой пост, пока правительство не ратифицирует соглашение; он уже не мог говорить и умирал. Было воскресенье, все министры выехали из города; они поспешно вернулись, изучали документ до полуночи, а несколько часов спустя объявили, что пакт утвержден. В понедельник в присутствии Тагора, Патела, Махадева Десая, миссис Найду, переговорщиков и журналистов Ганди выпил стакан апельсинового сока, который подала ему Кастурбай, а Тагор в это время читал нараспев свои стихи на бенгальском наречии.

«Однажды возженный, жертвенный огонь не угаснет, пока хоть малейший след неприкасаемости сохранится в индуизме»^[224]. «Волшебство» состоялось. В очередной раз. И разум был здесь ни при чем. (Убийца Ганди тоже говорил об этом противоречии, утверждая, что политика Махатмы основывалась на «старых предрассудках типа власти души, голоса совести... чистоты духа». Со смертью Ганди «нация отныне вольна идти по пути, основанному на разуме».)

«В очередной раз, видя, в какое невероятное волнение поверг его поступок всю страну, я спросил себя, — пишет Неру, — правильный ли это метод действия в политике? Он был проникнут религиозностью, и что может с этим поделать трезвый ум? Абсолютно ничего! Вся Индия, или

почти вся, благоговейно смотрела на Махатму, ожидая от него чуда за чудом — исчезновения кастовых предрассудков, свараджа и т. д., но сама ничего не делала. А Ганди, со своей стороны, не поощрял других к рассуждению: он ставил во главу угла чистоту и дух самопожертвования... Конечно, инстинкт редко его обманывал, но хороша ли слепая вера для воспитания народа?»^[225]

Хариджаны^[226]

В 1933 году Ганди все еще находился в тюрьме. Он продолжал бороться. Поток писем, заявлений для прессы и статей говорил читателям о вреде неприкасаемости. В феврале 1933 года он даже начал выпускать еженедельник «Хариджан» («дитя Бога»; «людьми Бога» он отныне называл неприкасаемых, и те усмотрели в этом новую форму дискриминации). Но нельзя уничтожить в один день стереотипы, укоренившиеся за тысячелетия, нельзя отменить в одночасье то, что заведено «от Бога», традицию, «столь же древнюю, как и сам народ». Это был один из самых жестоких боев Ганди — сражение с глубоко укоренившейся тиранией в его родной стране.

«Зло еще страшнее, чем я себе представлял. Его нельзя истребить при помощи денег, внешних организаций или даже с помощью наделения хариджанов определенной политической властью. Конечно, всё это нужно. Но чтобы эти средства подействовали, они должны опираться на деятельность по самоочищению, то есть молитву и пост». Предстояло произвести «полный переворот в индусском мышлении, вырвать с корнем ужасную и постыдную доктрину о прирожденном неравенстве людей, о существовании высших и низших, отравившую индуизм и медленно подрывающую само его существование»^[227].

Мучимый тревогой, он снова решает поститься. На сей раз на протяжении двадцати одного дня. Его внутренний голос уже не заставить замолчать.

«В ту ночь, когда на меня снизошло вдохновение, я был охвачен ужасной тоской... Я не видел никакого исхода. Я был раздавлен под грузом своей ответственности. Я услышал Голос, звучащий словно издали, но при этом совсем рядом, так же отчетливо, будто меня окликал человек, и неудержимо. Я не спал, когда услышал Голос... Я прислушался, убедился, что это именно Голос, и борьба прекратилась. Я был спокоен. Решение

было принято в согласии с ним, назначены день и час поста. Меня обуяла радость»^[228].

Услышать Голос доступно каждому, утверждал он, ибо он есть в каждом из нас. Но, как и во всех важных вещах, прежде чем уловить его, нужно долго готовиться. А тем, кто больше верит в фантазию, в бессознательное или в божественное озарение, он сказал: «Самые реальные вещи реальны лишь относительно. Для меня Голос обладает большей реальностью, чем моя собственная жизнь. Он никогда не ошибался».

На следующий день англичане выпустили его из тюрьмы: если он умрет, то хотя бы не у них в руках. Но он не умер. Летом он распустил свой ашрам и завещал его Ассоциации служителей хариджанов, которую сам и основал. Его снова посадили в тюрьму, он снова постился, его снова выпустили. И в ноябре 1933 года, вдали от забот политической жизни, к которым он как будто утратил интерес, этот великий кочевник в очередной раз отправился в путь, ратуя за дело хариджанов. Он дошел до самых дальних уголков Индии, преодолев за девять месяцев 20 тысяч километров, проповедовал доступность храмов, восставал против идеи о нечистоте (с чего вы взяли, что тень или прикосновение другого человека может осквернить вас?), собирал деньги в фонд хариджанов, навлек на себя обвинения в ереси со стороны санатанистов^[229] и гнев экстремистов, в него даже бросили бомбу. Этот его вояж не имел определенного успеха.

Но хотя Ганди не смог покончить с неприкасаемостью, что бы там ни писал чересчур оптимистично настроенный Раджагопалачари («Революция закончилась, осталось только убрать обломки»), он возвел это «проклятие» в ранг величайших проблем Индии, хотя прежде оно считалось «второстепенным вопросом». Сегодня неприкасаемые пользуются по конституции Индии особыми правами^[230] и в принципе считаются равными всем остальным. И тем не менее многие индийцы в деревнях и небольших городках относятся к ним так же предвзято, как и раньше, и сурово поступают с хариджанами, посмевшими нарушить извечно установленные правила. Сами неприкасаемые (которых активисты называют далитами — «угнетенными») требуют отделения от ненавистной индусской общины, отвергая «патерналистские» идеи Ганди.

А в те времена, пусть и по другим причинам, увлеченность Ганди борьбой за права хариджанов хотя и устраивала некоторых членов Индийского национального конгресса, уставших бояться худшего, но раздражала множество других, которые сожалели об отходе от действительно важного дела — независимости Индии. В мае 1933 года

движение гражданского неповиновения было временно прекращено; в апреле 1934-го оно было прекращено окончательно. «Тягостно присутствовать при медленном умирании нашего великого движения».

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1934–1939)

В октябре 1934 года Ганди вышел из Индийского национального конгресса. Прекращение гражданского неповиновения было не единственным спорным моментом. Вся его созидательная программа, на которой он хотел теперь сосредоточиться, казалась конгрессу отсталой, например, возвращение к архаичной прялке, когда индийская элита верила в технический прогресс и благодеяния индустриализации. Несмотря на все уважение к личности Ганди, многие делегаты думали, что он уже «недостаточно молод душой, чтобы приспособиться к новым социальным проблемам: он сыграл свою роль. Теперь новое поколение должно пойти дальше»^[231].

Короче, этот поборник «золотой середины», вечно ищущий «компромисс между двумя крайностями, классами, партиями», сражавшийся с неприкасаемостью, не восставая при этом против кастовой системы, интересовавшийся жизнью рабочих, но не дававший им организовать против хозяев, не восстававший открыто против машин, но «направлявший социальную реформу в русло своей системы кустарной промышленности, противоречившей развитию коллективной индустриализации»^[232], этот человек тормозил движение вперед, к которому стремились молодые лидеры, менее обремененные религиозными принципами. И все же, как говорил Неру, такой человек был более глубоко революционен, чем любой из партийных руководителей, нападавших на него.

Нельзя судить об идеях Ганди в области экономики или социальных реформ (за которые его и критиковали сильнее всего), не обратившись к истоку — его доктрине ненасилия, выкованной в процессе действия: именно на ее основе он разработал целостную стратегию — наступательную и созидательную сатьяграху, где всё держится на одной главной идее любви или истины. Сатьяграха в социальной и политической сферах — новый аспект тех же представлений, «новый опыт».

Если принять как данность, что ненасилие — ненарушимая основа всего, было бы непоследовательно и бесполезно упрекать его за позицию по тому или иному вопросу, например, за оппозицию какой-либо политической партии или его концепцию социальных перемен, поскольку

вся его деятельность зиждется на непоколебимой уверенности: средства определяют цель; насильственные методы могут привести лишь к «сомнительной» цели, которую вечно будут ставить под вопрос стремление к мести, обида и ненависть.

Ромен Роллан, одобрявший коммунистическую Россию и социальный переворот, выразил это в нескольких фразах, уловив одновременно подход Ганди и причины критики в его адрес (в 1935 году, именно в тот момент, когда Ганди отошел от политической жизни): «По сути, позиция Ганди между партиями проистекает из его глубокой веры в ненасилие, являющееся религиозной концепцией». И поскольку нужно было срочно действовать и делать выбор, Роллан добавляет: «Какой бы чистой она ни была, она стесняла свободу его мысли. Социальный эксперимент всегда открыт, всегда в процессе. Его нельзя подчинить никакому предпочтительному чувству, никакому кредо»^[233].

Но Ганди пришел тогда к убеждению, что нет ничего превыше кредо ненасилия. Его вера внушала ему широкие и идеальные представления: «Когда сатьяграха станет методом, принятым по всей Индии, социальные и политические реформы будут осуществлены в короткое время; дистанция между правящими и управляемыми исчезнет, их недоверие друг к другу улетучится, а вместо него появятся доверие и любовь. То же самое, будьте уверены, произойдет между различными общественными группами».

Итак, в этот момент Ганди снова решил отойти от политики, чтобы провести новые опыты.

«Мое присутствие, — писал он Пателу, председателю конгресса, — отталкивает от конгресса интеллигенцию. Я чувствую, что моей политике не удастся убедить их разум, хотя... я не делаю ничего такого, что отвергалось бы моим собственным разумом». Короче говоря, Ганди чувствовал, что его присутствие мешает интеллигенции из числа депутатов конгресса, лояльно настроенных к нему, последовать по тому пути, который они избрали бы сами. И потом, фракция социалистов (была основана в 1934 году) под руководством Неру набирала вес.

«Фракция социалистов более или менее четко изложила свои взгляды... Я приветствовал эту фракцию... Но у меня с ней фундаментальные расхождения по поводу программы... Я не хотел бы препятствовать развитию их идей нравственным давлением, которое могу оказывать... Оставаться в конгрессе значило бы оказывать такое давление... Для меня продолжать возглавлять конгресс, несмотря на эти коренные различия, является практически формой насилия, которое мне

следует подавлять»^[234].

На самом деле лояльность, даже ненасилие требовали его выхода из этой организации. Искренний в своем стремлении к неавторитаризму и притом гений тактики, Ганди придерживался своей идеи. Он все равно оставался высшей властью в конгрессе, но его уход позволял избежать трений и обид, которые неизбежно вызвало бы его присутствие. Ни одно важное решение не принимали, не посоветовавшись с ним; он ушел в тень, но не удалился от дел. Нет, писал Неру Ромену Роллану, он не бросил политику. «Это видимость. Все, кто обладает хоть каким-то весом в Индии, по-прежнему советуются с ним. Его нынешний уход почти в точности повторяет тот, что был в 1923 году, по выходе из тюрьмы. Он медитирует и наблюдает, подстерегая момент для действия»^[235].

Или такое мнение: «Он уже давно прослыл мастером в искусстве действовать, не выходя на передний план, руководить, не приказывая, или изменять свою позицию, не отрекаясь от своих решений... Гораздо раньше Мао Цзэдуна он попробовал руководить, отсутствуя»^[236]. (Например, он способствовал избранию Неру председателем конгресса в 1936 году, ослабив, таким образом, самое радикальное крыло «левых», представленное Субхасом Чандра Бозе, которого Ганди подтолкнет к отставке в 1939-м. Он будет влиять на Неру после опубликования в 1935 году нового Акта об управлении Индией — конституции, предложенной британцами: конгресс пусть неохотно, но согласился участвовать в избрании провинциальных властей; эти выборы принесут ему блестящий успех и поражение Джинне и Мусульманской лиге, вследствие чего между обеими организациями начнется открытая борьба. Благодаря ряду назначений Ганди сохранил единство конгресса, показав себя знатоком людей, сгладив трения между Пателом, представлявшим «старую гвардию» консерваторов, и Неру, возглавлявшим левое крыло. Эта организация без серьезных разногласий преодолела важнейший период, отделявший Индию от независимости. В июне 1938 года он переписывался с Джинной, пытаясь уменьшить напряженность между индусами и мусульманами. В ноябре 1938 года он высказался по поводу Мюнхенского соглашения: «Мир, завоеванный Европой в Мюнхене, — это торжество насилия, а значит, поражение». А в августе 1939-го он посоветовал конгрессу выступить в поддержку западных демократий против фашистской агрессии. После этого «удаления» он вернулся на авансцену.)

Обладатель тонкого политического чутья — определенно. Пророк — очевидно. Идеалист — конечно, но наделенный практической сметкой.

Мудрец (как Ганди называл Роллана) подметил «его интерес ко всем окружающим его вещам, от самых малых до великих». Именно это свое качество он применил в деревнях. Отождествить себя с правительством, подчиниться проискам и интригам политики? Нет, ему было гораздо важнее, не отказываясь от важных сражений, посвятить себя тому, что он считал самым главным. Искоренить неприкасаемость, облегчить крайнюю бедность деревенских жителей. Бродячая жизнь нищенствующего монаха. Идти, зачастую босиком, из поселка в поселок. С 1933 по 1939 год, когда Индия вступила в войну, Ганди хотя и следил за политической жизнью, больше не позволял отвлекать себя от главного дела.

«Океанский круг»

«Мой идеальный поселок существует пока только в моем воображении. В конце концов, каждый человек живет в мире своего воображения»^[237].

В письме к Неру от 1945 года он описывает свои фантазии: «В поселке моей мечты не будет недалеких крестьян: каждый будет вполне сознательным...» В этом поселке он постарается осуществить свой идеал «совершенной демократии, основанной на личной свободе». Утопия? Возможно, как и его мечты о бесклассовом и бескастовом обществе, о золотом веке, который он назвал «Рам радж», что «на религиозном языке означает Царствие Божие на земле, а на политическом — совершенную демократию, где исчезнет неравенство, основанное на обладании и необладании, на цвете кожи, расовой, религиозной и половой принадлежности; в этой демократии земля и государство принадлежат народу, правосудие вершится быстро, безупречно и недорого, существует свобода вероисповедания, слова и печати, и всё это благодаря нравственному закону, которому каждый подчиняет себя сам»^[238].

Термины, уходящие корнями в религиозное прошлое, нравились крестьянам, но не нравились интеллигенции: чтобы изменить общественный строй, лучше полагаться на партии, чем на ненадежное самообладание (в этой связи на ум приходит фраза Оруэлла по поводу гандиевской доктрины: «Мысль о том, что люди способны откликнуться на великодушные, следует серьезно пересмотреть»^[239]). Однако, как признал Неру после смерти Ганди, «речи Гандиджи о “Рам радже” принесли революцию в миллионы домов, хотя люди не вполне это осознали». (Точно

так же, хотя он редко осуждал систему каст как таковую, разве что под конец жизни, и то с оговорками, вся система, по словам Неру, оказалась подорвана его настойчивыми стараниями улучшить положение неприкасаемых.)

Но сам Ганди, идеализируя свой поселок, прекрасно знал, что за ним пойдут не все. Его мечты были сильнее этой уверенности:

«Только в простоте сельской жизни к нам может прийти представление об истине и ненасилии. Простота заключается в прялке и во всем, что с ней связано. Меня вовсе не пугает то, что мир движется в противоположном направлении. На самом деле, когда ночная бабочка приближается к своей судьбе, она кружит все быстрее и быстрее, пока не сгорит. Возможно, что Индии не удастся избежать кружения ночного мотылька. Мой долг — пытаться до последнего вздоха спасти Индию, а через нее и весь мир от этой участи»^[240].

«Простота» — ключевое слово идиллической картинке мира и благоденствия, идеала, заключенного в старом порядке и легендах. Мечта, которую предстояло осуществить весьма практическими методами. Смесь утопии и рассудочности, двойная способность воспламенить воображение и поощрять надежду идеалом, «сделать невероятное возможным» и изменить реальность действием.

Каждый поселок должен стать автономным — «полномочной республикой». Каждый поселок должен быть самодостаточным. Независимым в плане жизненных потребностей, обеспечивающим себя одеждой и пропитанием — хлопком и овощами, — а в остальном должна быть взаимозависимость. Его деятельность будет по возможности организована на основе ассоциаций; в каждом поселке будут своя школа, свой театр, свой дом собраний. Начальное образование будет бесплатным и обязательным; улаживанием споров займется выборный панчаят. И Ганди расписывал свою фантазию: это будет не пирамида, основание которой поддерживает вершину, а «океанский круг, центром которого станет человек, всегда готовый отдать свою жизнь за свой поселок, который всегда будет готов погибнуть за круг поселков, пока всё вместе не превратится в единую жизнь, состоящую из отдельных людей, не агрессивных и не надменных, а смиренных и проникнутых величием океанского круга, неотъемлемой частью которого они являются».

Однако вместо этого совершенного существования Ганди, путешествуя по стране, видел лишь крайнюю нищету, нравственное разложение, пьянство, наркоманию, насилие, отвратительную нечистоту, сезонную безработицу... Он плакал, когда узнал из труда известного бенгальского

писателя Р. Ч. Датта «Экономическая история Индии», как процветающее кустарное производство в деревнях было уничтожено Ост-Индской компанией в интересах британской промышленности. Центр тяжести теперь переместился с 700 тысяч поселков, где проживало подавляющее большинство населения, к нескольким большим городам — по мнению Ганди, искусственным нагромождениям, которые жили за счет эксплуатации деревни, паразитам, сосущим их кровь. Города, где властвовал паразитирующий класс (опять это слово) посредников, мечущихся между оккупантом и индийским народом, на самом деле служили распространению иноземного влияния, от которого Индия должна была освободиться, чтобы обрести себя, свое настоящее лицо. Во время «большого процесса» он заявил:

«Никакие софизмы, никакое жонглирование цифрами не может затушевать тот очевидный факт, что во многих деревнях бродят скелеты. Я не сомневаюсь, что Англии и жителям городов придется ответить перед Богом, если он есть, за это преступление против человечества, которому, возможно, нет равных в мировой истории»^[241].

Для борьбы с этим злом он собирался предложить, с одной стороны, промышленную децентрализацию и возрождение деревенского пряжения и ткачества, а с другой — возвращение к чарху; эта инициатива, вызвав некоторое воодушевление, в конце концов угасла. Прихоть романтика, мечтающего возродить прошлое? Или «конкретная попытка сократить бедность и улучшить условия жизни в деревне»? И то и другое, а еще третье: «Эта кампания заставила Индию подумать о бедном крестьянине как о человеческом существе... и уяснить себе главную истину: настоящим признаком прогресса и свободы в Индии служит не появление определенного числа миллионеров, а изменение положения и условий жизни крестьянина»^[242]. Каковы критерии прогресса: возникновение крупных состояний или отсутствие бедности?

Ганди решил сам поселиться в деревне. Он выбрал Сегаон, основав там ашрам Севаграм^[243] рядом с Вардхой, где он жил с 1933 года: 600 жителей, лавка, почта. Он занял шалаш. Тем, кто приходил к нему, приходилось пробираться по щиколотку в грязи, поскольку климат там был нездоровый, и не было ни одного сельчанина, который не болел бы малярией или дизентерией. Кстати, Ганди тоже заболел, но отказался покинуть Сегаон. Вскоре его ученики, вместо того чтобы рассеяться по окрестным деревням, как он надеялся, явились жить рядом с ним. Среди них был профессор Бхансали, который бродил по лесу, голый и босой,

питаясь листьями; поляк, обратившийся в гандизм, любитель ремесел; знаток санскрита, болевший проказой, которого Ганди поселил рядом со своей хижиной, чтобы за ним ухаживать; японский монах, который «работал как вол и жил как пустынный»... Пател, соратник Ганди и член конгресса, называл Сегаон «зверинцем», а сам Ганди не без юмора считал его «приютом инвалидов». К покалеченным жизнью присоединились желающие обрести покой или вырасти над собой, найти пристанище на несколько дней или месяцев, явившиеся со всего света. Ланца дель Васто, французский писатель итальянского происхождения, который впоследствии основал общину во Франции, жил в Вардхе, «чтобы научиться быть лучшим христианином»^[244]. Там был и доктор Калленбах, старый друг со времен Южной Африки, болевший душой за преследуемых евреев. Со всех сторон света — из США, Японии, Южной Африки, Англии и Ирландии, России, Бирмы и Франции — на тревожном излете десятилетия люди приезжали увидеть Ганди и посоветоваться с ним, расспросить о власти ненасилия, пока мир вновь не погряз в варварстве.

Вокруг Сегаона выросли другие хижины, появились и новые учреждения, имевшие целью возродить жизнь в деревне. Всеиндийская ассоциация сельской промышленности развивала сельское производство, открыла школу для обучения деревенских жителей, издавала свою газету... Не пренебрегали ничем: нужно было поднять на новую высоту разведение коров и образование людей, усердие к труду и режим питания — одну из главных забот Ганди, который всю жизнь ставил опыты на самом себе, бесконечно шлифуя диеты, чтобы добиться наилучшего эффекта с наименьшими затратами. Крестьяне голодали, тому виной, конечно, был недостаток продуктов питания, но еще — как с ошеломлением обнаружил Ганди — и их привычки в этой области. Он немедленно попросил нескольких специалистов изучить местные природные ресурсы и возможности их использования. Сам он как «опытный кулинар» добивался нужной стадии варки, чтобы не лишить пищевой ценности зеленые листья, дававшие крестьянам недостающие витамины...

Образовательная система — тоже важно. По мнению Ганди, ее недостатком был отрыв от реальности и повседневной жизни, что способствовало увеличению различий между элитой и всеми прочими. Так, преподавание иностранного языка воздвигло преграду между миллионами деревенских жителей и привилегированными горожанами. Ганди созвал совещание специалистов, чтобы поразмыслить над реальными потребностями населения. Из этих раздумий родилась программа, вызвавшая жаркие споры, однако заставившая пересмотреть расхожие

истины.

И поскольку городская элита все-таки была нужна для преобразования села, Ганди посоветовал конгрессу проводить сессии в деревнях. На первой такой сессии, в Файзпуре, Ганди с удовлетворением убедился, что можно работать вне городского шума и суеты. Он собрал волонтеров, оторванных от своей беспокойной жизни, и разослал их по деревням, чтобы поддержать или ускорить создание местных производств (вспоминается Тагор, побуждавший «грамотных людей, поэтов, музыкантов и художников» вносить свою лепту, «иначе они тоже будут паразитировать, выкачивая из народа соки и не давая ничего взамен». «Наша цель, — писал он, — постараться направить поток счастья в заглохшее русло деревенской жизни».)

И ашрам Севаграм стал центром, где можно было увидеть гармоничное существование образцового поселка.

Истинный смысл слов «прогресс» и «цивилизация»

Каковы причины чудовищного разрыва между горсткой богачей (в городах) и огромной массой голодающих (в деревнях)? Согласно Ганди, это «иностранный владычество и эксплуатация, которой оно сопровождалось, а также западная капиталистическая индустриальная цивилизация, находящая свое воплощение в машинах»^[245].

Филиппики Ганди против современной цивилизации и машин цитировали очень часто. В самом деле, он безоговорочно осуждает их во множестве статей и книг, яростно обрушиваясь на них в «Хинд сварадж». Но, если приглядеться, он обращается не столько к индустриализации, сколько к духу, который ею руководит, — духу наживы и конкуренции, который поддерживает насилие в человеке и между людьми, достигающее пароксизма в войнах и колониальных завоеваниях; этот дух надо прежде всего найти в самом себе. «Последняя война показала сатанинскую природу цивилизации, главенствующей в современной Европе. Все законы общественной морали были сломлены победителями во имя добродетели. Не было такой мерзкой лжи, какую ни пустили бы в ход. За всеми этими преступлениями стоят грубо материальные причины... Европа не христианская. Она поклоняется Мамоне...» — писал Роллан в 1924 году в своей биографии Ганди.

В знаменитом письме лорду Амптхиллу (30 октября 1909 года) Ганди дает такой вежливый совет: «Мне кажется, британский народ одержим

своим коммерческим эгоизмом... Индия еще больше страдает от того, что ее эксплуатируют в интересах иностранных капиталистов. По моему смиренному мнению, чтобы победить это зло, Англии следует отойти от современной цивилизации, зараженной этим эгоистическим и материалистическим духом». (В том же письме он утверждал, что отказался от методов насильственного сопротивления, поскольку они согласуются с «современной цивилизацией, а значит, с духом конкуренции и разрушения, неизбежно вытекающим из современной морали».) В конкуренции он видел форму насилия, которая настраивает людей друг против друга в ненасытном желании больше иметь или быть чем-то большим. Основать экономику на конкуренции значит утвердить или укрепить отношения силы. Ганди четко видел логику, на которой держится такая форма экономики, как и колониальные завоевания, — насилие. Он попытался пресечь ее в зародыше.

Бороться с современной цивилизацией и духом наживы — с этим единственным, навязчивым, ограниченным побудительным мотивом — значит изменить отношение к вещам. Не отказываться от прогресса, это необязательно, но осуществлять его при определенных условиях, смотреть на него под другим углом зрения, подлаживаться под человека. Не «экономического агента», главенствующего на сцене, а просто человека со всеми его разнообразными и сложными устремлениями. В самом деле, настоящая революция. Экономическая программа будет подчинена этому важнейшему соображению и сформулирована в этическом плане. Таким образом, появилась направляющая идея, единственная цель — человек, — которая определяла собой предлагаемые решения, а их задачей было способствовать ее развитию, довести человека до «умственной и нравственной зрелости». Нужно было помешать ему стать рабом или, если угодно, зависимым — от орудий, машин, окружающей среды, имущества, сменяющих друг друга желаний. В очередной раз — сохранить достоинство. Мало британских чиновников понимали такой язык. Просто, по их мнению, его следовало приберечь для других сфер — для области принципов, которыми размахивают в воздухе, как флагами, но никогда не применяют на практике.

Итак, он не отказывался от «прогресса» или «цивилизации». Просто задумывался об истинном значении этих слов. Прогресс? Ему охотно дают определения: например, «экономический», которое не всегда совпадает с «истинный». Потому что «истинный» обращается к другим ценностям. «Вступает ли экономический прогресс в противоречие с истинным прогрессом?» — такова была тема одной конференции, предложенная

Ганди в 1916 году. Или, если короче, вся его позиция выразилась в таком вопросе: «Может ли материальная выгода принести выгоду моральную?»

Разумеется, не было и речи о том, чтобы отрицать необходимость материальной выгоды:

«Никто никогда не утверждал, что острая нищета может привести к чему-то другому, кроме нравственного разложения. Каждый человек имеет право на жизнь, а следовательно, должен иметь пищу, одежду и кров»^[246].

И все же вопрос о нравственном прогрессе оставался на повестке дня и не был связан с материальной выгодой. Во-первых, в западных обществах, основанных на силе (Ганди еще мог противопоставить их Востоку), богатства накапливались в руках нескольких людей, тогда как большинство с трудом зарабатывало на жизнь или не зарабатывало вообще — отверженные, брошенные, сломленные системой, утратившие всякую ценность для общества, не уважающие сами себя, ведь главные критерии — деньги и успех. И как говорить о моральной выгоде в обществе такого типа? Во-вторых, такую выгоду вряд ли получают люди, пользующиеся самыми большими материальными благами: «Я наблюдал, практически неизменно, что чем больше владения богачей, тем больше бросается в глаза их моральная низость». И еще: «Сделав нашей целью современное материалистическое безумие, мы повернули в обратную сторону от прогресса. Для меня экономический прогресс, в том смысле, какой я ему придаю, противоположен действительному прогрессу».

Что же тогда такое «настоящий» прогресс? «Прогресс имеет смысл лишь тогда, когда устремлен к идеалу совершенства».

А настоящая цивилизация? «Что такое настоящая цивилизация?» — этот вопрос он задает в «Хинд сварадж». Верно одно: она не та, где стараются создавать потребности: «Создавать бесконечное число потребностей, чтобы потом их удовлетворять, — все равно что гоняться за ветром. Это ложный идеал, ловушка». Удовлетворить одну потребность, потом другую и всё больше, чтобы никогда не обрести покоя, — «дух, что непоседливая птичка; чем больше он получает, тем больше хочет, и в конце концов, все-таки не бывает удовлетворен» — вот формула обмана, форма рабства.

«Цивилизация в истинном смысле этого слова заключается не в умножении потребностей, а в намеренном их ограничении».

Иначе говоря — самообладание: уменьшить свои потребности, чтобы быть счастливым. «Намеренное и добровольное стеснение себя», «источник истинного счастья и удовлетворения, который увеличивает способность к служению». Счастье заключено в «стеснении» желаний —

прием, который вряд ли будет популярен. Подальше от крайней бедности, как и от великого богатства. «Он не имеет желания поднять уровень жизни людей выше определенного, довольно скромного порога», — укорял его Неру. «Гандиджи не является ревностным сторонником постоянно материального улучшения быта и увеличения роскоши за счет материальных и моральных ценностей»^[247]. (Согласно недавнему американскому исследованию, он не вполне заблуждался, поскольку счастье людей зависит не от уровня их доходов, а от сознания, что они имеют больше, чем сосед.)

Следовательно, западные народы не представляют собой, как им кажется, «цивилизацию» — слово, за которым порой стоит мысль единственно об экономическом развитии или техническом прогрессе, — а «раздавлены под грузом чудовищного бога материализма. Их нравственное развитие остановилось». Чудовищный бог, требующий человеческих жертв, — ведь если угодить в машину, что от тебя останется?

В этом смысле интересно сопоставить идеи Ганди и Тагора, которые до 1930-х годов противоречили друг другу, — что по поводу прялки, что в плане бойкота иностранных тканей. Две противоположные породы людей, как говорил Ромен Роллан: аристократ и народный гуру; пророк религиозного действия, презирающий интеллектуальные ценности, и великий художник, живущий мыслью. То же говорит Неру: Тагор был «художником-аристократом, ставшим демократом, симпатизирующим пролетариату», он представлял собой культурную индийскую традицию, заключающуюся в том, чтобы принимать жизнь во всей ее полноте; Ганди — в большей степени человек из народа, воплощающий собой древнюю традицию самоотречения и аскетизма. Две противоположности, но все же два голоса, которые сливаются, взывая к духовности.

«Когда люди объединяются лишь с материальной целью, они образуют массу, а не живое собрание... Вот что получается от подмены истинной цивилизации тем, что на Западе называют “прогрессом”».

Или:

«Вся цивилизация заражена поверхностной ненасытностью».

Машина против человека

Ганди обвиняли в отсталости, говорили о его «средневековости» (Ромен Роллан). Во многом он был обязан этим своему культу прялки: он проповедовал экономику примитивного типа, которая могла лишь усилить

бедность, тогда как промышленный прогресс мог разрешить эту проблему. В этой области позиция Ганди, крайне непримиримая в то время, когда он писал «Хинд сварадж», постоянно развивалась. И его осуждение машин и современной цивилизации (положительные стороны которой он, между прочим, признавал и использовал) не было огульным. В 1921 году он писал: «Я буду ратовать за самую передовую механизацию, если это позволит Индии избежать бедности». В 1924-м: «Я восстаю против безумия машин, а не против машин как таковых». В 1936-м: «Я не против механизации, но я категорически восстаю против нее, когда она навязывает нам свое господство...» И в 1947-м: «Мощь машины может способствовать экономическому прогрессу. Но некоторые капиталисты использовали эту мощь, не заботясь об интересах обыкновенных людей, вот почему наше положение сегодня ухудшилось».

Нападая на машины, он на самом деле нападал на эксплуатацию бедных богатыми («Сегодня машина позволяет меньшинству раздавить большинство... За ними стоит не человеколюбие, а хищничество»). Производство богатств сосредоточилось в руках нескольких людей: массовое производство или производство ради масс? Разница есть.

«Я в достаточной степени социалист, чтобы заявить, что заводы следует национализировать или поставить под контроль государства. Они должны действовать только в идеальных условиях, не ради наживы, а для пользы человечества, когда главным стимулом служит не хищничество, а любовь»^[248].

Поставить любовь на место алчности — это ли не утопия?

Реакционер?

«Социализм» Ганди, по словам Неру, имел мало общего с политическим режимом, обычно называемым этим именем, «почти ничего общего», однако был явно связан с его любовью к человечеству, выходящей за рамки какой-либо партии. (То же относится к демократии: представление о ней Ганди «было чистой воды метафизикой. Оно никак не было связано с количеством, большинством или представительством... Оно основывалось на служении и самопожертвовании, и средством ее было нравственное принуждение»^[249].) Кстати, Ганди возражал против социализма. И при этом помогал соцпартии составить свою фракцию в конгрессе. «Я возражаю против социализма в том виде, в каком он

преподносится здесь, в официальной программе. Мне нечего возразить против теории или философии социализма»^[250]. Во взглядах Ганди всё очень сложно.

«Он остерегался социализма и в особенности марксизма из-за их связи с насилием. Простые слова “классовая борьба” означали конфликт и насилие, а следовательно, претили ему»^[251]. В 1931 году Ганди беседовал с Роменом Ролланом о классовой борьбе; Роллан объяснил ему смысл выражения «диктатура пролетариата». На это Ганди ответил: «Я категорически против этого. Ибо это означает, что Труд хочет завладеть Капиталом; а завладеть Капиталом — не лучший способ покончить с ним. Если подать Труду плохой пример, Труд никогда не осуществит своих возможностей»^[252]. И привел в пример забастовку в Ахмадабаде, когда рабочие под его руководством пришли к осознанию своей солидарности. «Я хотел внушить им, — продолжал он, — что они и есть настоящие капиталисты, поскольку капитал состоит не из металлических денег, а из воли и способности к труду. Это неограниченный капитал». И дальше — такое утверждение: «Я не приму идеи диктатуры, основанной на насилии».

Ганди настаивал на том, что средства определяют цель, он отвергал насилие, потому что оно ведет к насилию, а следовательно, отвергал коммунизм — именно потому, что тот использовал насилие. Безупречная логика.

«Я твердо убежден, что, если государство избавится от капитализма путем насилия, оно, в свою очередь, окажется затянутым в воронку насилия и развитие в нем ненасилия сделается невозможным»^[253].

Со своей стороны, коммунисты выступали против него, обвиняя его в том, что он помешал народной революции (хотя сомнительно, что она бы произошла, даже без Ганди; сегодня их доводы повторяют гонители Ганди, укорявшие его за то, что он «блокировал глубинную и необходимую эволюцию условий жизни индийских масс»). Для тех, кто рассматривает историю с точки зрения классовой борьбы, существование общественных классов само по себе является насилием, а потому ненасилие Ганди может быть лишь способом приспособляться к этому основополагающему насилию. «Вступая в противоречие с буржуазным миром, революционный мир заявляет, что Ганди социально реакционен, что он поборник капитализма и правящих классов, а как таковой, сколько бы он ни ратовал за ненасилие, — защитник насилия в человеческом обществе»^[254].

Из-за своей исходной точки рассуждение такого рода неизбежно приводит к недоразумению; оно не улавливает основы ненасилия Ганди,

которое, вовсе не совпадая с идеологией пацифизма и желанием сохранить статус-кво, является оружием духовной борьбы. Ганди же, со своей стороны, не мог принять материалистический и атеистический коммунизм, хотя тоже боролся с капитализмом и империализмом. Его духовное оружие должно было воздействовать на богатство, вернее, его владельцев, простых хранителей своего имущества, по мнению Ганди, которые должны были отчитываться за него перед народом и оставлять для себя и своей семьи лишь самое необходимое. Капиталисты играли свою роль и приносили пользу: лучше переубедить их, чем истреблять. А если убеждение не сработает, тогда эксплуатируемые прибегнут к несотрудничеству: как правительство не сможет выжить без содействия народа, так и экономическая эксплуатация невозможна без активного или пассивного согласия эксплуатируемых.

Его упрекали за то, что он не борется одновременно с оккупантами и князьями-тиранами, иностранным угнетением и злоупотреблениями привилегированных классов. Он в недостаточной мере направлял силу рабочих и гнев крестьян против хозяев земли или заводов. В этой критике не учитывается стратегия сатьяграхи и ее дух. Ибо цель состояла в том, чтобы заглянуть внутрь себя и пересмотреть всё, что мешает гармоничным отношениям между людьми, не подключая к этому ненависть и насилие. Ненасилие оставалось извечным центром всякого действия. «Я предпочитаю полный провал, лишь бы ненасилие было соблюдено, нежели отойти от него хоть на пядь ради достижения сомнительного результата».

Результаты «сомнительны», когда перемен добиваются силой (и будущее подтвердит правоту Ганди, поскольку сила, поставленная на службу уравниловке, привела к величайшим преступлениям в истории — в России, в Китае, в Северной Корее, в Камбодже). Но если обратиться к другим средствам (любви), общество преобразится не менее радикально. Задаться вопросом о достигнутом успехе — значит поставить вопрос об эффективности ненасилия — дебаты, на взгляд Ганди, совершенно неуместные. Ибо даже провал не мог поставить под сомнение ценность абсолютного закона, он говорил лишь о несовершенстве того, кто его применяет. «Тактика ненасилия стала для него единственно верной; если ее правильно применять, она непогрешима. Утверждать, что для нее необходимы особо благоприятные условия и что ее можно применять лишь при определенных обстоятельствах, значило... отрицать ее универсальность и непогрешимость»^[255]. Вывод, недопустимый для Ганди.

Если начать рассуждать об универсальности ненасилия, потребуется

написать несколько томов. Нельсон Мандела^[256] видел в ней необходимость, способ противостоять гораздо более могущественному государству, то есть стратегию, а не моральный принцип: «Я считаю ненасилие гандиевского образца не ненарушимым принципом, а тактикой, которую надлежит использовать, когда того требуют обстоятельства». Однако в основе различных антирасистских протестных движений, что в США с Мартином Лютером Кингом и движением за гражданские права, что в Южной Африке с Африканским национальным конгрессом (АНК) и Нельсоном Манделой, лежало совершенно гандиевское рассуждение, хотя жестокие репрессии и вынудили АНК пройти через период «вооруженной борьбы». «Психологически ненасилие имело огромное значение для чернокожих, — писал Мартин Лютер Кинг. — Ибо борясь за то, чтобы отвоевать и утвердить свое достоинство, они заслуживали и приобретали уважение к самим себе». Аун Сан Су Чжи, «Ганди из Бирмы», как ее называли, пламенная буддистка, тоже отталкивается от гандиевского ненасилия, но, несмотря на сочувствие всего мира ее позиции (она получила в 1991 году Нобелевскую премию мира), она не помогла разжать тиски яростной диктатуры, не имеющей ничего общего с либеральной Англией, с которой сражался Ганди, к тому же поддерживаемой и вооружаемой Китаем. Следует ли из этого заключить, как Мандела, что «пассивное ненасильственное сопротивление эффективно лишь в том случае, если ваши противники следуют тем же правилам, что и вы»? Эффективно, но при условии, что мир менее безразличен или менее раболепен, менее поработчен главенствующими экономическими интересами.

ВОЙНА

3 сентября 1939 года индийская пресса опубликовала заявление: «Я, Виктор Александр Джон, маркиз Линлитгоу, генерал-губернатор Индии... сообщаю, что между его величеством и Германией объявлена война». Вот так вицекороль объявил о вступлении Индии в войну.

«Один-единственный человек, к тому же иностранец, представитель ненавистной системы, вверг 400 миллионов человеческих существ в войну, даже не спросив»^[257]. Один-единственный человек решал судьбу миллионов людей; ни одному представителю народа не было дано возможности высказать свое мнение.

А с чего бы Индии вступить в войну? Конечно, конгресс, внешняя политика которого определялась Неру, безоговорочно высказался против тоталитарных режимов, приняв сторону жертв агрессии; конечно, он симпатизировал демократии и свободе. Эти два слова часто упоминались. В какой мере они соответствовали истинным целям войны? Да, о какой демократии, о какой свободе шла речь? О тех, которые защищали ради собственной выгоды, в своей собственной стране, отказывая в них другим — жителям колоний? «Индия не может примкнуть к войне, которая якобы отстаивает демократическую свободу, тогда как ей самой отказано в этой свободе, и она лишена даже той ограниченной свободы, какой обладала». В этом заключалась суть заявления, распространенного постоянной комиссией конгресса 14 сентября 1939 года. «Великобритания и Франция заявили, что сражаются во имя демократии и свободы, чтобы положить конец агрессии. Но в новейшей истории есть множество примеров постоянного противоречия между тем, что говорится (провозглашаемыми идеалами), и настоящими побуждениями и целями»^[258].

Если в самом деле сражаются за демократию и за мировой порядок, основанный на демократии, тогда Англии следует положить конец империализму в ее собственных владениях. Если же она, наоборот, сохранит свое иго, несмотря на все просьбы и ожидания Индии, «если когти империализма по-прежнему вонзены в живую плоть» народа, не значит ли это, что для нее война — средство «отстоять статус-кво, империалистические владения, колонии, обеспеченные интересы и несправедливость»? В этой части света события воспринимали иначе.

«Во время войны, — писал Неру, — стало ясно, что западные демократии сражались не за изменение, а за сохранение прежнего

порядка». В таком случае индийцы имели все причины отказаться сражаться за идеал, ложность которого обличало их собственное положение покоренной страны, не так ли?

И все же Великобритания, во имя этого мнимого идеала (ложность которого угнетенные ощущали всем телом), намеревалась насильно вовлечь их в войну, на которой они могли отдать свою жизнь, но как рабы, получающие приказы, даже не имея гордости заявить о своем самопожертвовании.

Да с какой стати индийцам вступать в войну на стороне страны, которая, заявляя, будто отстаивает идеал «всемирной свободы», сама отбирает у своих колоний эту пресловутую свободу до последней крошки? Более того, не колеблясь, прибегает к методам фашизма против эксплуатируемых народов, когда в другом месте сражается с ним ради себя самой?

«Под маской некоторых из этих демократий процветали империи, где не существовало никакой демократии, а царил авторитаризм того же толка, что и фашизм»^[259].

Индия симпатизировала тем, кто сопротивлялся нацистской агрессии, предлагала свое содействие в войне с этим режимом, но это должно было быть сотрудничество *равных* во имя действительно достойной цели. И комиссия призывала британское правительство четко определить цели этой войны. «Демократия» и «империализм» — две вещи несовместные. «Было бы бесконечно трагично, если бы эта ужасная война велась в империалистическом духе, с целью сохранить эту структуру, которая сама по себе является причиной войн и вырождения человечества»^[260].

Ответом Англии стал полный отказ. Индию отбросили к ее положению рабыни. «Бесконтрольная автократия» XIX века снова лютовала. Британская Индия никуда не делась.

Летом 1940 года лавинообразное развитие событий — вторжение в Данию и Норвегию с последующим падением Франции — произвело сильное воздействие на умы. Перед лицом неумолимой опасности конгресс отказался использовать положение в своих целях; он предложил безраздельное участие в войне, однако при том условии, что независимость Индии, принятая уже сейчас, будет утверждена *после* войны.

Ганди, верный принципу, которому была подчинена вся его жизнь и который должен был ярче всего проявиться именно в такие минуты, высказался решительно против такого решения. Оно казалось ему предательством полувековых усилий и веры, а также надежды всего мира в

тот час, когда «от Индии ждут чего-то нового и небывалого». Кстати, он написал евреям и чехословакам, что твердо применяемое ненасилие совладеет с Гитлером. Гитлер не знает жалости? Ганди не мог поверить в абсолютное зло, в невозможность преобразования; чудовищность не входила в его концепцию человека. «Самая суровая жилка растает в огне любви». 24 декабря 1941 года он напишет Гитлеру (а потом и японцам): хоть вы и не чудовище, каким вас выставляют, нет никаких сомнений в том, что «многие из ваших поступков чудовищны и посягают на человеческое достоинство... Наша позиция едина. Мы сопротивляемся и британскому империализму, и нацизму. Если и существует различие, так только в степени. Пятая часть человечества повержена под британский сапог способами, не выдерживающими критики...»^[261].

Индия пытается сбросить с себя это иго ненасилием. «При ненасильственной борьбе поражения не существует. Это значит действовать или умереть, не убивая и не рая. Ее можно использовать практически без денег и, разумеется, без помощи разрушительной науки, которую вы довели до такого совершенства». Последнее утверждение должно было доказать превосходство сатьяграхи над «наукой разрушения», которая однажды непременно потерпит поражение на собственном поле. «Вы не оставите вашему народу наследства, которым он смог бы гордиться. Он не сможет испытывать гордости от рассказов о жестоких деяниях... Я прошу вас прекратить войну во имя человечности...» Ганди серьезно боролся с гитлеризмом, который, в его представлении, был сродни империализму, отличаясь от него лишь степенью — «использование голых силы, сведенное к точной науке и используемое с научной точностью».

Гораздо лучше, чем в 1920 или 1930 году, он видел теперь ловушки ненасилия. «В потайном уголке моего сердца... — писал он, — я веду постоянный спор с Богом, который допускает подобные вещи; мое ненасилие кажется почти бессильным».

Конгресс отмежевался от своего лидера. «Это было глубоким горем для всех, кто был заодно с ним, ибо конгресс в том виде, каким он стал, был его детищем. Но организация не могла согласиться с применением его принципа ненасилия к войне»^[262].

Сведя свои требования к минимуму и согласившись на жертвы, организация ожидала ответного жеста со стороны британского правительства — усилия, проявления отваги, «положительного психологического шока», который наполнил бы страну воодушевлением.

Ответ, полученный в августе 1940 года, лишь усилил и без того

большое чувство разочарования. Англия не собиралась передавать руководство Индией правительству, не пользуясь авторитетом у большой и влиятельной части населения. Не хотела она и применять силу. Такое заявление неизбежно усугубило бы непримиримость Мусульманской лиги и осложнило бы заключение возможного договора между ней и конгрессом, а такой договор был предварительным условием для передачи суверенитета Великобритании. Раз даже в столь важный момент англичане ограничились кое-какими уступками и, не отвечая на предложение о сотрудничестве, прибегли к испытанной тактике — разделяй и властвуй (именно так было истолковано заявление), — никакой надежды нет: «Они предпочитали гражданскую войну и гибель Индии утрате своего империалистического контроля».

Да, гражданская война: Джинна и его лига воспользовались акцентом, которые британские власти сделали на правах меньшинств (кстати, уже в сентябре Джинна уверял, что поддержит правительство в войне при условии, что все проекты конституционной реформы будут представлять ему на утверждение). Он еще раньше ясно заявил (в марте 1940 года в Лахоре), что его цель — добиться отдельного государства для мусульман. В октябре 1940 года, когда члены конгресса, в знак протеста против ответа Великобритании, ушли со всех постов в местных органах власти, Джинна призвал мусульман отпраздновать День освобождения. Позже заключение в тюрьму Ганди и руководителей конгресса в 1942 году позволит ему еще больше упрочить свои позиции в глазах общественности.

Выступления было не избежать. Естественно, конгресс снова обратился к Ганди. Уже в октябре 1940 года началась кампания «индивидуального гражданского неповиновения». На самом деле это было мощное движение нравственного протеста, чисто гандиевский метод борьбы, объединявший моральные принципы и революционную политику, отказываясь ставить противника в тяжелое положение, то есть подрывать военную оборону массовыми акциями. В его инструкциях сатьяграхам, о которых, как обычно, он поставил в известность вице-короля, уточнялось, что нельзя досаждать властям.

В середине ноября перешли ко второму этапу. Несколько тщательно отобранных людей, ученики и представители общественности, прошедшие испытание и получившие разрешение принести себя в жертву, нарушили какое-либо официальное предписание. Они были арестованы и брошены в тюрьму, 400 членов конгресса оказались за решеткой: Неру, приговоренный к четырем годам, Пател, Раджагопалачари, Азад (председатель конгресса) ... В мае 1941-го движение постепенно расширилось, уже 25–30 тысяч

мужчин и женщин гнили в тюрьме из-за гражданского неповиновения. Однако, повинувшись Ганди, Индия сохраняла спокойствие. На самом деле эффект от движения был небольшой, по словам госсекретаря Эймери, оно было «вялотекущим и безынтересным».

В декабре 1941 года случился Перл-Харбор, началась война в Тихом океане. За несколько дней до этого власти выпустили на свободу множество узников — неадекватный, недостаточный жест доброй воли.

Война приближалась к Индии. Теперь она затрагивала ее напрямую. 15 февраля 1942 года пал Сингапур. Малайзия, Бирма... Японцы напрямую угрожали востоку и западу страны. Опасность происходила не столько от союза индийских националистов с японцами (который был заключен, когда Субхас Чандра Бозе, националист-диссидент, набрал Индийскую национальную армию из индийских солдат, захваченных в плен в Малайзии, чтобы сражаться на стороне Японии), сколько от апатии, уныния индийского народа, его неспособности сопротивляться, если враг ступит на его землю, — в те дни такая опасность казалась реальной. Зимой 1941/42 года положение союзников стало таким же критическим, как в 1940-м, во время поражения Франции. Часть конгресса снова захотела объединить силы с британцами. И снова встретила принципиальный отпор. Ганди во второй раз «оказался неспособен отказаться от своей аксиомы ненасилия, — пишет Неру. — Близость войны была для него вызовом, испытанием его убеждений»^[263]. Моральная поддержка — да, но деятельная помощь в насильственном конфликте — нет, он этого не может. (Однако в месяцы перед августом 1942 года Ганди, «измучившись умственно и духовно», все же дал согласие на участие конгресса в войне.)

Тем временем ход войны заставлял английское правительство пересмотреть свои позиции. В марте 1942 года Черчилль под напором Рузвельта, но главное, молниеносного продвижения японских войск отправил в Индию сэра Стаффорда Криппса^[264] — лейбориста, спикера палаты общин, — чтобы предложить индийцам после войны статус доминиона вместе с другими посулами и обещаниями, например, возможности для любой индийской провинции, не принимающей новую конституцию, сохранить нынешние условия (это положение истолковали как поощрение к созданию Пакистана).

Ганди вызвали телеграммой. Он прочел ее и посоветовал Криппсу улететь обратно первым же самолетом. Неру же почувствовал себя «глубоко подавленным». Утверждая принцип самоопределения, предложения Лондона «побуждали все феодальные реакционные и

социально отсталые группы требовать отделения». Значит, реорганизация пройдет на фоне сепаратизма и все насущные проблемы — экономические и политические — будут задвинуты на задний план. Этим документом прикрывалась «стойкая вековая политика британского правительства: вызвать раскол в Индии и поощрять все факторы, противящиеся национальному росту и свободе»^[265].

В августе 1940 года предложения Линлитгоу побудили Джинну упорствовать в своей политике сепаратизма, и предложения 1942-го действовали в том же духе: Пакистан, призрачный проект, становился политически осуществимым.

Переговоры между Стаффордом Криппсом, вице-королем и индийскими лидерами об обороне Индии окончились провалом. В последнем письме председателя конгресса значилось: «Мы убеждены, что, если бы британское правительство не проводило политику, поощряющую беспорядки, мы были бы способны... объединиться». А в завершение письма говорилось, что это правительство «больше заботится о том, чтобы продлить как можно дольше свое господство в Индии и с этой целью разжигать разногласия в стране, чем о действительной обороне Индии от грозящего ей нападения и вторжения»^[266].

По возвращении в Англию сэр Стаффорд Криппс уверял, что в провале переговоров повинен Ганди из-за его непримиримости. Ложное обвинение: Ганди с самого начала высказал свое мнение, но ему пришлось уехать из Дели, так что он не участвовал в переговорах.

«Свободная Индия»

«На нас гигантскими шагами надвигались несчастья и катастрофы, а Индия была бессильна и бездеятельна, мрачна и угрюма, поле битвы враждебных и чуждых сил»^[267]. Неру даже желал, чтобы японцы напали на Индию, устроив ей хорошую встряску, дабы вывести из «могильного покоя», навязанного ей Великобританией. Лучше умереть, чем влачить жалкое существование безо всякой надежды: «Там, где наши могилы, там и воскрешение».

Какую положительную цель преследовала эта война? К какому будущему она вела? И какая судьба уготована Индии? «Призрак насилия, который таился в глубине западной психологии, в конце концов пробудился и осквернил человеческий дух», — написал Тагор перед смертью. «Раньше

я думал, что живительные родники цивилизации брызнут из сердца Европы. Но сегодня... эта уверенность рухнула». Рухнула вера в Европу: Индия, озлобленная и недоверчивая, была парализована, запуталась в своей публичной и политической деятельности, тревожилась о будущем; «тиски сжимались со всех сторон». И чувство отчаяния нарастало.

Тем временем Ганди написал ряд статей. Он почувствовал, от чего страдает народ, его апатию и подавленность, и восстал против этого состояния. Пусть признают свободу Индии, или начнется открытый мятеж. «В этом требовании не было ничего нового... но появилась новая срочность, новый огонь в словах и речах Гандиджи. И дыхание действия». И вдруг настроение в стране резко переменялось, перейдя от мрачной пассивности к крайнему возбуждению, лихорадочному ожиданию. Высвобожденные словами Ганди события, так долго удерживаемые в узде, теперь сменялись с невероятной быстротой. «Был ли Ганди прав или виноват, ясно одно: он четко выразил чувства народа». В этот критический момент он принес самую большую из жертв: «Его любовь к свободе Индии и свободе всех других эксплуатируемых народов превзошла даже веру в ненасилие». Значит, он решил поддержать резолюцию — в умеренном варианте, составленном Неру, — о том, что «главной задачей временного правительства свободной Индии станет привлечь все ресурсы страны к борьбе за независимость и широко сотрудничать с Объединенными Нациями, чтобы обеспечить оборону Индии при помощи всех сил, вооруженных и иных, находящихся в ее распоряжении»^[268].

Через какие душевные муки он прошел, чтобы преодолеть себя? «Исходя от него, эта перемена была значительной и поразительной», — поясняет Неру.

Речь шла не только о судьбе Индии. В глазах Ганди она была «символом поработенных и эксплуатируемых народов мира. Если она сохранит покорность, все остальные колонизованные страны тоже пребудут в своем нынешнем положении рабов, и война пройдет впустую». Сохранится прежний порядок. Но добиться независимости Индии, «образцовой территории современного империализма», значит, положить конец «поработению и эксплуатации одного народа другим»; требуя независимости, Ганди сражался за «сотни миллионов обездоленных, угнетенных, жертв расовой дискриминации в Европе и в Америке, а также в Азии и Африке, находящихся в еще худшем положении... которые страстно, вопреки рассудку, надеются, что победа в войне так или иначе облегчит бремя, под которым они изнемогают». (При этом для его соперника Черчилля, по словам Неру, главным было сохранить

«социальную структуру в Англии и имперскую структуру ее империи».) Была одна сложность: «Всякое действие с нашей стороны наверняка повредит военным усилиям». Но Ганди еще считал возможным вести переговоры с правительством, и это предупреждение, вероятно, было в его глазах способом возобновить диалог в тот момент, когда Англия ослаблена. «В его последней речи, обращенной ко Всеиндийскому комитету конгресса, звучало его искреннее желание прийти к согласию и твердое намерение встретиться с вице-королем»^[269].

7—8 августа в Бомбее комитет рассматривал резолюцию, известную под названием «Свободная Индия» («Quit India»). Первоначальный текст, написанный Ганди и представленный комитету 27 апреля 1942 года, был отвергнут; таким образом, был утвержден другой, доработанный документ, который Ганди и зачитал 8 августа того же года. «Свободная Индия» требовала немедленного признания независимости и конца британского владычества, при этом высказываясь за сохранение на ее территории союзных войск, чтобы «не нанести ущерб обороне Китая и России и не подвергнуть опасности оборонный потенциал Объединенных Наций». И тем не менее: «Комитет больше не намерен сдерживать усилия народа, желающего объявить свою волю империалистическому и авторитарному правительству, которое мешает ему действовать в его собственных интересах и в интересах человечества».

В конце комитет давал «добро» на создание движения народной борьбы, основанной «на принципах ненасилия, естественным лидером которой будет Гандиджи».

Резолюцию утвердили поздно вечером 8 августа 1942 года. Рано утром 9-го начались аресты. Начиная с индийского руководства.

Ганди осуждали за инициативу, подавшую ожидаемый повод к кровавым репрессиям. В самом деле, если вспомнить о его осторожности и предусмотрительности во время предыдущих кампаний, это внезапное решение, принятое в напряженной и наэлектризованной атмосфере, просто удивляет. Однако в момент принятия резолюции «Свободная Индия» места для маневра практически не оставалось, ситуация была нестерпимая, народ — в отчаянии. Нужно было действовать быстро, «несмотря на последствия». Всё лучше, чем полная деморализация Индии и застой, в котором она прозябала на фоне нарастающей японской угрозы. Впрочем, успехи японских войск вызывали у некоторых нарастающее удовлетворение. Единственное средство предотвратить раскол и вторжение в страну — дать Индии почувствовать дыхание свободы. Ганди, угадавший отчаяние народа, наверное, надеялся, что с помощью сатьяграхи сможет

удержать в узде ненависть и насилие. Но у сатьяграхи не было никаких шансов против террора и антитеррора, которые за этим последуют. Готовы ли они к этому? Рассчитывали в большей степени на разъяснения, переговоры, открытость. Ганди, как и Неру, был поражен своим арестом.

И страна восстала. Подавляемая ярость взорвалась; она снесла все преграды, подожгла полицейские участки, почтовые отделения, налоговые конторы, вокзалы — все символы власти; она срывала рельсы, перерезала телеграфные и телефонные провода, занималась саботажем и грабежом, позабыв о ненасилии (которое больше не послужит политическим оружием в войне за независимость). И правительство в ответ пустило в ход тяжелую артиллерию: полиция стреляла по безоружной и безначальной толпе, пулеметы и самолеты сеяли смерть. «Правительство подавило беспорядки всем своим весом», — заявил Черчилль в палате общин. К концу 1942 года около ста тысяч человек были арестованы, более тысячи — убиты полицией.

На границах Индии, в мусульманских пределах, был избит полицией и изувечен Абдул Гаффархан^[270] — великий пуштунский вождь, крупная и замечательная личность, убежденный сторонник ненасилия, которого по этой причине называли «пограничным Ганди», однако он установил такую дисциплину, что даже провокации не поколебали самообладания: не произошло никаких серьезных беспорядков, тогда как в остальной Индии насилие вырвалось наружу, возможно, в качестве ответной реакции на терпеливое учение Ганди (и всё же, как говорит Неру, полученное от него за долгие годы воспитание дало замечательный результат: проявления расовой вражды были редки, толпа разделялась с имуществом, не трогая людей). Репрессии, прикрытые непроницаемым покровом цензуры, продолжались: усмирив бунт, нужно было вырвать зло с корнем.

«Были созданы специальные трибуналы, избавленные от обычных правил процедуры... которые приговаривали тысячи людей к длительным срокам заключения и множество других — к смертной казни. Полиция... и всемогущие спецслужбы сделали главными органами в государстве. Они позволяли себе любые бесчинства и формы насилия... Огромное число студентов университетов подверглось наказаниям, тысячи молодых людей высекли... Целые деревни приговаривали к наказаниям от бичевания до смертной казни... С деревень требовали огромные суммы в качестве коллективного штрафа... Как удавалось выбить у несчастных голодных людей такие суммы — это другая история»^[271].

К тому же в 1943 году в Бенгалии свирепствовал самый страшный

голод за последнее столетие, поскольку реквизиция средств передвижения в пользу армии дезорганизовала распределение зерна: полтора миллиона смертей. Однако британские чиновники были по-прежнему уверены в своей правоте, неизменно вежливы и хорошо воспитаны, привержены букве закона. Стоит лишь почитать формальные и элегантные письма, адресованные лордом Линлитгоу Ганди, сидевшему в тюрьме. Так и представляешь себе это высшее руководство, заботящееся о поддержании ритуалов и дисциплины — единственных ценностей, сохранившихся в разваливающемся мире. «Словно фигурки в театре теней, они продолжали действовать, как в прошлом, стараясь произвести на нас впечатление сложным имперским протоколом, придворными церемониями, своим дурбаром и инвеститурами, своими парадами, ужинами и вечерними платьями, своими помпезными заявлениями»^[272]. В Англии же царили напряженность и тревога, связанные с войной.

Тем временем Махатма, сидя в тюрьме, возмущался тем, что официальная пропаганда приписывает волну насилия в Индии заговору руководителей конгресса (которые якобы хотели помешать союзникам сражаться с Японией; гораздо вероятнее, беспорядки поддерживались террористическим подпольем, действовавшим уже много лет, к которому примкнули некоторые элементы в конгрессе). Это было «избиение истины», — сетовал он. Если бы его не арестовали так поспешно, он бы, напротив, предупредил эти приступы ярости, как он умел это делать; ни он, ни его коллеги не собирались прибегать к насилию ни на одном этапе кампании. И его бросили в тюрьму, даже не дав изложить свои планы и провести переговоры, тогда как он всегда старался делиться своими замыслами, разрываясь между стремлением к свободе для Индии и желанием не создавать затруднений правительству во время войны, и эта точка зрения могла восторжествовать... Узник из Пуны писал горькие письма индийскому вице-королю лорду Линлитгоу, которого некогда считал своим другом. А теперь этот друг сомневается в его словах и преданности ненасилию! Этого Ганди вынести уже не мог: он попытался утишить свою боль трехнедельным постом, который начался 10 февраля 1943 года. Ганди чуть не умер, толпы вышли на улицу, но всё напрасно: в глазах вице-короля его пост был просто политическим шантажом — это слово вбило новый клин между ним и индийской общественностью. Махатма, любимый горячо как никогда, оставался символом национальной идеи и непокорности.

С точки зрения Линлитгоу, события 1942 года окончились победой. Сам Неру признавался: «Индия проиграла в последнем поединке, когда

важны были только сила и власть». Однако, как и две первые большие кампании — в 1920–1922 и 1930–1934 годах, — движение «Свободная Индия» дало мощный толчок, ускоривший уход англичан. Они оказались в ложном положении. Изнуренная военными усилиями, деморализованная беспощадной борьбой, которую Ганди и его товарищи вели 30 лет, к тому же обремененная долгом в 300 миллионов фунтов стерлингов перед Индией, Англия не могла торговаться с позиции силы. А тут и Черчилля, который, может быть, и продолжал бы борьбу, сняли с поста премьера: после выборов 1945 года к власти пришли Эттли и лейбористы. Война изменила карту мира и расстановку сил, но также и настроения. Колониальная эпоха отошла в прошлое. Новый вицекороль лорд Уэйвелл [\[273\]](#) получил задание быстро осуществить переход к автономии.

Конец войны

Вскоре после заключения в тюрьму Ганди потерял своего неразлучного помощника, «сына, секретаря и возлюбленного» в одном лице — Махадева Десая, который многие годы (он примкнул к Ганди в 1917 году, сдав экзамены на юридическом факультете) ежедневно разбирал обильную почту, принимал званных гостей и избавлялся от непрошенных, аккуратно вел счета, часами изучал карты и планы местности, чтобы организовывать нескончаемые поездки Ганди, пересказывал разговоры, передавал суть речей, редактировал статьи — порой при свете свечи, в вагоне третьего класса, когда нужно было быстро отправить текст. Он умер внезапно, наверное, от истощения, но еще и от страха, что Ганди заморит себя в тюрьме голодом до смерти. Вскоре после того, 22 февраля 1944 года, верная Кастурбай, тоже брошенная в тюрьму, скончалась, положив голову на колени Ганди. «Я ухожу, — сказала она ему. — Не плачьте обо мне, я обрела покой». «Мы были необычной парой», — написал Ганди в письме лорду Уэйвеллу. 62 года, прожитые вместе, смирение во взгляде, мужество, с каким она сносила испытания и участвовала в борьбе (и в Южной Африке, и в Индии она несколько раз стремилась попасть в тюрьму), а порой и сопротивлялась власти мужа, который, благодаря обету целомудрия, перестал ее тиранить, а после с уважением относился к ее мнению и ее решениям. В том же письме лорду Уэйвеллу, с которым он так и не встретился, Ганди объяснял, что целомудрие привязало их друг к другу в 37 лет еще крепче, чем раньше: «Мы перестали быть двумя отдельными единицами... в результате она действительно превратилась в

мою лучшую половину». Будучи поначалу очень упрямой, по словам мужа («если я пытался к чему-то ее принудить, она все равно делала так, как хотела сама»), она понемногу растворилась в нем, то есть в его работе — его служении. Как матери ей пришлось страдать из-за своих детей, в частности, старшего — Харилала, который всегда бросал вызов отцу и обратился в ислам. Это обращение было формой мести, Харилал постарался придать этому событию большую огласку. «Твой отец принял всё это мужественно, но я — слабая старая женщина, которой трудно с терпением выносить нравственные муки, причиняемые твоим недостойным поведением»^[274].

У Ганди же были причины подозревать, что за этим поступком стояли корыстные интересы. Он знал, что сын мстит ему и что его враги используют эту месть против него. И он обратился через прессу с письмом к своим друзьям-мусульманам: Харилал — пьяница и развратник, которого подвигла к обращению корысть, а не религия; если бы он надеялся, что Харилал исправится благодаря своей вере, он ни слова бы не сказал против его перехода в ислам, но... Перед смертью Кастурбай захотела с ним увидеться. Харилал пришел в тюрьму. Он был пьян, так что пришлось его выставить. Он умер в больнице Бомбея 19 июня 1948 года, побывав неузнанным на похоронах отца. Кастурбай страдала и из-за Манилала, их второго сына, которого Ганди на какое-то время сослал в Южную Африку, потому что тот одолжил денег Харилалу, вечно сидевшему без гроша. (Об авторитаризме Ганди как отца и супруга написано множество обвинительных книг, но есть и труды в его защиту. Говорили о «нежности его деспотизма»: тень его величия, бремя его миссии довлели надо всем. Один из биографов решил для забавы представить себе «нормального» Ганди: «...процветающий адвокат, живущий в симпатичном домике в пригороде Бомбея, отдав детей в английскую школу, делящий время между высоким судом и спортивным клубом, играя в бридж и время от времени в гольф, переписывающийся с главным редактором “Таймс оф Индия” и расхваливающий членам Ротари-клуба достоинства лечения природными средствами... Супруга Ганди и его дети, возможно, вели бы более легкую жизнь, но весь мир наверняка бы еще более обеднел».)

Суровый удар, подорвавший исключительную силу духа Ганди, его волю к жизни. «Я не могу представить себе жизни без нее... Она была неотделимой частью меня самого, после ее ухода осталась пустота, которую ничем не заполнить». Он тяжело заболел. У него были малярия, жар и, как впоследствии обнаружилось, амёбная дизентерия. Поскольку он приписывал болезнь «отсутствию веры в Бога» и упорно отказывался от

лекарств, вскоре ему стало совсем плохо.

В это время события повернулись в пользу союзников; освободить Ганди было теперь не так опасно, как позволить ему умереть в тюрьме, поэтому его выпустили 6 мая 1944 года, к его великому неудовольствию. Несмотря на свои 74 года, он был жизнелюбом и пламенным борцом: всего несколько недель спустя он снова вышел на политическую арену.

Не сумев примирить конгресс и правительство, он в очередной раз взялся за решение проблемы, созданной «теорией двух наций». По его словам, единство между индусами и мусульманами было его «страстью» с самой ранней юности:

«Я борюсь, чтобы сплотить собой две общины. Мое желание — сцементировать их моей кровью, если понадобится»^[275].

Он стремился заключить договор с Джинной — автором этой теории, которая должна была привести к «чудовищному расчленению целого мира» — рождению Пакистана, отделению части Индии. Разделить Индию на две нации — индусскую и мусульманскую — значило разделить сотни тысяч индийских деревень, провести границы там, где в них не было необходимости, дезорганизовать экономическую жизнь, выбить из-под нее основу, разорвать живую ткань. Чудовищно, глупо, бессмысленно. Тем более что новое государство будет разделено на две части, находящиеся в 1300 километрах друг от друга, а на территории Пакистана окажутся вкрапления внушительных немусульманских меньшинств, тогда как 25 миллионов мусульман будут рассеяны по индийской части. То есть это решение не покончит с проблемой отношений между общинами. А ведь всего несколько лет назад в тысячах деревень индусы и мусульмане мирно уживались, а трения возникали в основном между элитами. Но лидеры, в частности Джинна, сумели преобразовать разочарование в политическую энергию, разжигая недовольство, подчеркивая дискриминацию, которой подвергались мусульмане. Еще один тактический прием, еще одно обвинение: конгресс был проиндусской организацией, чуждой духу Корана, который не смог бы представлять интересы мусульман. Джинна жестко утверждал, что одна лишь лига способна это делать, и даже сам успех конгресса на выборах 1937 года, его усилия, чтобы привлечь к себе мусульман, вызывая угрозу индусского превосходства, словно давал ему аргументы и обострял противоречия. Британцы же хотя и не создали в Индии индо-мусульманского антагонизма, все же «постоянно прилагали усилия для его поддержания и предотвращения союза между двумя общинами»^[276].

Никакой, даже самый разумный аргумент не мог обезоружить Джинну — неумолимого, упрямого в своей гордыне, неспособного на компромисс, который к тому же не имел физической возможности (как и Черчилль) понять и полюбить Ганди, своего оппонента. Когда Ганди вышел на политическую сцену, Джинна покинул конгресс, питая отвращение и к самому этому человеку, и к его идеям, и к его популярности. На фотографии 1944 года он стоит рядом с Махатмой, на голову выше его, в белоснежном костюме, худой и прямой, точно мумия (кстати, он умрет в 1948 году). Ганди улыбается и протягивает ему руку. Напрасно: переговоры начались 9 сентября 1944 года и закончились 27-го, но в результате лишь добавили престижа Джинне, поскольку Махатма, который раньше при одном лишь упоминании о разделе Индии произносил слово «грех», теперь был в положении просителя, обсуждая с ним возможные способы действия.

На конференции в Симле, созванной лордом Уэйвеллом в 1945 году, Джинна потребовал паритета между мусульманами и другими общинами и, в конце концов, провалил переговоры, пожелав для лиги исключительного права назначать всех мусульманских членов исполнительного совета при вице-короле, — разумеется, конгресс не мог принять это условие. Возникает даже подозрение, что он стремился избежать договоренности.

После войны, в марте 1946 года, в Индию прислали министерскую делегацию. Двое из ее членов, лорд Петик-Лоуренс и сэр Стаффорд Криппс, были хорошо знакомы Ганди и часто с ним советовались. Главный вопрос: останется ли Индия неделимой? План, предложенный англичанами, был последней попыткой сохранить единство Индии, не навредив интересам мусульман. Лига и конгресс приняли его, хотя и без большого энтузиазма: для трений было много поводов, и они никуда не делись. Заявление Неру, сделанное 10 июля, вызвало несогласие, предоставив Джинне желанный путь к отступлению (а приверженцы плана обвинили конгресс в непримиримости, хотя очень вероятно, что именно непримиримость Джинны, проявившаяся в последний момент, завела переговоры в тупик). Последний шанс сохранить единство Индии, если он существовал, был утрачен, раздел становился неизбежен.

Джинна пошел ва-банк, взял обратно свое согласие и вновь заявил о своем намерении создать независимый Пакистан, призвав мусульман всей Индии провести день «прямого действия». Закончил он такими словами, ставшими знаменитыми: «Сегодня мы попрощались с конституционными методами... Но мы и выковали себе оружие и способны им воспользоваться»^[277]. Это оружие сотворит сотни тысяч жертв, оторвет 14 миллионов от их корней и вызовет один из самых кровавых конфликтов в

истории (и все же некоторые историки сегодня сомневаются в том, что идея о создании Пакистана исходит от одного человека — Мухаммеда Али Джинны, а драматический раздел был результатом «нагромождения ошибок, ложных расчетов и низостей»).

Снова захватив инициативу, лорд Уэйвелл поручил конгрессу и Неру сформировать временное правительство. Неру попытался установить контакт с Джинной, но тот отказался от имени лиги сотрудничать с «фашистским конгрессом кастовых индусов и их палачами». 16 августа 1946 года стало «днем прямого действия».

МУЧЕНИК

«Большая бойня»

В тот день в Бенгалии разразились самые кровавые бунты за всю историю Индии. Целых четыре дня бушевала «большая бойня в Калькутте». Банды убийц, вооруженные дрекольем, палками и топорами, а то и огнестрельным оружием, бродили по городу, оставленному без контроля полиции, грабили и убивали. Это были не столкновения организованных групп, а череда погромов: сначала мусульмане громили индусов, потом индусы мусульман (пять тысяч погибших, более пятнадцати тысяч раненых). Пробежал слух, что это испытание силой завершилось в пользу индусов. И на востоке Бенгалии, в округе Ноакхали^[278] с компактным проживанием мусульман, начались репрессии; с одной стороны — фанатики-проповедники, с другой — политики-манипуляторы; и те и другие разжигают ненависть, убивают во имя веры или из-за политических амбиций (порой объединяя и то и другое для пущей эффективности). Бешеное разрушение и унижение. Осквернение храмов, похищение и надругательство над женщинами, насильственные обращения в другую веру — нечто новое. Тысячи индусов стали беженцами.

Ганди узнал об этом, когда был в Дели. В то время он по-прежнему был лидером конгресса, с ним советовались по всякому поводу, однако меньше к нему прислушивались. Война покончила с ненасилием. Множество людей были открыто враждебны Ганди: индусские экстремисты — из-за того, что он защищал мусульман и боролся за права неприкасаемых, а мусульмане — потому что он был индусом; многочисленные активисты — так как больше верили в партийную деятельность, чем в силу духа; привилегированные — из-за того, что он упрекал их за сообщничество с врагом. Даже Неру, который во время войны отошел от тактики ненасилия, даже Пател, хотя его и прозвали «сэр да-да», теперь отделились от него. Ганди был одинок, подавлен тоской и тревогой, дело всей его жизни, казалось, было уничтожено. И все же его вера в ахимсу не ослабела. Надо было доказать, что любовь превозможет ненависть, что мусульмане и индусы способны жить бок о бок, а значит, раздел не нужен. И доказать это надо не на словах, а самой жизнью в самом

пекле борьбы.

Он отменил все свои планы и решил выехать в Бенгалию. Его пытались отговорить: причин, чтобы остаться, было множество. Ему 77 лет, 50 лет борьбы с периодическим заключением в тюрьму, болезнь и посты, которые чуть не довели его до могилы, подорвали его силы, неужели он не может дать себе отдых? «Я не знаю, что смогу сделать. Но я знаю одно: мне не будет покоя, пока я туда не поеду».

Началась последняя глава жизни Ганди, в которой он достиг вершины своего величия и которой было бы достаточно, даже без всего остального, чтобы превратить его в святого и героя. Ганди боролся с невозможным, изо всех сил пытался восстановить порядок и согласие посреди звериной жестокости, неустанно бродил среди руин, успокаивая своим присутствием безумие ненависти и мести, изнемогал под бременем своей задачи, признавал свой провал — единственный, кто еще верил в ахимсу, и все же отказывался сдаваться и опускать руки: «Воплощаю ли я ахимсу собой? Если да, тогда ложь и ненависть должны рассеяться». «Делай или умри», — заявил он конгрессу в 1942 году. «Do or die» — теперь он один применял на практике этот девиз.

Он попросил, чтобы никто не сопровождал его. Его ждали тучи людей. На каждой остановке, в каждом городе огромные толпы осаждали вокзал, заполняли пути, забирались на крыши — чтобы увидеть его. Разбитые стекла, сорванные ставни, жуткий гвалт, задержка отправления поезда, вот состав тронулся, снова остановился. На одном вокзале пришлось достать противопожарный шланг, и купе Ганди было залито водой. Поезд прибыл в Калькутту с пятичасовым опозданием, Ганди был изнурен.

В Калькутте он увидел разрушения, вызванные августовскими бунтами, пустые улицы, кучи мусора, черные остовы сожженных домов. «Истина и ахимса, которые были моей верой и поддерживали меня шестьдесят лет, как будто утратили качества, которые я им приписывал»^[279].

Тогда он отправился в Ноакхали, в сельскую местность, в один из самых труднодоступных районов Индии. Продвигаться приходилось медленно, на повозке, запряженной быками, или пешком, по подвесным мостикам, которых много в этом районе дельты. Мусульмане (70 процентов населения) сжигали храмы и дома, убивали и грабили, похищали женщин (из всех совершаемых жестокостей именно эта причиняла Ганди самую сильную боль). Его сопровождали несколько учеников, каждый из которых должен был поселиться в одном из поселков, зачастую глухих и враждебных, чтобы проповедовать там ненасилие (о мужестве и роли этих

безвестных бойцов часто забывают: «Я был осиян славой своих бесчисленных соратников»). Несколько недель он работал по 16–20 часов в день; спал на деревянной доске, которая служила ему и письменным столом, вставал в четыре утра (а не в три — возраст), по-прежнему поддерживал огромную переписку, получал письма от членов конгресса, проводил молитвенные собрания, составлял отчеты о положении в деревнях... А главное — без усталости выслушивал рассказы о зверствах, пытался унять ярость, утишить боль — «утереть слезы со всех глаз».

«Подвиг Геракла». Крестьяне слушали его, и напряженность потихоньку улеглась; но политики, играя свою привычную роль, натравляли на него народ, и мусульманская пресса вскоре начала обличать «политическую игру» под видом мирной миссии. В результате премьер-министр Бенгалии Сухраварди^[280], подталкиваемый Мусульманской лигой, в конце концов попросил Ганди уехать. 2 января 1947 года в его дневнике появилась запись: «Проснулся в два часа ночи. Одна лишь милость Божия поддерживает меня. Должно быть, во мне есть большой изъян, который и причина всего этого. Вокруг меня всё — тьма»^[281].

Он усилил свою аскезу и продолжил мирное паломничество. Переходил из деревни в деревню, босой, как калика переходящий, с длинной палкой, опираясь на плечо своей племянницы Манубен.

Скользкие тропинки, усеянные колючками и осколками стекла, эксcrementами, которые нарочно туда положили. С наступлением ночи он просил приюта, предпочтительно у мусульманина. 47 деревень, 185 пройденных километров. По дороге он пел песню, написанную Тагором: «Иди один. Коли не откликаются на зов, иди один».

Тоскуя, Ганди искал в самом себе причину своей «неудачи». Так требовало учение сатьяграхи. Является ли недостатком чистота его духа? С годами он приобрел уверенность в том, что отсутствие желания вело к Богу, что лишь такое освобождение наделяло необходимой силой, чтобы идти своим путем к своей цели. Если ему удастся полностью освободиться от себя, завладеет ли им Бог?

Тогда и начался опыт, который обычно неправильно понимают; его соратники и самые пылкие ученики были сражены. Об этом рассказывает Нирмал Кумар Бозе, который жил с ним в Бенгалии, служа ему переводчиком. Перескажем вкратце этот эпизод, который по-прежнему толкуют упрощенно. Итак, Ганди, словно король Лир, терзаемый муками и отчаянием, блуждал среди руин и хаоса народных бунтов. Всякая надежда на независимую и объединенную Индию — смысл всей жизни,

посвященной борьбе, — казалась утраченной. Ему пришла в голову мысль, чтобы испытать свою чистоту и власть над самим собой, попросить кого-нибудь из своих соратниц спать обнаженными подле него — духовный опыт полной брахмачарьи. «Я не называю брахмачарьей то, что запрещает вам прикасаться к женщине... Для меня брахмачарья — мысль и практика, которая помогает вам соприкоснуться с Бесконечностью и приводит к ней»^[282].

Ганди не только не делал тайны из этого эксперимента, но даже написал множество писем своим друзьям по всей Индии, желая узнать их мнение и получить их одобрение. Тем, кто усомнился, подумав, что такое соприкосновение выходит за рамки невинности и нарушает столь твердо отстаиваемые правила — те самые, которыми, на их взгляд, определяется святость, — Ганди объяснял, что его поведение связано с обетом целомудрия. Это, разумеется, только все усугубило. «Если я полностью откажусь от возможности спать вместе, моей брахмачарье будет стыдно. Не то чтобы я ничего не делал единственно ради удовольствия. Уже много лет этого нет... Я утверждаю: что бы я ни делал, я делал это во имя Божие»^[283].

Вероятно, возможность проверить свое самообладание в экстремальных условиях придала ему моральных сил, в которых он нуждался: ему требовалась лошадиная их доза, чтобы попытаться голыми руками остановить резню. «Если я смогу с этим совладать, — якобы сказал Махатма, — значит, я еще могу победить Джинну». Что же до потребности быть понятым... «Если это вам не нравится, я ничего не могу с этим поделать. Я предстаю перед вами и всеми остальными в полнейшей наготе», — писал он Нирмалу Бозе, который возмутился его поведением.

Отношение Ганди к сексуальности и женщинам — долгая и запутанная история, главную роль в которой сыграла его женитьба в 13 лет. В 1939 году, восхваляя преимущества целомудрия, он писал: «Овладев мною, брахмачарья неудержимо подталкивала меня к женщине как матери человеческой. Она стала слишком священна для меня, чтобы быть объектом плотской любви. Таким образом, каждая женщина стала для меня сестрой или дочерью»^[284].

Тем не менее он почувствовал потребность подвергнуть это отношение испытанию на прочность: в той же статье, напечатанной в «Хариджане», он утверждал свою свободу в отношении желания и законов. «Моя брахмачарья не желает ничего знать об ортодоксальных законах, повелевающих ее соблюдением. Я установил свои собственные законы, как

того требовали обстоятельства». Установил свои собственные законы: привычное дело. Спать рядом с женщиной: того требует целомудрие. «Принуждение, требующее избегать всякого контакта, даже самого невинного, с противоположным полом, — искусственно и надуманно, оно мало чего стоит, практически вообще ничего»^[285].

Совершенно очевидно, что Ганди был мужчиной, наделенным мощной жизненной силой, мучимым чувственностью, одержимым сексуальностью. Он не был святым, неподвижно застывшим в каменной келье, как того бы хотелось некоторым его поклонникам. От этого его борьба с самим собой становится еще более настоящей и подлинной, а победа, которой он добился, — более изумительной.

«Секрет величия Ганди заключается не в отсутствии изъянов и человеческих слабостей, а в его неустанном внутреннем поиске и сильной вовлеченности в проблемы человечества», — писал Нирмал Бозе.

В Бихаре (куда он отправился 2 марта 1947 года) деревни были стерты с лица земли, в бамбуковых зарослях повсюду валялись трупы, которые терзали грифы. Индусы и мусульмане были повинны в этом в равной мере. Ганди растолковывал им это, требуя, чтобы они признали свою вину, покаяться в своих преступлениях и обязались прекратить эту бойню, положив ей конец. В конце марта ему пришлось вернуться в Дели для встречи с лордом Маунтбэттенем^[286], последним вице-королем, присланным в Индию для организации вывода англичан: что бы ни случилось, британцы должны были покинуть Индию в июне 1948 года, Эттли объявил об этом в палате общин. Приведет ли это к расколу Индии или гражданской войне — вот как стоял вопрос. Конгресс пребывал в нерешительности. Джинна был непримирим: он требовал раздела, хотел сам стать главным правителем нового государства, а чтобы достичь своей цели, затевал беспорядки — всё серьезнее день ото дня, хотя при этом публично обличал проявления насилия. Махатма старался успокоить умы, Джинна же их распал, и народ становился зеркалом антагонизма между лигой и конгрессом. Если лидеры партий не могут преодолеть разногласий, разве удастся то же самое народу? Будущее вырисовывалось в мрачном свете. И все же все проблемы должны были в скором времени прийти к развязке.

Ганди предпочел бы отдалить независимость, он решился бы даже на хаос после ухода англичан, Индия вышла бы из него «очищенной» — что угодно, только не расчленение страны. Каковы были его расчеты? Он предложил Маунтбэттену смелое решение: почему не поручить Джинне

сформировать мусульманское правительство, облеченное властью над всей Индией? Узнав об этом, Неру пришел в ужас и воспротивился этому плану. Когда конгресс, изнуренный годами борьбы, страданий, тюрем, уже не веря в ненасилие, а возможно, опасаясь утратить власть, дал согласие на раздел, один Ганди еще надеялся и боролся, но и ему пришлось смириться с этим решением, ставшим неизбежным. «Следуйте за вожаками». Если для британцев и членов конгресса насилие было главным доводом в пользу раздела, он считал, что это решающий аргумент против: неужели можно добиться всего, «лишь бы творилось достаточно насилия»?

Джинна победил его. Оставалось уплатить цену.

14 миллионов беженцев, длинные колонны, вытянувшиеся на 60 километров в обе стороны: мусульмане уходили в Пакистан, индусы шли в Индию. Голодные, оборванные люди, которые всё потеряли и нападали друг на друга, убивая, грабя, умирая от голода и усталости, а в конце пути их ждали нищета, улица, снова голод, нечистоты и бунты. Смерть и отчаяние — самые жестокие условия.

Итак, Индия раскололась, и по Пенджабу и Бенгалии, говорившим на одном языке, имевшим общую культуру и традиции, пролегли новые границы.

15 августа 1947 года была провозглашена независимость. Вне себя от радости, страна праздновала, крича: «Махатма Ганди, ки джай!.. Победа за Махатмой Ганди!» — но Ганди тут не было. «Теперь, когда у нас есть независимость, похоже, мы избавились от иллюзий. По крайней мере, я».

Чудо в Калькутте

В начале августа он возобновил свою миротворческую миссию. Отправился в Ноакхали, предвидя новый всплеск насилия в момент создания Пакистана. Но когда он прибыл в Калькутту, гражданская война была готова вот-вот разразиться, на улице хозяйничали отморозки, власти самоустранились, в порту творился кошмар, а в перспективе вместо празднования Дня независимости маячила всеобщая резня. На тот момент Ганди не подозревал, что проведет этот праздничный день в разрушенном доме на берегу канала, в обществе того самого Сухраварди, заклятого врага индуизма, который прогнал его из Бенгалии. На Сухраварди возлагали ответственность за «прямое действие» в прошлом году. Можно ли доверять такому человеку? Однако Ганди согласился остаться в Калькутте, о чем его просили, лишь при одном условии: они с Сухраварди будут жить под одной

крышей и появляться повсюду вместе. Итак, они поселились в мусульманском доме, расположенном в индусском квартале, разрушенном во время бунтов, без защиты армии или полиции — «большой риск», соглашался Ганди, но, в очередной раз, глубоко символический поступок. Дом стоял на виду, посреди грязной лужи. Как только там появился Сухраварди, дом тотчас осадила враждебно настроенная толпа. Полетели камни, зазвенели разбитые стекла, послышалась брань. Ганди принял делегацию молодежи. Переговорил с ней. Произнес слово «нетерпимость». Понемногу успокоил их, так что они даже предложили дежурить тут по ночам, чтобы защитить его. «Бог свидетель: старик — колдун. Никто не может перед ним устоять»^[287]. На следующий день те же сцены повторились. Но вскоре, под влиянием Ганди, мусульмане и индусы начали брататься. Произошло чудо: они обнимались на улицах, вместе посещали храмы и мечети, шествовали с флагами в руках, танцевали и пели по всему городу. Около пяти тысяч человек из обеих общин отпраздновали воссоединение, пройдя маршем по всей Калькутте. Ганди и Сухраварди ехали в автомобиле по улицам, запруженным ликующей толпой, полуоглушенные воплями радости. И изможденный, но все-таки, наверное, счастливый Ганди вспоминал благословенные дни халифата, о которых напоминало это братание, и никому не отказывал в объятии-благословении. Раджагопалачари, ставший теперь губернатором Бенгалии, поздравил его с «чудом».

Но Ганди радоваться не спешил: он был не вполне уверен, что эта «перемена в умонастроении» — не простой каприз.

В День независимости, когда в Калькутте гремел оглушительный крик: «Махатма Ганди, ки джай!» — а всеобщая радость доходила до безумия, Ганди молился, постился, размышлял. Его называли «отцом народа». Лорд Маунтбэттен написал ему: «В Пенджабе у нас 55 тысяч солдат — и крупные беспорядки. В Бенгалии наши силы состоят из одного-единственного человека — и беспорядков нет». Но он предчувствовал, что насилие подспудно тлеет и в любой момент может вспыхнуть огнем.

В самом деле, весь этот прекрасный порыв продлился не больше двух недель, пока не донеслись вести о зверствах в Пенджабе: на сей раз мусульман против сикхов. Разъярившись от рассказов о жестокостях, приписываемых мусульманам, толпа индусов ночью осадила дом, где спал Ганди. Они разбили окна и ворвались внутрь. Снова ненависть и крики. Снова защита его учеников, проявивших невероятное мужество. Снова попытка переговоров. Ганди чуть не убили; брань, удары, камни — на сей раз ему не удалось никого убедить, даже заставить себя выслушать. В

Калькутте вновь начались погромы.

Тогда он объявил, что отказывается принимать пищу, пока город не одумается. «Возможно, постом мне удастся совершить то, чего не удалось сделать словом».

Через четыре дня после начала голодовки явилась делегация погромщиков. Они соглашались сложить оружие и покаяться в своих преступлениях. «Это было необычайное зрелище: Ганди, маленький, съезжившийся на постели, и громилы, стоящие на коленях у него в ногах, умоляя о прощении, обещая больше не грабить и не убивать»^[288].

Что произошло? Пока все творили беззаконие, убивали, грабили, утоляли свою ненависть, только он, Махатма, искупал их грехи, хотя сам он ничего плохого не сделал. И погромщикам было не по себе, и это чувство неловкости проникало во все семьи, становясь невыносимым; некоторые не могли есть, неотступно думая о посте, они хотели положить конец страданиям Ганди: это они виноваты, а страдает-то он. Они начали собирать оружие на улицах и в домах, с большим риском для себя; движение ширилось. Так чувство несправедливости и стыда понемногу распространялось, меняя умонастроение в городе. «На какое-то время они перенеслись в другой мир — мир Ганди... Почувствовалась нравственная реальность иного порядка», — пишет Мартин Грин, предлагая среди разных истолкований «чуда в Калькутте», как называли эти события, версию о победе духа, чуде, «когда откровение трансцендирует и преобразует политическую реальность».

В самом деле, это была сатьяграха в чистом виде, когда страдание одного производит переворот в сердце его противника. «Если бы хоть один человек сопротивлялся без насилия, полностью владея собой и безраздельно веря, правительство было бы свергнуто».

Но это еще не конец истории. Контрабандное оружие привозили целыми грузовиками — погромщики его возвращали. Однако Ганди требовались гарантии, долгосрочные обязательства. Лидеры разных общин — индусы, мусульмане, сикхи — приходили к его одру и давали слово поддерживать мир, прекратить все проявления насилия, умоляли его прекратить голодовку. Увидев их решимость, он согласился.

Впоследствии в Калькутте и Бенгалии погромов больше не было. «Ганди многое удалось, — сказал Раджагопалачари, — но не было ничего чудеснее, даже независимость, чем его победа над злом в Калькутте». Пресс-атташе Маунтбэттена выразился лаконичнее: «Корреспонденты сообщают, что не видели ничего подобного этому проявлению влияния на массы. Маунтбэттен считает, что он (Ганди) добился моральным

убеждением того, чего не удалось бы добиться силой четырьмя дивизиям».

Последний пост

Завершив голодовку, Ганди отправился в Дели в надежде добраться до Пенджаба. Но столица стала ареной жесточайших межобщинных столкновений за всю свою историю. То было время великого переселения; в наспех разбитых лагерях, которые вскоре оказались переполненными, теснились индусы и сикхи, у которых не было больше ни крова, ни земли, ни работы (некоторые впервые столкнулись с нищетой), они поглядывали на покинутые дома или те, что скоро освободятся; в других лагерях искали спасения и временного пристанища мусульмане, отправляющиеся в Пакистан. В больницах яблоку было негде упасть, на улицах разлагались трупы. Чрезвычайный комитет, возглавляемый Маунтбэттенем, не мог ничего поделать с этой бедой. Поступали ужасные новости: целые поезда остановлены, все пассажиры перебиты; на вокзале — вагоны, набитые окровавленными телами; повсюду смерть. И некому взять ситуацию в свои руки: никого, ни единого лидера. Джинна, провозгласивший себя правителем Пакистана, и его премьер-министр не могли повлиять на роковое течение событий да, похоже, и не пытались. «Вскоре Джинна станет далеким, мрачным, недоступным и пугающим человеком, которому повсюду мерещились враги, он пытался избавиться от страхов, подпитывая свою ненависть, странно нерешительный в своих суждениях теперь, когда он достиг власти»^[289].

Ганди поселился не в квартале хариджанов, как хотел (там было полно беженцев), а в Бирлахаусе, уютном доме богатого друга, которому было суждено стать его последним пристанищем. Там он принимал депутации и отдельных посетителей, порой по 40 человек в день, писал свои статьи, диктовал письма, проводил молитвенные собрания, отвечал на нескончаемые звонки из правительства, которое по-прежнему советовалось с ним во всём, навещал беженцев. «Делай или умри», — произнес он в очередной раз, и конечно, в лагерях для беженцев он каждый раз рисковал жизнью, чтобы добиться мира. Он обладал все тем же влиянием на Индию, что и раньше, хотя и не занимал никакой официальной должности, да и не стремился к ней, и хотел правильно распорядиться этой своей властью. Но сколько он ни советовал «забыть и простить», снова поверить, остаться дома, под защитой правительства, или вернуться домой, придерживаться своих корней, ему больше не верили, в общем хаосе его голос терялся. И

бесконечная миграция продолжалась.

13 января 1948 года он начал голодовку. «Мой самый великий пост», — написал он Мирабен. Пост до смертельного исхода — последний. Накануне он написал длинное заявление. Много дней его терзало чувство бессилия; теперь он счастлив, отринув сомнение и тревогу, друзьям его не удержать. Чего он хочет добиться? Мира, но не навязанного оружием или законом военного времени, который свирепствует в Дели — мертвом городе, а того, что исходит от сердца, живого, только у него и есть шансы установиться надолго. Он пытался восстановить органичную человеческую солидарность, которая была оплотом гармоничного общества, и никакая сила в мире — ни сила оружия, ни сила государства — никогда не сможет подменить ее собой. Тогда пример Дели будет подхвачен Пакистаном: «Явной целью его поста было добиться от Пакистана того же порыва, и гарантии, которые он хотел получить от Дели, должны были применяться к любой провинции, раздираемой беспорядками, в обеих странах». Смерти он не боялся, поскольку она не даст ему увидеть разрушение Индии.

Каждый пост Ганди был по-своему особенным. В основе конечно же лежало тяжкое испытание. Но это был и способ разобраться в себе, отчетливее услышать внутренний голос, уловить истины, скрывающиеся от нас привычкой, то есть достичь иного уровня восприятия или, если угодно, приблизиться к божественному в себе. Тогда рушились стены и свершались чудесные открытия.

Играла свою роль и вера в то, что через аскезу и самоочищение, подавление плоти можно усилить власть духа. Цель не только в том, чтобы лучше разглядеть истину, но чтобы лучше действовать, усилить свое влияние. (Посредством этих приемов самоконтроля, самым известным из которых является йога, можно было достичь «власти высшего, космического и даже божественного порядка», дающей господство над людьми», полагает Генри Стерн.) Значение покаяния, которое было главной целью его первых постов, — пострадать за собственные или чужие прегрешения, — впоследствии уменьшилось. Цели становились разнообразнее, у постов не было столь четко определенной цели, но по мере расширения миссии Ганди их последствия становились более комплексными. Старая, Ганди больше молился о «мокша» — избавлении; узреть лик Бога — он всё больше этого хотел. При этом у того же поста могла быть политическая цель; здесь нет никакого противоречия, даже если Ганди иногда, утомленный своей общественной миссией, постился единственно ради своего спасения.

Последние посты приняли вид театральных постановок. Весь народ,

извещенный через прессу, следил за их развитием, этап за этапом. В прологе были долгие сложные разговоры о том, нужно ли ему прибегнуть к посту и на каких условиях. Второй вопрос: будет ли пост краткосрочным, долгосрочным или до смертельного исхода? «В конце концов, он объявлял свое решение... Поскольку он мог располагать по своему усмотрению национальным радиовещанием и его слышали сотни тысяч человек, этот предварительный этап разворачивался перед огромной аудиторией, слушавшей, затаив дыхание»^[290].

После объявления — краткое время, выделенное на подготовку. «Потом он являлся, точно король, во всем блеске своей наготы, лежа на своем одре, один среди всех, готовясь к периоду суровых мучений или смерти. Каждый день становился новым актом драмы. В газетах сообщали, что он выпил несколько глотков воды, помочился, плохо спал, жаловался на головные боли, у него жар». Каждый день он слабым голосом говорил с толпой со своего смертного одра, увещевая, объясняя причины, подтолкнувшие его к голодовке, и его голос прерывался, становился еле слышным, и вот он уже больше не мог говорить. И вся Индия страдала вместе с ним и каялась. Огромное покаяние объединяло целый народ в едином порыве. Каждый очищался сам, и не только через Махатму. «Воздержание от пищи — процесс самоочищения, целью которого является призвать всех, кто одобряет миссию поста, участвовать в этом очищении...»

На сей раз Ганди уже с самого начала был серьезно болен. Пател и правительство решили, что этот пост был частично упреком за их решение не выплачивать внушительный долг Пакистану. Поэтому было решено перечислить в эту страну полагающиеся ей 550 миллионов рупий. Но Ганди продолжал голодать. Он хотел мира. В очередной раз были предприняты все усилия, чтобы упредить смерть. Неру проповедовал межобщинный мир и требовал от Дели союза, который спасет Бапу; председатель конгресса Прасад созывал глав разных фракций, требуя от них смелого поступка, который мог бы убедить Ганди; по улицам двигались шествия, выкрикивая лозунги о дружбе между религиями... Но Ганди все слабел. И движение в пользу дружбы ширилось, находя новых приверженцев. 17 января 130 представителей различных общин собрались у Прасада и проголосовали за резолюцию о поддержании мира. Правда, нескольких диссидентствующих групп там не было. В конце концов, прибыли даже представители экстремистских индусских организаций, тоже согласившись проголосовать за это соглашение. К тому времени Ганди был так истощен, что врачи уже не надеялись его спасти. Ему зачитали

заявление, кое-как состряпанное после множества собраний и совещаний. В нем провозглашалось «искреннее стремление к тому, чтобы индусы, мусульмане, сикхи и члены других общин снова жили в Дели в дружбе и согласии...». Будут предприняты конкретные меры, обещания, уверения в искренности, утверждения, что только «личное вмешательство», а не помощь полиции или военных, будет пущено в ход и что мир воцарится окончательно. И в заключение: «Мы молим Махатмаджи поверить нам, прекратить свой пост и по-прежнему направлять нас, как он делал до сих пор».

На шестой день Ганди прекратил голодовку. Сосуществование индусов и мусульман стало возможным. «Реакция на пост Ганди говорила о существовании у обеих общин глубокого стремления к миру, необходимому для новой жизни...»

И все же именно из-за этого стремления, которое он олицетворял собой, ненависть к Ганди ожесточилась. Множество приверженцев радикального индусского национализма его на дух не выносили, принимая его примирительную позицию в отношении мусульман за слабость (которая, по словам его убийцы, проповедовавшего мужскую силу и доблесть, привела бы к «выхолащиванию индусской общины»). Они мечтали о «чистой» Индии, полностью индусской, а не многоконфессиональной. В последние месяцы жизни в Дели молитвенные собрания Ганди прерывались яростными воплями, скандированием «смерть Ганди!» во время чтения Корана, и молитву приходилось прекращать. Он получал письма с обвинениями и угрозами. Очевидцы вспоминают, что он был печален, изолирован, даже впал в пессимизм — настроение, совершенно ему не свойственное. Он пробирался ощупью в потемках; видя вокруг себя страдание, слыша о нем в бесконечной череде страшных рассказов, получая бесчисленные доказательства, он мучился сам. Неужели вся его жизнь пошла насмарку? Ему писали: «Это ли результат тридцати лет ненасильственной борьбы, чтобы покончить с британским господством?» На это он отвечал, что в эти 30 лет ненасилие применяли слабые.

«У Индии нет опыта другого ненасилия — ненасилия сильных. Стоит ли повторять, что ненасилие сильных — самая непреодолимая сила в мире? Истина требует постоянного и широкомасштабного доказательства. Именно это я теперь и пытаюсь делать, как только могу»^[291].

Текущие события, раздел Индии, которому он противился до последнего момента, удручали его: «Для меня это как рана. Но больше всего меня ранило то, каким образом был произведен этот раздел». Однако

он не утратил надежды. Надежда была основой его мышления, основой ненасилия, в которое он по-прежнему безгранично верил. Нынешний провал — промах ученика, а не изъян вечного закона. Он считал, что ненасилие — единственный путь, открытый для рушащегося мира.

20 января на молитвенной площадке взорвалась бомба. Ганди знал, что его жизнь в опасности, но запретил усиливать охрану и чувствовал, по его словам, великий покой. В письме, написанном в декабре, звучит мысль о том, что в глубине души он уже смирился со смертью: «В конце концов, свершится так, как мне повелевает Рама. Я танцую, а он дергает за веревочки. Я в его руках и испытываю от этого величайшее чувство покоя». По словам Манубен, спутницы его последних дней, он даже желал смерти — единственной возможной победы, считая себя ответственным за то, что случилось с Индией.

Он возразил Бирле, который пытался обеспечить его защиту: «Возможно, сегодня лишь я один еще сохранил веру в ненасилие. Я молю Бога даровать мне силу доказать ахимсу, даже на собственном примере. Поэтому мне все равно, выставят ли полицию и военных для моей защиты или нет. Я под защитой Рама... Я все больше убежден, что всё остальное не имеет значения».

Он продолжал делать свою работу — маленькая одинокая фигурка, одухотворенная верой, среди всеобщего хаоса. В свои последние часы он так же сосредоточился на конкретных проблемах, которые всю жизнь занимали его каждый день: ввести новую конституцию, уладить ссору между Пателом и Неру. 30 января он был настолько поглощен последним вопросом, что даже слегка опоздал на молитву — такого с ним раньше не случалось, и он сам был этим недоволен. Опираясь на двух внучатых племянниц, Аву и Ману, он шел большими шагами через толпу; при его появлении многие вставали, другие низко кланялись. Он извинился за опоздание, сложил ладони на индусский манер в знак приветствия. Именно в этот момент какой-то молодой человек бросился к нему, грубо оттолкнул Ману, простерся перед Махатмой в знак почтения^[292] и три раза выстрелил в него в упор. Ганди тотчас упал, успев произнести, как хотел, имя Рама.

В Бирлахаусе царили смятение и печаль. Запах благовоний, плач женщин, хрупкое маленькое тело, которое они несли на руках, бледное лицо, обретшее покой, молчаливые свидетели... «Возможно, это был самый волнующий момент, какой я только пережил, — записал пресс-атташе лорда Маунтбэтгена. — Пока я стоял там, я чувствовал, как меня одолевает страх перед будущим, ошеломление перед этим поступком, но и, скорее, чувство победы, а не поражения; сила идей и идеалов этого

маленького человека из-за огромного благоговения перед ним, в конце концов, окажется слишком велика, чтобы пули убийцы ее уничтожили».

Убийца, Натхурам Годзе, молодой индусский экстремист из касты брахманов, который опасался, что индуизму грозят ислам извне и Ганди изнутри, был арестован (а позже судим и казнен). Ганди оставил указания, чтобы его тело не почитали и не бальзамировали. Поэтому на следующий день, вечером 31 января, тело сожгли по индусскому обряду. Сотни тысяч человек пришли отдать Махатме последний долг. В самый день его смерти Неру объявил о ней дрожащим голосом по радио, и в его словах звучит высочайшее эмоциональное напряжение того момента: «Свет нашей жизни погас, повсюду мрак, я не знаю, что вам сказать и как вам это сказать. Нашего любимого вождя, Бапу, как мы его называли, больше нет... Свет погас, сказал я, однако я ошибался. Ибо свет, сиявший в нашей стране, был необычным светом...» Он распространял более высокие представления, где примирялись реалии разного порядка, этот свет исходил от человека, который, вопреки всему и вся, пытался поставить в центре человеческой жизни любовь и истину.

«Мне на память приходят многочисленные образы этого человека с улыбкой во взоре, но вместе с тем исполненного неизбывной грусти. Но их все заслоняет один, самый значительный, — тот, каким я его увидел, с посохом в руке, когда он отправлялся в Данди, во время соляного марша 1930 года. Он был паломником, ищущим истины, спокойным, умиротворенным, решительным и бесстрашным, и его поиск и странствования продолжатся при любых обстоятельствах»^[293].

МЫСЛИТЕЛЬ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ?

«Сегодня народы Европы и Америки считают, что образ жизни, созданный их усилиями и господствующий во всем мире, — единственно правильный и желанный», — писал Неру в 1946 году^[294]. Этот правильный и желанный образ жизни, уже тогда «господствовавший во всем мире», распространил свое влияние на Азию и остальной мир. Индия, как и Китай, следует по пути либерализма, указанного США, Европой и Японией, быстро вписываясь в «современность». Бурное развитие, притоки новых сил — бум или экономическое чудо — являются переменной к лучшему по сравнению с тем состоянием, которое Неру называл затяжной инерцией, это мало кто станет отрицать. Но хотя в этих странах обогатились миллионы людей, чем восторгаются СМИ, хотя там пачками появляются миллиардеры (хотя Неру и не считал это бесспорным признаком прогресса), отвратительная нищета никуда не делась, богатых и бедных, город и деревню, образованных и неграмотных разделяет пропасть, просто об этом меньше говорят, а то и вовсе помалкивают.

Побочные эффекты капиталистической глобализации говорят больше о ее благотворном влиянии (вероятно, полагая, что лозунг «обогащайтесь», вновь вынесенный на повестку дня, поможет преодолеть все беды и различия, а в случае России и Китая — еще и стереть следы преступлений и трагедий прошлого). Глядя на то, куда катится мир при повсеместном господстве либеральной экономической системы и идеологии потребления, кое-кто все же ностальгирует по идеям Ганди. Подхватив его гневные обвинения в адрес «современной цивилизации», основанной на стремлении к наживе, они могли убедиться, что эта цивилизация вовсе не развивает в человеке его лучшие качества, а наоборот, притупляет их, и хотя некоторые чрезмерно обогащаются благодаря ей, она неспособна сделать всех счастливыми, даже помочь жить достойно. В этой связи на память приходят пылкие речи Ромена Роллана, который в 1930-е годы предупреждал своих читателей об угрозе власти над миром крупного капитала и больших денег. Но еще прежде него учителя Ганди — Рёскин, Эдвард Карпентер, Толстой — уже объявили себя врагами капитализма и его культуры. Толстой призывал народы Востока спасти мир от катастрофы, к которой его увлекает Запад.

Учение Ганди применялось прежде всего к Индии и косвенно к другим странам третьего мира, таким же жертвам колониальной эксплуатации. Но поставленные им вопросы, если не принятые им решения, сегодня вернули себе актуальность, выходящую за эти узкие рамки. Во времена, когда нарастает разрыв между научно-техническим прогрессом и отсутствием прогресса в области этики, когда на наших глазах самые страшные фантастические сценарии становятся реальностью — разрушение планеты, катастрофы, вызванные новыми технологиями, вышедшими из-под контроля, опасные последствия применения биотехнологий, распространение ядерного оружия, террор и антитеррор, слежение через видеокамеры за людьми, которые не могут чувствовать себя в безопасности, — Ганди превратился в пророка будущего, из которого будут изгнаны эгоизм, хищничество и жажда власти; в мыслителя, который, опираясь на индийские традиции и на критический взгляд Запада на самого себя, создал альтернативную современность. Утопия, порождение неудовлетворенности и тревоги перед обезчеловечиванием мира? Надежда, облеченная в форму мифа, а не рассуждение, основанное на конкретных фактах? Возможно.

«Да, конечно, — писал Неру, — невозможно себе представить более прекрасного идеала, чем возвысить человечество до такого уровня (добра и любви) и покончить с ненавистью, уродством, эгоизмом». Но сегодня вопрос уже не в том, возможно ли добиться такого идеала, осуществится ли он когда-нибудь на практике, а в другом: что станет с реальностью, если этот идеал неосуществим? Что ждет человека и его надежды, если время от времени, хотя бы раз в столетие или даже реже, не появится новый Ганди, чтобы заявить во всеуслышание о своей вере в человека? Если отнять у него эту надежду, жизнь превратится в «сказку, рассказанную дураком, полную шума и ярости, но лишенную смысла»^[295].

И все же созидательное движение Ганди продолжается в Индии, преследуя специфичные и ограниченные цели, вопреки господствующим догмам «экономического роста» и либерализации. В деревнях его идеи об образовании получили новое применение, а новые общественные движения (например, протесты против сооружения крупных плотин в середине 1950-х) опираются на его технические теории. Хотя его мысль не поправит наших бед, все же приходится признать, что он уже в свое время разглядел просчеты системы, которые с тех пор только усугубились; он осмелился указать на опасности и противопоставил им беспримерно смелую и оригинальную мысль, попытавшись провести глубинное преобразование — «революцию духа», но без насилия. А сегодня нужна именно революция

духа, поскольку именно он определяет облик мира. И если не уверовать в его силу, мир еще долго будет пребывать в тоске, в страхе перед неизвестностью и в смятении идей.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. К. ГАНДИ

1869, 2 октября — появление на свет Мохандаса Карамчанда Ганди в Порбандаре.

1882 — брак Мохандаса и Кастурбай.

1888 — отъезд в Англию, учеба на юридическом факультете. 1891— вступление в коллегия адвокатов и возвращение в Индию. Адвокатская практика в Бомбее, потом в Раджкоте.

1893 — отъезд в Южную Африку.

4 апреля — «ночь унижения» в Питермарицбурге при переезде из Дурбана в Преторию: Ганди ощутил призвание реформатора.

1894 — возвращение в Дурбан. Основание Индийского конгресса Наталя. Адвокат в суде.

1896 — поездка в Индию. Нападение после возвращения в Дурбан.

1900 — создание отряда санитаров во время Англобурской войны.

1901 — переезд в Индию.

1902 — открытие адвокатской конторы в Раджкоте, потом в Бомбее. Возвращение в Южную Африку по просьбе соотечественников.

1903 — адвокатская практика в Йоханнесбурге. Издание газеты «Индиян опинион» в Дурбане.

1904 — чтение трудов Дж. Рескина, основание колонии в Фениксе.

1906 — восстание зулусов, добровольная служба санитаром. Обет брахмачарьи.

Август — публикация «черного закона».

Сентябрь — кампания сопротивления, поездка Ганди в Лондон с целью помешать принятию законопроекта. 1907— борьба за отмену «черного закона». Организация пассивного сопротивления, возникновение термина «сатьяграха». Раздача имущества.

1908 — двухмесячное заключение в тюрьме.

Февраль — компромисс с генералом Смэтсом, который затем отказался отменить «черный закон».

Август — сожжение видов на жительство.

Октябрь — снова тюрьма.

1909 — поиски поддержки в Лондоне. Первое письмо Л. Н. Толстому. Написание труда «“Хинд сварадж”, или Индийское самоуправление» во время обратного плавания.

1910— основание колонии имени Толстого.

1913 — новая кампания сатьяграхи.

Октябрь — забастовка шахтеров. Эпохальный марш. Забастовка пятидесяти тысяч индийских рабочих. Тюрьма.

1914 — переговоры со Смэтсом. Окончательный отъезд из Южной Африки. Лондон: вербовка индийских санитаров для участия в Первой мировой войне.

1915 — возвращение в Индию. Основание ашрама Сабармати, где Ганди принимает семью неприкасаемых.

1917— сатьяграха в Чампаране, в Бихаре.

1918— сатьяграха с прядильщиками в Ахмадабаде. Трехдневная голодовка в поддержку рабочих. Сатьяграха в Кхеде. Вербовка в английскую армию.

1919— клятва сатьяграхи против законов Роуллетта. Хартал. Трехдневная голодовка. «Ошибка, огромная, как Гималаи».

Апрель — расстрел в Джалианвала Багх в Пенджабе. Расследование с Мотилалом Неру. Издание газет «Янг Индия» и «Навадживан».

1920— руководство халифатским движением, рождение идеи и термина «несотрудничество».

Август — смерть Тилака.

Сентябрь — конгресс утверждает программу Ганди. Декабрь — начало движения несотрудничества.

1921 — движением охвачена вся Индия.

Ноябрь — визит принца Уэльского и хартал. Бунты в Бомбее. Пятидневная голодовка.

1922 — резня в Чаури-Чаура и прекращение движения несотрудничества. Большой процесс в Ахмадабаде, шесть лет тюрьмы.

1923 — заключение в тюрьме Еравда. Написание книг «Сатьяграха в Южной Африке» и «Моя жизнь». Чтение, прялка.

1924 — освобождение из тюрьмы. Трехнедельная голодовка после столкновений между индусами и мусульманами.

1925–1926 — удаление от политики. Поездки, пропаганда прялки и кхади.

1927–1928 — бойкот комиссии Саймона. Решение начать кампанию гражданского неповиновения, если Индии в течение года не предоставят статус доминиона.

1929 — официальное начало кампании за независимость. 1930, март — апрель — Соляной марш.

Май — арест Ганди. Движение за независимость охватывает всю

Индию.

1931 — освобождение из тюрьмы.

Март — пакт Ганди — Ирвина.

Сентябрь — 2-я конференция «круглого стола» в Лондоне, провал. Париж, Швейцария, Италия: посещение Ромена Роллана, встреча с Муссолини.

Декабрь — возвращение в Бомбей.

1932 — арест Ганди, массовые репрессии.

Сентябрь — «великий пост» против отдельного избирательного права для неприкасаемых. Пакт в Пуне.

1933 — очистительный пост в тюрьме, освобождение. Роспуск ашрама. Десятимесячная поездка по стране в пользу неприкасаемых. Издание газеты «Хариджан» вместо «Янг Индия».

1934 — прекращение кампании гражданского неповиновения. Выход из конгресса, чтобы сосредоточиться на «созидательной программе». Основание Всеиндийской ассоциации сельской промышленности.

1935 — закон о правительстве Индии, усиливающий власть провинциальных органов правления.

1936–1938 — жизнь в Сегаоне, развитие ремесел и сельских промыслов, кхади, прялка, борьба с неприкасаемостью. Путешествия по стране.

1940 — кампания индивидуального гражданского неповиновения в знак протеста против участия Индии в войне. 1942, апрель — провал миссии Криппса.

Август — резолюция «Свободная Индия». Заключение Ганди в тюрьму в Пуне. Беспорядки и массовые репрессии.

1943 — трехнедельная голодовка протеста.

1944 — смерть Кастурбай.

Май — освобождение Ганди по болезни.

Сентябрь — провал переговоров между Ганди и Джинной.

1945 — провал конференции в Симле.

1946 — «большая резня в Калькутте», затем серия кровавых столкновений между индусами и мусульманами в Бихаре и Бенгалии.

Ноябрь — начало длительной поездки Ганди в Ноакхали (по сорока семи деревням) и Бихар.

1947, март — прибытие лорда Маунтбэттена и план раздела страны, который Ганди вынужден поддержать, хотя прежде выступал против.

Август — Ганди в Калькутте во время празднования независимости Индии. Голодовка до смертельного исхода, чтобы прекратить резню и

добиться мира в Калькутте.

1948, 13–18 января — последняя голодовка в Дели для установления мира в столице.

20 января — покушение.

30 января — убийство Ганди индустом Натхурамом Годзе.

ЛИТЕРАТУРА

Arendt H. Verite et politique // Arendt H. La Crise de la culture. Paris: Gallimard, 1972.

Bernard J. A. De l'empire des Indes a la Republique indeinne: 1935 a nos jours. Paris: Imprimerie Nationale, 1994.

Bose N. K. Selections from Gandhi. Ahmedabad: Navajivan publishing House, 1948.

Erikson E. Gandhi's truth. N. Y.: Norton, 1969.

Fischer L. The life of Mahatma Gandhi. N. Y.: Harper & Row, 1983.

Gandhi M. K. Letters a lAshram. Paris: Albin Michel, 1960.

Gandhi M. K. Young India: 1919–1922. N. Y.: Huebasch, 1924.

Gandhi M. K. Young India: 1924–1926. Madras: Caneshan, 1927.

Green M. (Ed.) Gandhi in India in his Own Words. Hanover: University Press of New England, 1987.

Lassier S. Gandhi et la non-violence. Paris: Editions du Seuil, 1970.

Naipaul V. S. India: A Wounded Civilization. N. Y.: Knopf, 1977.

Nanda B. R. Gandhi, sa vie, ses idees, son action politique en. Afrique du Sud et en Inde. Verviers: Marabout Universite, 1968.

Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru. New York: The John Day Company, 1941.

Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru. N. Y.: The John Day Company, 1941.

Payne R. The Life and Death of Mahatma Gandhi. N. Y.: Smithmark Publishers, 1995.

Romain R. Inde. Journal, 1915–1943. — [http://wikilivres.ca/wiki/Inde._Journal, 1915–1943](http://wikilivres.ca/wiki/Inde._Journal,1915-1943).

Ruskin J. Unto This Last. N. Y.: Cosimo Classics, 2006.

Young India. 1924. October, 23.

Young India. 1925. October, 12.

Tendulkar D. G. Mahatma: Life of Mohandas Karamchand Gandhi: V. 1–8. Bombay, 1951–1954.

Ганди М. К. Моя жизнь / Пер. с англ. А. М. Вязьминой, О. В. Мартышина, Е. Г. Панфилова; под ред. Р. А. Ульяновского. М.: Наука, 1969.

Ганди М. К. Сатьяграха в Южной Африке (фрагменты) // Ганди М. К. Моя жизнь. М., 1969.

Ганди М. К. «Хинд сварадж», или Индийское самоуправление // Ганди

М. К. Моя жизнь. М., 1969.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М.: Прогресс, 1975.

Неру Дж. Открытие Индии / Пер. с англ. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.

Оруэлл Дж. Размышления о Ганди // Оруэлл Дж. Лев и Единорог: Эссе, статьи, рецензии. М.: Московская школа политических исследований, 2003.

---

notes

Примечания

Джавахарлал Неру (1889–1964) — премьер-министр и министр иностранных дел Республики Индия с 1947 года. Сподвижник М. К. Ганди в борьбе за национальное освобождение, один из лидеров партии Индийский национальный конгресс. В колониальной Индии (до 1947 года) преследовался, провел в тюрьмах свыше десяти лет. Вошел в историю как «строитель новой Индии». Под руководством Неру правительство Индии осуществило крупные меры по ликвидации отсталости страны.

См.: Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. Здесь и далее в сносках внизу страницы — примечания автора. (В конце книги — примечания редактора.)

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru. New York, 1941.

4

Там же.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943. — http://wikilivres.ca/wiki/Inde._Journal,_1915–1943.

Рабиндранат Тагор (1861–1941) — индийский писатель, философ, просветитель, педагог, общественный деятель. Писал на бенгальском языке. Многогранность деятельности его необычайна: он был также композитором, музыкантом, режиссером, актером, графиком, живописцем, философом, филологом. Лауреат Нобелевской премии (1913). Просвещение считал основным средством обновления общества и возрождения индийской культуры. Участвовал в разработке теоретических основ национальной системы образования. Назначение школы видел в органическом включении воспитанника в систему природных, общественных и космических связей. Решающее значение в формировании личности придавал учителю-наставнику (гуру). В 1901 году открыл в поместье Шантиникетон «Школу поэта», которой руководил 40 лет.

См.: Там же.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Руфус Дэниел Айзекс, маркиз Рединг (1860–1935) — британский юрист и государственный деятель. В 1921–1926 годах был вице-королем Индии, где в рамках реформ Монтегю — Чемсфорда, начатых в 1918 году, ему удалось создать в большинстве провинций этой страны органы местного самоуправления и добиться улучшений в сельском хозяйстве и жилищном строительстве. Поскольку не в его силах оказалось остановить рост антибританских настроений, ослабить напряженность в отношениях между индуистской и мусульманской частями населения и привлечь тех и других к сотрудничеству с британской администрацией, он распорядился арестовать в 1921 году мусульманских лидеров, в том числе в 1922 году — Махатму Ганди (за организованную им кампанию гражданского неповиновения), а также использовать войска против мусульманских экстремистов в Мадрасе и насильственных выступлений сикхов в Пенджабе.

См.: Payne R. The Life and Death of Mahatma Gandhi. New York, 1995.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Гуджарат — историческая область в Западной Индии, населенная народом, говорящим на языке гуджарати. В древности и в Средние века территория Гуджарата входила в состав многочисленных государств, возникавших в Индии. В начале XIX века был захвачен английскими колонизаторами; часть Гуджарата вошла в провинцию Бомбей, а на Катхиаварском полуострове были сохранены мелкие княжества. После достижения Индией независимости в Гуджарате активизировалось движение за национальное самоопределение, в результате которого в 1960 году Гуджарат был выделен в самостоятельный штат с центром в Ахмадабаде.

Nanda B. R. Gandhi, sa vie, ses idées, son action politique en. Afrique du Sud et en Inde. Verviers, 1968.

Мухаммед Али Джинна (1876–1948) — индийский мусульманский лидер, первый генерал-губернатор Пакистана. Боролся за отделение от Индии с целью создания мусульманами собственного государства. Лозунг об образовании Пакистана был выдвинут в 1940 году партией Мусульманская лига, которую возглавлял Джинна. Лига заявила, что результаты выборов 1937 года (проводились по закону об управлении Индией, 1935 год), когда партия конгресса нашла слабую поддержку в районах, отведенных для меньшинств, ясно свидетельствуют: мусульмане не хотят, чтобы ими правила партия конгресса, где всем заправляют индуисты. В 1940–1945 годах Мусульманская лига во главе с Джинной предпринимала настойчивые усилия, чтобы сплотить мусульманское общественное мнение вокруг идеи о независимом Пакистане. Усилия принесли плоды, и 14 августа 1947 года Пакистан стал независимым национальным государством.

В автобиографии Ганди действительно утверждает, что Джинна был родом из Гуджарата, ссылаясь, вероятно, на связи последнего в этом штате, хотя на самом деле Джинна родился в Карачи.

Баниа — название группы нескольких индусских торговоростовщических подкаст, вышедших из Гуджарата. В феодальной Индии баниане наряду с торговыми и ссудными операциями занимались сбором налогов, в колониальный период — компраторской торговлей. Со второй половины XIX века баниане Гуджарата стали крупнейшими промышленниками Индии.

Существуют четыре главные касты: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры, то есть жрецы, господа, купцы и плебеи. Ганди восставал против иерархии внутри каст (его борьба с неприкасаемостью подорвала основы ортодоксального индуизма), но был за идеальную варну, преподнося ее как наследственную функцию, благодаря которой все люди равны: «Четыре сословия общества, одно дополняет другое, нет ни высших, ни низших, каждое в равной степени необходимо для индуизма в целом».

Джайнизм — религиознофилософская система в Индии, утверждающая ненасилие.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Парсы — община в Индии, которую составляют потомки эмигрантов из иранской провинции Фарс, исповедующие зороастризм — религию огнепоклонников. Спасаясь от преследований мусульманских правителей, эти люди покинули родину в VIII веке и обосновались на побережье современного Гуджарата.

См.: Оруэлл Дж. Размышления о Ганди // Оруэлл Дж. Лев и Единорог: Эссе, статьи, рецензии. М., 2003.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь. М., 1969.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Там же.

Erikson E. Gandhi's truth. N. Y., 1969.

Ахимса (санскр. — «сила любви») — поведение и образ действий, при которых первым требованием является ненанесение вреда — ненасилие.

Ганди М. К Моя жизнь.

Erikson E. Opus cit.

Bose N. K. Selections from Gandhi. Ahmedabad, 1948.

Бапу — так индийцы называют отца.

См.: Erikson E. Opus c it.

См.: Там же.

См.: Там же.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Там же.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Nanda B. R. Gandhi, sa vie, ses idées, son action politique en. Afrique du Sud et en Inde.

«Бхагавадгита» (*санскр.* — песнь Бхагавада, песнь Господа, то есть Кришны) — древнеиндийская религиознофилософская поэма, повествующая о центральных событиях древнеиндийского эпоса — битве пандавов и кауравов на поле Курукшетра (иногда называемого Дхармакшетра). Первоначально самостоятельное произведение, созданное в VIII–VII веках до н. э., записанное в III–II веках до н. э. Впоследствии вошла в состав «Махабхараты». Арджуна, вождь пандавов, не желая убивать своих родственников, хочет уклониться от битвы и делится сомнениями с Кришной, играющим роль возничего. Кришна призывает его к выполнению воинского долга и излагает сокровенное учение, составляющее основное содержание поэмы. В духовном пути богопознания, анализируя различные практики йоги (сосредоточения, аскетизма, отрешенности, действия), «Бхагавадгита» отдает предпочтение безраздельной и благоговейной «бхакти», любви к Богу в ее многообразных формах. В традиции индийской религии «Бхагавадгита» играет и ритуальную роль: текст поэмы выучивают наизусть и постоянно повторяют его в определенном ритме, достигая состояния непрерывного знания. С IX века к поэме составлено около пятидесяти комментариев.

Эдвин Арнольд (1832–1904), долгое время бывший корреспондентом в Индии, описал в поэмах духовный мир индуизма, которым был очарован.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Там же.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Пагри — вид тюрбана, который можно снимать и надевать, не разматывая. Состоит из полотнища шириной 15–20 сантиметров и длиной 7—10,5 метра, наматывается на голову неглубоко и неплотно. Способы наматывать пагри крайне разнообразны, и каждый из них имеет свое название.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Сатьяграха (санскр. — упорство в истине) — форма борьбы, носящая ненасильственный характер, разработанная и введенная Ганди.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Джон Рёскин (Раскин) (1819–1900) — теоретик искусства, художник, оказал значительное влияние на свою эпоху и возмущал своими идеями о проблемах общественной морали и политической экономии. Убежденный консерватор, он считал Средневековье золотым веком; тем не менее его теории оказали влияние на английских социалистов. Книгу «Последнему, что и первому» Ганди перевел под заглавием «Сарвадайя» — «возрождение всех».

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

Индийский национальный конгресс (ИНК) — создан в 1885 году. В качестве основной политической партии Индии возглавлял национальное движение и принял власть от англичан в 1947 году. Сначала это была организация, представлявшая интересы возрастающего числа образованных индусов, так называемого среднего класса, которые стремились участвовать в управлении страной. Позднее ИНК стал массовой организацией, во главе которой стояли Ганди и Неру.

Дадабхаи Наороджи (1825–1917) — деятель индийского национального движения, публицист, экономист, один из основателей индийской национальной школы буржуазных экономистов, один из организаторов и лидеров партии Индийский национальный конгресс (1895). Стал первым индийцем, избранным в британский парламент (1892). Как депутат добился создания Королевской комиссии для изучения финансового положения Индии. Одним из первых среди лидеров конгресса провозгласил его целью достижение свободы страны, или «сварадж».

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Гопал Кришна Гокхале (1866–1915) — деятель национально-освободительного движения Индии, один из ведущих лидеров умеренного крыла Индийского национального конгресса (ИНК). Член Законодательного совета Бомбея (1899), член Центрального законодательного совета при английском вице-короле в Индии (1902), президент ИНК (1905). В 1905–1915 годах — основатель и лидер Общества слуг Индии, выступавшего за социально-бытовые реформы.

«Он был и остался для меня совершеннейшим человеком на политической арене... Мне казалось, что он соответствовал требованиям, которые я предъявлял к политику: чистый, как хрусталь, мягкий, как агнец, храбрый, как лев и рыцарь во всех отношениях» (см.: Green M. (Ed.) Gandhi in India in his Own Words. Hanover, 1987).

Балгангадхар Тилак (1856–1920) — индийский ученый и политический деятель. Известен под именем Локаманья («Почитаемый народом»), был владельцем и редактором «Кесари», еженедельной националистической газеты на маратхском языке. Неоднократно приговаривался к тюремному заключению по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Активно участвовал в деятельности Индийского национального конгресса, но, будучи сторонником политического радикализма, сыграл важную роль в его расколе в 1907 году на умеренных и экстремистов. В 1914 году основал Индийскую лигу гомруля, впоследствии занял более умеренную позицию, направленную на сотрудничество с мусульманами в рамках пакта Лакхнау (1916), который признавал право голоса за мусульманским меньшинством.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Там же.

См.: Там же.

Джозеф Чемберлен (1836–1914) — министр колоний Великобритании (1895–1903). В начале политической карьеры примыкал к радикальному крылу либеральной партии, с конца 1890-х годов — консерватор. В 1880–1886 годах входил в правительство. Один из идеологов английского колониализма.

См.: Оруэлл Дж. Указ. соч.

См.: Tendulkar D. G. Mahatma: Life of Mohandas Karamchand Gandhi: V. 1–8. Bombay, 1951–1954.

Cm.: Bose N. K. Opus cit.

Cm.: Green M. Opus cit.

См.: Оруэлл Дж. Указ. соч.

«Не для того чтобы потеряться, но чтобы воодушевиться высшей Ценностью, слившись с Целым, с которым ее разделяет лишь ограниченность мысли и языка, ахимса — а кто говорит “ахимса”, говорит Любовь, Истина, сила Любви, равноценная силе Души или Истины, — проникает и растворяется в Душе (атман)... или в Истине {сам, или сатия), которая есть прямота мысли и действия, Существо и Энергия Существа и существ, суть и существование, атман, Бог»

См.: Gandhi M. K. Letters a 1'Ashram. Paris, 1960.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Тилак тоже ссылался на «Бхагавадгиту», но, в противоположность Ганди, отстаивая законное применение силы, как позднее и убийца Махатмы, Натхурам Годзе, который знал священный текст наизусть.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Хотя в последние годы Ганди хотел объединить религию (как этику) и политику, он все решительнее настаивал на ее отделении от общественной жизни: «Религия — личное дело каждого. Ее не следует смешивать с политикой и общественной жизнью» («Хариджан», 7 декабря 1947 года). Некоторые видели в этом «западную концепцию секулярности».

Тагора и Ганди от других выдающихся деятелей отличало то, что они понимали: никакая религия в традиционном смысле слова не могла стать основой универсальной веры или морали. Поэтому, проделывая свой собственный интеллектуальный путь, Ганди ожесточенно разрушал и перестраивал религиозные традиции, и это привело его к глубоко оригинальной трактовке этики, которую нельзя было выразить в понятиях традиционного индуизма. Заинтересовавшись исламом, христианством и народными традициями индусского благочестия, он создал собственный нравственный язык, который, даже выходя за рамки существующих религий, был к ним глубоко почтителен» (см.: Хилнани С. Политический портрет Неру: Либеральная идея Индии //Журнал «Эсприт». 2005. Февраль).

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Bose N. K. Opus cit.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Там же.

См.: Tendulkar D. G. Opus cit.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Там же.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Ашрам (*санскр.* — уединение, отшельничество, обитель отшельников) — место, где человек обращается к самому себе для медитации, молитвы и совершения обрядов с целью духовного обновления.

Восстание зулусов — антиколонизаторское восстание в 1906 году в английской колонии Наталь (теперь — провинция ЮАР). Во главе повстанцев стоял вождь зулусского племени зонди — Бамбата. Против повстанцев действовало около пяти тысяч английских и бурских солдат и волонтеров. В апреле в решающем сражении повстанцы были разбиты, Бамбата убит; последние очаги сопротивления уничтожены к концу июля. В ходе подавления восстания было убито около четырех из двенадцати тысяч повстанцев.

22 августа 1906 года в правительственной газете Трансвааля был напечатан новый законопроект. В нем предлагалось провести регистрацию всех индийцев, живущих на территории колонии, и выдать каждому специальное удостоверение. Лица, задержанные полицией без удостоверений, подлежали аресту и высылке из страны. Ни от белых (буров и англичан), ни от коренного населения такой регистрации не требовалось. Зато для индийцев регистрация сопровождалась рядом унижительных требований, в частности — обязательно оставить в полиции отпечатки всех десяти пальцев, что, как известно, применяется только в отношении преступников. Отпечатки пальцев должны были оставлять все, начиная с восьмилетнего возраста. При отсутствии удостоверения личности индиец оказывался фактически вне закона, так как не мог обратиться ни в одно официальное учреждение, устроиться на работу и т. п. Законопроект предполагал также обязательную регистрацию брака по христианскому обряду, иначе брак признавался незаконным. Полиция получала большие полномочия, например, входить в жилища индийцев (в том числе и на женскую половину дома, что было немислимо для индуса или мусульманина), чтобы проводить проверку документов. За въезд на территорию провинции индиец должен был уплатить огромную для большинства из них сумму в три фунта стерлингов (в то время эта сумма превышала годовую зарплату рабочего). Через год законопроект был принят парламентом и получил силу закона. Первая реакция Ганди была резкой: «Лучше умереть, чем согласиться с подобным законом» (см.: *Девяткин С. В. Искусство сатьяграхи* — <http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/2.html>).

Мартин Лютер Кинг (1929–1968) — один из руководителей борьбы за гражданские права афроамериканцев в США, инициатор тактики ненасильственных действий. Баптистский пастор (с 1954 года). Основатель афроамериканской организации «Южная конференция христианского руководства» (1957). Нобелевская премия мира (1964). Убит расистами.

См.: Gandhi M. K. Young India: 1919–1922. N. Y., 1924.

См.: Gandhi M. K. Young India: 1919–1922. N. Y., 1924.

См.: Young India. 1925. October, 12.

См.: Bose N. K. Opus c it.

См.: Gandhi M. K. Young India.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Gandhi M. K. Young India.

См.: Gandhi M. K. Young India.

См.: Young India. 1924. October, 23.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М., 1975.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Ян Христиан Смэтс (1870–1950) — южноафриканский политический деятель, британский фельдмаршал (с 1941 года), философ-идеалист. Премьер-министр ЮАС (1919–1924, 1939–1948). Один из авторов устава Лиги Наций. В политических сочинениях пропагандировал расистские теории. В полемике с дарвинизмом разработал философскую концепцию холизма, согласно которой в основе эволюционных процессов лежит активность нематериальных и непознаваемых «целостностей». Усматривал в них источник высших моральных ценностей людей.

«О, Боже!»

«Бостонское чаепитие» — акция протеста американских колонистов 16 декабря 1773 года в ответ на действия британского правительства, в результате которой в Бостонской гавани был уничтожен груз чая, принадлежавший Английской Ост-Индской компании. Это событие, ставшее началом американской революции, является символическим в американской истории.

Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский мыслитель-романтик, философ и писатель. Его творчество посвящено поискам истины, нравственной чистоте в человеческих отношениях, гармонии мира людей и мира природы.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

Чарлз Фрир Эндрюс (1871–1940) — английский священник, борец за независимость Индии, соратник Махатмы Ганди.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Fischer L. The life of Mahatma Gandhi. N. Y., 1983.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

«Центральной концепцией древнеиндийской цивилизации и индоарийской культуры была дхарма... Это понятие, состоящее из набора обязательств и исполнения долга в отношении самого себя и других... Если человек исполняет свой долг и соблюдает этические правила, последствия его поступков не могут не быть справедливы... Такое мировоззрение резко противоречит утверждению прав индивидов, групп людей или народов в современную эпоху» (см.: Неру Дж. Открытие Индии). Обязанностей столько же, сколько прав — на этом настаивает Ганди в «Хинд сварадж», и этим частично можно объяснить, почему за ним пошел индийский народ.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Green M. Opus cit.

Джон Стрейчи (1901–1963) — английский экономист и государственный деятель, один из ведущих теоретиков лейборизма и так называемого демократического социализма. Министр продовольствия (1946–1950), военный министр Великобритании (1950–1951).

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Виктор Александер Джон Линлитгоу (1887–1952), лорд Линлитгоу — английский государственный деятель. Был членом Совета морского министерства (1922–1924), участвовал в комиссиях по обследованию сельского хозяйства Индии (1926–1928) и по конституционной реформе для Индии (1933). С апреля 1936-го по октябрь 1943 года — вице-король Индии. После вступления Англии в начавшуюся в Европе войну лорд Линлитгоу объявил Индию воюющей стороной. Этот акт колониальных властей, совершенный без предварительных консультаций с представителями индийских политических партий, вызвал широкое движение общественного протеста. В течение осени 1939 года по стране прокатилась волна демонстраций и митингов протеста. Индия оказалась единственной страной (из объявивших войну фашистской Германии), в которой массовое антивоенное движение сразу же приняло широкий размах.

См.: Там же.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874–1965) — потомок первого герцога Мальборо, премьер-министр Великобритании (1940–1945, 1951–1955). В 1897–1898 годах служил в Индии. Принимал участие в военных действиях против Судана, закончившихся захватом этой страны Великобританией. До 1904 года — консерватор, затем либерал, с начала 1920-х годов снова консерватор, один из лидеров Консервативной партии. С 1908 года — неоднократно министр. В годы Второй мировой войны Черчилль стал символом выдержки британского народа, предсказал ему «кровь, тяготы, слезы и пот». Он выступал одним из инициаторов создания антигитлеровской коалиции с США и СССР и одновременно стремился ограничить влияние СССР в послевоенной Европе. В августе 1946 года в речи «Пробудись, Европа!», произнесенной в Цюрихе, призвал к единству европейских стран-победителей и побежденных. В программной речи в Фултоне (США, 5 марта 1946 года) Черчилль предупредил об угрозе тирании и тоталитаризма, исходящей от СССР, который создал «железный занавес» (от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике), и призвал к укреплению ООН, созданию особых отношений между Великобританией, США и другими странами с целью предотвращения новой войны и сохранения свободы и демократии. Нобелевская премия по литературе за сочинения историко-мемуарного характера (1953).

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Маркс К. Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. М.: ОГИЗ, 1948. С. 306.

См.: Неру Дж. Взгляд на всемирную историю.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Анни Безант (1847–1933) — участница индийского национально-освободительного движения. По происхождению англичанка. Возглавляла в Индии теософское общество, Лигу гомруля, боровшуюся в годы Первой мировой войны за достижение Индией самоуправления в рамках Британской империи.

Эдвин Сэмюэл Монтегю — член Кабинета министров британского правительства, генеральный секретарь по делам Индии в 1917–1922 годах.

Фредерик Джон Тесингер, лорд Челмсфорд — вицекороль Индии в 1917–1921 годах.

Многие историки думают, что Неру по политическим причинам поощрял превращение Ганди в икону. Однако я ссылаюсь на свидетельства и описания в его работах, которые зачастую противоречивы и говорят как о его метаниях, страданиях и приступах озлобления, так и о его привязанности к Ганди.

«Переезд из Калькутты в Хардвар был особенно мучителен. Временами в вагонах не было света. В Сахаранпуре некоторых из нас перевели в товарные вагоны, а других — в вагоны для скота, над нами не было крыш, и, сидя на раскаленном железном полу, мы буквально изжарились под ярким полуденным солнцем» (см.: Ганди М. К. Моя жизнь).

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Союз добровольных служителей нации («Раштрия сваямсевак сангх», РСС) — индуистская националистическая организация, созданная в 1925 году, возглавляемая брахманом Балимаром Хедгеваром. Построенная по принципу жесткой авторитарности и непримиримости по отношению ко всем проявлениям либерализма и коммунизма, эта организация стала действительно ударной силой индусской консервативной революции. Идеологическую парадигму РСС составил коммунизм, являющийся своеобразным аналогом национал-социализма, но с ярко выраженной религиозной спецификой. В настоящее время РСС насчитывает свыше четырех миллионов активистов, в основной массе представляющих студенческую молодежь. Собираясь два-три раза в неделю, активисты организации занимаются спортом, боевой подготовкой, разучивают приемы владения холодным оружием.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

Home Rule League.

Пандит (*санскр.* — ученый) — в Индии старинное почетное звание ученого-брахмана, знающего санскрит и индусскую каноническую литературу (Веды, «Бхагавадгиту», «Хариваншу», «Бхагавадпурану» и др.).

Бихар — штат на востоке Индии. Название переводится с санскрита как «священная обитель». Столица и крупнейший город — Патна.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Ганди Л/. К. Моя жизнь.

См.: Ганди Л/. К. Моя жизнь.

Целью этого законопроекта было сохранить в мирное время исключительные репрессивные меры времен Второй мировой войны.

Сабха — совет, собрание.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Там же.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Хариджан — низшая каста неприкасаемых, нищих, лишенных гражданских прав.

См.: Green M. Opus c it.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Байсакхи (Вайсакхи) — праздник урожая и Нового года, отмечаемый в Пенджабе, один из крупнейших праздников сикхского календаря. Празднуется в первый день месяца вайсакх по солнечному календарю Нанакшахи, что соответствует 14 апреля по григорианскому календарю.

См.: Erikson E. Opus cit.

См.: Ганди М. К. Моя жизнь.

Мотилал Неру (1861–1931) — один из лидеров Индийского национального конгресса и партии свараджистов, отстаивавших лозунг свараджа.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

«Упанишады» — один из разделов Вед, древнеиндийские религиозно-философские комментарии к ведическим гимнам, составившиеся на протяжении многих веков.

См.: Bose N. K. Opus cit.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Young India. 1921. December, 31.

Свадеши (санскр. — своя страна, родное, отечественное) — поощрение национального производства.

Субхас Чандра Бозе (1897–1945) — индийский политик-националист. В 1928 году совместно с Джавахарлалом Неру основал Индийскую независимую лигу. В 1938–1939 годах был председателем партии Индийский национальный конгресс, но разошелся во взглядах с другими руководителями партии. В 1941 году бежал из-под домашнего ареста и уехал в Германию. Не получив поддержки нацистов в борьбе против англичан, в 1943 году отправился в Японию, затем в Сингапур. Здесь возглавил индийскую национальную армию, состоявшую из индийских военнопленных, а также сформировал временное правительство Индии.

Имеется в виду Акт о правительстве Индии, принятый парламентом Соединенных Королевств для расширения участия индийцев в правительстве Индии. Закон о воплощении реформы, рекомендованный в докладе генерального секретаря по делам Индии Эдвина Монтегю и вице-короля лорда Челмсфорда. Закон действовал десять лет, с 1919 по 1929 год.

См.: Неру Дж. Взгляд на всемирную историю.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Там же.

См.: Там же.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Tendulkar D. G. Opus cit.

Братя Али были мусульманскими активистами, дружбой с которыми хотел заручиться Ганди.

Титулом принца Уэльского до 1921 года обладал Эдуард VIII (1894–1972) — король Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, император Индии на протяжении десяти месяцев: с 20 января по 11 декабря 1936 года; не был коронован. Отрекся от престола, чтобы вступить в брак с разведенной Уоллис Симпсон, на что правительство Великобритании не давало согласия. При этом заявил: «Я нашел невозможным... исполнять обязанности короля без помощи и поддержки женщины, которую я люблю». Вскоре по отречении, 8 марта 1937 года, получил титул герцога Виндзорского. Известен своими личными контактами с нацистской Германией, имевшими место после отречения. В 1940–1945 годах был губернатором Багамских островов, после войны жил во Франции.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Фредерик Эдвин Смит, лорд Биркенхед (1872–1930) — английский юрист и государственный деятель. Вступил в парламент в 1906 году, был членом коалиционного кабинета (1915–1919). Возведенный в пэры, занял пост лорд-канцлера в кабинете Ллойд Джорджа (1919–1922). В кабинете Болдуина — министр по делам Индии (1924–1928). В это время правительство создало комиссию по пересмотру индийской конституции. Комиссия совершенно игнорировала интересы Индии и потому вызвала общий протест индийского народа, дав новый толчок индийскому национальному движению. Вышел в отставку в 1928 году.

Длинная речь Ганди приводится автором в сжатом изложении.

См.: Fischer L. The life of Mahatma Gandhi.

Читтаранджан Дас (1870–1925) — адвокат, деятель индийского национально-освободительного движения, в 1918–1922 годах лидер правого крыла Индийского национального конгресса, в 1923–1925 годах лидер свараджистов.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Ко хат — город в Пакистане (после раздела Британской Индии в 1947 году), в Северо-Западной пограничной провинции, на реке Кохат-Той.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Эдуард Фредерик Линдли Вуд, барон Ирвин, граф Галифакс (1881–1959) — английский государственный деятель, один из лидеров консерваторов. В 1910 году был избран в парламент. Участвовал в Первой мировой войне. В 1917 году служил в министерстве национальной повинности. В 1921 году назначен заместителем министра колоний, в 1922 году стал министром просвещения, а в 1924-м — министром сельского хозяйства (в кабинете Болдуина). В 1925–1930 годах был генерал-губернатором и вице-королем Индии (с 1926 года). Стремился закрепить за ней статус доминиона, противодействуя движению за независимость. Вел длительные переговоры с Ганди и другими индийскими лидерами, активно участвовал в организации англо-индийских конференций «круглого стола». В 1935–1937 годах — лорд — хранитель печати, в 1935–1938 годах — лидер палаты лордов и заместитель премьер-министра. В 1938–1940 годах — министр иностранных дел; сторонник умиротворения фашистских агрессоров. В ноябре 1937 года вела переговоры с Гитлером, во время которых изложил программу англо-германского соглашения. В 1941–1946 годах посол в США. В 1947–1953 годах — председатель Генерального консультативного совета радиовещательной компании «Би-би-си».

Святая Тереза Авильская (святая Тереза де Авила) (1515–1582) — испанская монахиня-кармелитка, католическая святая, автор мистических сочинений, реформатор кармелитского ордена, создатель орденской ветви «босоногих кармелиток».

Святой Иоанн Креста (святой Хуан де ла Крус, в миру Хуан де Йепес Альварес) (1542–1591) — католический святой, писатель и поэт-мистик. Реформатор ордена кармелитов.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Оруэлл Дж. Указ. соч.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943.

Эта история послужила сюжетом для романа «Мира и Махатма» Судхира Какара.

См.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943.

См.: Green M. Opus cit.

Фильм «Ганди» Ричарда Аттенборо снят по мотивам биографии, написанной Фишером.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Поэтесса, известная своей ангажированностью и лирическим даром (ее прозвали «бенгальским соловьем»), с самого начала примкнувшая к гандийскому движению. Во время соляного марша, когда Ганди бросили в тюрьму, она приняла эстафету вместе с сыном Махатмы и привела мирное войско к убийственным палкам полиции. В 1947 году она стала губернатором Соединенных провинций.

Страна маратхов — штат Махараштра на западе Центральной Индии, вдоль побережья Аравийского моря.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Чакраварти Раджагопалачари (1878–1972) — блестящий юрист, который до обретения независимости был одним из пяти лидеров конгресса (вместе с Джавахарлалом Неру, Раджентрой Прасадом, Сардаром Валлабхбхаем Пателом и Мауланой Абдулом Каламом Азадом) и остался близок к Ганди. Он стал вторым генерал-губернатором свободной Индии после Маунтбэттена, а потом был главным министром в правительстве Мадраса.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Там же.

Сароджини Найдю (1879–1926) — руководитель женского движения и председатель Индийского национального конгресса.

См.: Erikson E. Opus cit.

См.: Неру Дж. Взгляд на всемирную историю.

См.: Fischer L. Opus cit.

«Круглые столы» — конференции 1930—1932 годов, созывавшиеся английским правительством с целью обсуждения вопросов конституционного устройства Индии в связи с подготовкой нового закона об управлении Индией. Проходили в Лондоне: 1 — я — с 16 ноября 1930 года по 19 января 1931 года, 2-я — с 7 сентября по 1 октября 1931 года, 3-я — с 17 ноября по 24 декабря 1932 года. С английской стороны в них участвовали представители политических партий Великобритании, члены английского парламента и колониальной администрации в Индии; с индийской — делегации князей, различных организаций неприкасаемых, Мусульманской лиги, «Хинду Махасабха» и Всеиндийской федерации либералов. Индийский национальный конгресс принимал участие только во 2-й конференции (его представлял на ней Махатма Ганди), 1-я и 3-я конференции, работа которых проходила в период проводившихся Индийским национальным конгрессом в Индии кампаний гражданского неповиновения, — были бойкотированы. В целом индийские представители высказались на конференциях (хотя большинство и в весьма умеренной форме) за предоставление Индии статуса доминиона. Однако отсутствие между ними единства и стремление большинства из них добиться удовлетворения религиозных и кастовых требований («Хинду Махасабха» требовала, в частности, отказа от предоставления специальных гарантий мусульманской общине, делегации неприкасаемых — образования отдельной курии и увеличения своего представительства в законодательных органах, Мусульманская лига — сохранения куриальной системы, предоставления мусульманам одной трети всех мест в центральных и провинциальных органах власти и утверждения законов только при том условии, если за них голосуют 3/4 членов каждой из религиозных общин — 14 пунктов М. А. Джинны и т. д.) не позволили им принять согласованные решения. Известную роль сыграла политика Англии. Стремясь увести индийских участников в сторону от обсуждаемой ими проблемы самоуправления, она старалась сосредоточить их внимание на распределении мест в подлежащих созданию конституционных органах и заявляла, что к обсуждению проблемы самоуправления можно будет приступить только после урегулирования вопроса о гарантиях прав религиозных общин, отдельных народностей и каст, выдвигая на первый план, таким образом, проблему, по которой между различными секциями

индийского национально-освободительного движения существовали серьезные разногласия. Эту же цель преследовала и организация работы на конференциях. Она проводилась в подкомитетах, главным из которых был комитет по делам меньшинств. В результате положения закона о порядке распределения мест между религиозными общинами в будущем центральном и провинциальных законодательных органах были приняты впоследствии в английской редакции, по существу, направленной на то, чтобы настроить одни религиозные группы против других.

См.: Неру Дж. Взгляд на всемирную историю.

Бим Рао Амбедкар (1891–1956) — индийский общественный и политический деятель-реформатор. Входил в законодательную ассамблею Бомбея, был министром юстиции центрального правительства, участником разработки проекта нынешней конституции. Родившись среди неприкасаемых, боролся за упразднение этой касты. В 1951 году основал Индийское буддийское общество и сам принял буддизм незадолго до смерти. Благодаря его усилиям миллионы неприкасаемых отrekliсь от индуизма и приняли буддизм.

См.: Fischer L. Opus cit.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Джордж Фримен Фримен-Томас, маркиз Уиллингдон-Рэттон, виконт Рейтендоун-Уиллингдон, барон Уиллингдон-Рэттон и виконт Уиллингдон (1866–1941) — губернатор Бомбея (1913–1918), генерал-губернатор Канады (1926–1931), вице-король Индии (1931–1936).

Cm.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

220

См.: Там же.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Джеймс Рамсей Макдональд (1866–1937) — английский государственный политический деятель, один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929–1931 годах — премьер-министр. В 1931–1935 годах, выйдя из Лейбористской партии, возглавлял коалиционное (так называемое национальное) правительство.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Хариджаны — люди низшей касты неприкасаемых.

См.: Bose N. K. Opus cit.

См.: Bose N. K. Opus cit.

Ортодоксальных индусов.

Квоты в университетах, органы управления, выборные органы.

См.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943.

См.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943.

См.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943.

См.: Bernard J. Л. De l'empire des Indes a la Republique indeinne: 1935 a nos jours. Paris, 1994.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Оруэлл Дж. Указ. соч.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Fischer L. Opus cit.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

243

Название переводится с санскрита как «служение деревне».

Об этом опыте он рассказывает в книге «Паломничество к истокам» (1943), имевшей широкий отклик.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Bose N. K. Opus cit.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Bose N. K. Opus cit.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Cm.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943.

Cm.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Cm.: Romain R. Inde. Journal, 1915–1943.

См.: Bose N. K. Opus cit.

Молодой Тагор, автор этих строк и пламенный коммунист, боролся с влиянием Ганди во французских интеллигентских кругах и выпустил в издательстве «Галлимар» злобный памфлет против него.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

Нельсон Ролехлахла Мандела (р. 1918) — президент ЮАР с 1994 года. Президент Африканского национального конгресса (АНК) Южной Африки с 1991 года. Один из основателей Молодежной лиги АН К. Активный борец против апартеида. Неоднократно подвергался арестам. В 1964 году приговорен к пожизненному заключению; в 1990 году освобожден. Нобелевская премия мира (1993).

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

260

См.: Там же.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Ричард Стаффорд Криппс (1889–1952) — один из лидеров левого крыла Лейбористской партии Великобритании, в 1934–1935 годах — член ее исполкома. Выступал за создание единого фронта левых сил, включая компартию. В 1939 году исключен из партии (восстановлен в 1945 году). В 1940–1942 годах — посол в СССР. В 1942–1950 годах — в правительстве.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Абдул Гаффархан (1881–1988) — лидер движения пуштунов за предоставление им права самоопределения, представитель пуштунского национализма. В 1919 году возглавил пуштунскую националистическую организацию «Энджумени-ислахи аль-Афгана», а в 1930 году — партию «Пуштун джиргу», примыкавшую к Индийскому национальному конгрессу, и отряды «Красных рубаш». В 1947 году вместе с другими пуштунскими националистами выдвинул лозунг самоопределения пуштунских районов и создания Пуштунистана. После образования Пакистана выступил в оппозиции к правительству, являлся одним из организаторов и руководителей Народной партии (основана в 1948 году), а затем Национальной народной партии Пакистана.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

Арчибалд Персивал Уэйвелл (1883–1950) — британский фельдмаршал (1943), граф (1947). Участник Первой мировой войны, в 1916–1917 годах — британский военный атташе при штабе русской Кавказской армии. С июля 1939 года возглавлял командование британских вооруженных сил на Ближнем Востоке. В начале Второй мировой войны руководимые им войска одержали победы над итальянскими войсками в Киренаике (декабрь 1940-го — февраль 1941 года) и Восточной Африке (январь — май 1941 года), но затем потерпели поражения в Греции, на острове Крит и в Ливии, после чего был отозван и назначен командующим британскими войсками в Индии. В январе — марте 1942 года — главнокомандующий союзными вооруженными силами в Юго-Восточной Азии, с марта 1942 года — союзными силами в Индии и Бирме. С июня 1943 года по февраль 1947 года — вицекороль Индии.

См.: Раупе R. Opus cit.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Неру Дж. Взгляд на всемирную историю.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

После разделения Бенгалии и Индии в 1947 году округ Ноакхали отошел к территории Бангладеш.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

Хусейн Шахид Сухраварди (1893–1963) — премьер-министр Пакистана (1956–1957). В 1937–1947 годах — министр в индийской провинции Бенгалия. После образования Пакистана (1947) порвал с Мусульманской лигой, организацию которой в Бенгалии возглавлял многие годы. В 1950 году возглавил основанную в 1949-м партию Народная лига.

См.: Nanda B. R. Opus cit.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Green M. Opus cit.

См.: Там же.

285

См.: Там же.

Луи Фрэнсис Альберт Виктор Николас Маунтбэттен, граф Маунтбэттен Бирманский, лорд Маунтбэттен (1900–1979) — английский адмирал и государственный деятель. Участник Первой мировой войны. В 1940–1941 годах командовал флотилией эскадренных миноносцев, которая поверглась жестокой бомбардировке в сражении за Крит. В 1942 году стал начальником управления морских десантных операций и многое сделал для организации высадок морских десантов в Северной Африке, Италии и Нормандии. В 1943 году назначен командующим союзными силами в Юго-Восточной Азии, где восстановил моральный дух и боеспособность потрепанных в боях войск Британского Содружества, сражавшихся против японцев в Бирманской кампании. В 1947 году стал последним вице-королем Индии, обеспечившим передачу стране суверенитета от британской короны. Этот процесс был омрачен всплеском межобщинной резни. По просьбе нового правительства Индии Маунтбэттен до 1948 года оставался на посту первого генерал-губернатора. Возобновив карьеру в военно-морских силах, стал начальником штаба обороны (1959–1965). Выйдя в отставку, критиковал ядерное вооружение британской армии. Убит в 1979 году членами Ирландской республиканской армии во время отдыха в Ирландии.

Payne R. Opus cit. В книге Роберта Пейна «Жизнь и смерть Махатмы Ганди» очень подробно рассказано о последних годах жизни Махатмы.

См.: Pay ne R. Opus cit.

См.: Pay ne R. Opus cit.

См.: Pay ne R. Opus cit.

См.: Tendulkar D. G. Opus cit.

О личной неприязни не было и речи: «Я заявляю перед Богом и людьми, что, положив конец жизни Ганди, я уничтожил существо, бывшее проклятием для Индии, силой зла, которое тридцать лет, эгоистически проводя неразумную политику, приносило ей лишь горе и нищету...»

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.

См.: Неру Дж. Открытие Индии.

См.: Nehru J. Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru.